

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
В XVI – НАЧАЛЕ XX В.

сборник научных статей

Нальчик • 2016

УДК 94(470.6).08
ББК 63.3(235.7)52–68
П 78

Печатается по решению Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН

Главный редактор

К.Ф. Дзамихов, д.и.н.

Редакционная коллегия:

Т.Х. Алоев

З.А. Кожев

А.С. Мирзоев

Д.Н. Прасолов

П – 78 Проблемы социокультурного развития народов Кабардино-Балкарии в XVI – начале XX в. Сборник научных статей. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 164 с.

В исследованиях, вошедших в сборник, проанализированы разнонаправленные интеграционные процессы, происходившие в этнополитическом и социокультурном пространстве Северо-Западного и Центрального Кавказа, в которые были вовлечены народы Кабардино-Балкарии в XVI – начале XX в. Населяющие регион этносы традиционно связаны общностью исторического процесса, а многие и общностью происхождения. Интенсивное взаимодействие между ними было обусловлено как внутренними причинами, так и внешнеполитическими вызовами. Сопряжению и унификации многих сторон социально-политической и духовной жизни населения Северо-Западного и Центрального Кавказа способствовали доминирование в регионе феодальной Черкесии, а также задачи противостояния крупным геополитическим игрокам – Османской империи и ее вассалу Крымскому ханству, а с середины XVIII в. – Российской империи в ходе многолетней Кавказской войны. Интеграция народов региона в политико-правовое и социокультурное пространство Российской империи представляла собой комплекс многогранных и противоречивых изменений, развивавшихся в двух направлениях: «внешнем» (включение народов Северного Кавказа в состав российского государства) и «внутреннем» (формирование новых интеграционных связей между местными этническими сообществами).

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, студентам, а также всем тем, кто интересуется историей Кавказа.

THE INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH –
affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»

ISSUES OF SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT
OF THE PEOPLES OF KABARDINO-BALKARIA
IN THE XVI – THE BEGINNING OF THE XXth

collection of scientific articles

Nalchik • 2016

Is printed according to the decision of the Scientific council of IHR KBSC RAS

Chief editor

K.F. Dzamikhov, d.h.s.

Editorial team:

*T.H. Aloyev
Z.A. Kozhev
A.S. Mirzoyev
D.N. Prasolov*

P – 78 Issues of socio-cultural development of the peoples of Kabardino-Balkaria in the XVI – the beginning of the XXth. Collection of scientific articles. – Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2016. – 164 p.

In researches, which have entered into the collection, are analysed multidirectional integration processes, happening in ethnopolitical and sociocultural space of the Northwest and Central Caucasus, in which have been involved people of Kabardian-Balkaria in the XVI – the beginning of the XXth century. The ethnoses inhabiting the region are traditionally connected by a community of historical process, and many of them by an origin. Intensive interaction between them has been caused by internal reasons, and by foreign policy calls. To interface and unification of many parties of socio-political and spiritual life of the population of Northwest and Central Caucasus promoted domination in the region of the feudal Circassia, and also a problems of opposition to large geopolitical players – to the Ottoman Empire and its vassal, the Crimean khanate, and from the middle of the XVIIIth century – to the Russian Empire during the Caucasian war. Integration of the people of this region into politic-legal and sociocultural space of the Russian Empire represented a complex of the many-sided and contradictory changes developed in two directions: «external» (inclusion of the people of the North Caucasus in the structure of the russian state) and «internal» (formation of new integration communications between local ethnic communities).

The edition is addressed to scientists, teachers, students, and also to all those, who is interested in history of the Caucasus.

ВВЕДЕНИЕ

Народы, населявшие кавказский перешеек, всегда находились в зоне досягаемости мощных культурных импульсов древних цивилизаций. Северо-Западный и Центральный Кавказ, становясь ареной встречи и синтеза различных этнокультурных традиций постепенно приобретал черты своеобразия, позволяющие выделить его из числа других кавказских субрегионов. Неоднородный, но единый в естественно-географическом отношении, Северо-Западный и Центральный Кавказ во все исторические эпохи выступал ареной наиболее активных интеграционных процессов в регионе. Ландшафтные особенности Северного Кавказа, связанные с ними основы хозяйственно-экономической деятельности плоскостного и горного населения, наряду со спецификой этнодемографической ситуации в регионе определяли закономерности и системный характер отношений между различными группами населения, основные тенденции эволюции социального и этнокультурного пространства. Период позднего средневековья и новое время завершают длительный процесс кристаллизации идентичности современных народов Северо-Западного и Центрального Кавказа на основе сопряжения субстратной кавказской среды и северных, «степных» по происхождению элементов (демографических, лингвистических, социокультурных).

В XVI–XVIII вв. эти процессы были связаны с формированием и расцветом позднесредневековой черкесской культуры, которая постепенно охватывает весь Северо-Западный и Центральный Кавказ. В этот период происходит усиление Кабардинского княжества. Долгое время Кабарда, являясь крупнейшим феодальным социумом Северного Кавказа, играла выдающуюся роль в истории края. Кабардинское феодальное общество претендовало на доминирующие позиции в регионе. Связанная системой устойчивых иерархических по преимуществу социальных связей и отношений практически со всеми крупными этническими общностями Северного Кавказа, Кабарда стала одним из активнейших субъектов исторического процесса, имевшего место в регионе.

Закономерности возникновения на Северо-Западном и Центральном Кавказе политических образований (или региональных центров), претендующих на доминирование в пределах всего региона, объединяющих весьма разнородные этнические элементы в дискретную но

внутренне консолидированную системную целостность, единое социокультурное пространство, поддаются определению и описанию научными методами. До практического включения народов Северного Кавказа в государственно-правовое пространство Российской империи система этносоциальных отношений, сложившаяся на Северо-Западном и Центральном Кавказе, играла самостоятельную роль в процессах этно- и культурогенеза адыгов, абазин, карачаево-балкарцев и других народов края. Деформируясь под массивным военно-политическим давлением в годы Кавказской войны, уступая место новым имперским порядкам, она просуществовала до фактического вхождения региона в состав Российского государства.

Во второй половине XVIII – начале XIX в. одними из основных интеграционных механизмов в регионе стали военно-политические и колонизационные мероприятия, которые осуществлялись Российской империей в рамках Кавказской войны. Для Кабарды политическая интеграция в состав российского государства завершилась в 1822 г., когда был учрежден Кабардинский временный суд, напрямую и стабильно подконтрольный Кавказской военной администрации. Процесс социокультурной интеграции оказался более продолжительным.

Период со второй четверти XIX в. до начала XX в. стал временем формирования современного этнокультурного ландшафта Кабардино-Балкарии. В результате переселенческой политики российского правительства в регионе складываются устойчивые группы иноэтничного населения: казаков, русских, украинцев, горских евреев, немцев и др. В процессе этнокультурного взаимодействия система первичного производства кабардинцев выступала не только реципиентом, но и транслятором переселенческому этническому массиву культурных навыков, которые были адаптированы к местным условиям.

По мере углубления интеграции края в социокультурное пространство Российской империи, северокавказские города уже не только выступают в качестве административных центров, определяя политическую и правовую культуру, расширяя перечень торгово-хозяйственных контактов. На рубеже XIX–XX вв. они транслируют некоторые, типично городские гуманитарные потребности в сохранявшийся преимущественно традиционалистским сельский мир. Тем самым этот фактор стал одним из основных в дальнейшей дифференциации, способствуя проницаемости этнокультурных границ, что влекло за собой некоторую трансформацию этнокультурной идентичности кабардинцев, сохранявшей, тем не менее, преимущественно традиционалистский характер. Контакты с иноэтничным городским населением дополняли

новациями патриархальный образ жизни и способствовали расширению гуманитарных потребностей, оказывая в целом определенное воздействие на процессы трансформации этнокультурной идентичности кабардинцев.

Значительные сдвиги произошли в соционормативной культуре. Распространение шариата и некоторые ограничения обычноправовой юстиции административно-судебными нововведениями российской военной администрации с конца XVIII в. существенно трансформировали традиционную правовую культуру кабардинцев. Несмотря на практически полную реорганизацию судебной системы и утверждение в Кабарде общерегламентирующих норм российского государственного права, повседневное обычно-правовое регулирование оставалось определяющим фактором правовой культуры кабардинцев, сохранило широкую практику, стабилизировавшись на уровне, сформировавшемся по завершении социальных и административных преобразований 1860-х гг. В достаточно отдифференцированном от других правовых систем виде и с наименьшими изменениями обычное право сохраняло свое регламентирующее значение в морально-этическом регулировании поведения и празднично-обрядовой культуре.

Значительную динамику продемонстрировала религиозная культура. Военно-колониационная политика России в конце XVIII в. стимулировала завершение внутренней исламизации. Это усиливало эффективность идеи религиозной несовместимости с условиями вхождения в социокультурное пространство Российской империи, обосновывавшей как военное сопротивление, так и иные формы проявления неприятия интеграционных преобразований.

Со второй четверти XIX в. мусульманское духовенство постепенно переориентируется от обоснования антироссийского сопротивления до интеграции в административно-судебную систему, с последующим осуществлением в ее рамках целого ряда государственно-идеологических функций. В то же время внутренняя религиозная жизнь сельских обществ сохраняла существенную автономность и, надо отметить, не испытывала серьезного давления со стороны царских властей. Развитие гуманитарной культуры в конце XIX – начале XX в. наглядно продемонстрировало, что игнорирование ислама как важнейшего компонента этнической культуры кабардинцев обрекало на провал любые просветительские проекты.

Формирование светской и мусульманской интеллигенции стимулировало работу над графическим воплощением кабардинского и балкарского языка на кириллице и арабской графической основе. Развивается

общественная мысль, в которой проблемы интеграции и её этнокультурные последствия были одними из ключевых. В начале XX в. изменения в гуманитарной культуре определялись взаимодействием российской, исламской и этнической культурных традиций, религиозного и светского начал в народном просвещении, сочетанием идей традиционализма и модернизации, ориентированной на европейские и мусульманские ценности. Наиболее ярко это проявилось в деятельности т.н. Баксанского просветительского центра. Его деятельность была одним из свидетельств поступательной интеграции кабардинского общества в социокультурное пространство «русского мусульманства», феномен которого сложился в значительной мере под влиянием идей джадидизма.

Наряду с доминировавшим прежде российским влиянием, мусульманско-реформаторское просветительство становится важным стимулятором культурных процессов в Нальчикском округе. В этом интеллектуальном движении сочеталось преподавание духовных и светских дисциплин, с использованием национальной письменности на основе арабской графики. В системе меняющихся гуманитарных потребностей новометодное мусульманское образование оказалось в большей степени соответствующим традиции и нуждам этнокультурного развития кабардинцев в рамках Российской империи, нежели образование, получаемое в начальных школах общероссийского типа, базирующихся на изучении русского языка. Наивысшего расцвета это направление просветительства достигло уже после Февральской революции 1917 г.

**ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ И ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ
В XVI–XVIII вв.**

На протяжении всего Средневековья особое географическое положение Кабарды, наряду с особенностями ландшафта и этнодемографии региона (хозяйственно-экономической специализации горцев и жителей равнин, неравномерности уровней социально-политического развития и т.д.) детерминировали особенности этнического развития кабардинцев и интенсивность межэтнического взаимодействия последних с народами Северного Кавказа.

В отечественной историографии издавна отмечалось значительное культурное влияние кабардинцев на своих соседей.

Кавказский генерал-губернатор П.С. Потемкин в «Кратком описании о кабардинских народах», составленном им в 1784 г., писал: «Нахожу достойным описать кабардинцев, яко главнейших между всеми народами, занимающими все пространство земли, лежащей у подошвы Кавказских гор, между Каспийским и Черным морем... Кабардинцы между всеми горскими народами, кроме дагестанцов, имеют преимущество, все протчие роды, как-то: кумыки, чеченцы, карабулаки, аксайцы, андийцы, асетинцы, абазинцы, беслинейцы, кигушевцы и протчия... подражают им... не токмо во нравах, но в образе жизни и во образе одежды»¹.

Подчеркивая особое место, которое занимали черкесы на Северном Кавказе, автор статьи «Привилегированные сословия Кабардинского округа» отмечал: «Разделенные на множество колен (кабардинцы, бесленевцы, темиргоевцы, махошевцы, бжедухи и проч.), нередко враждовавших между собою, тем не менее адигейцы единством своего языка и общностью обычаев составляли мощный народ, сила и преимущества которого над прочими племенами Северного Кавказа ясно выражалась рабским подражанием сих последних – одежде, нравам и обычаям, усвоенным адыгейцами вообще и кабардинцами в особенности»².

¹ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII в. (Документы и материалы в 2-х томах) // В дальнейшем КРО. Т. 2. М. 1967. С. 359, 364.

² Привилегированные сословия Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах – ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 11.

«Рыцарская Кабарда, – писал историк терского казачества И. Попко, – была законодательницей мод и вкуса для всех воинственных адыгских обществ от Сунжи до Черного моря»³.

В новейшее время тема кабардинского влияния на культуру горцев Северного Кавказа получила дальнейшее развитие. Об этом писали В.П. Пожидаев, Е.Н. Студенецкая, В.И. Абаев, Б. Алборов, Б.Х. Бгажноков, К.М. Текеев, В.Б. Вилинбахов и др.⁴

Вместе с тем, нам представляется, что содержание процессов межэтнического взаимодействия на Северном Кавказе в эпоху позднего Средневековья и в Новое время было намного богаче и разнообразнее простого влияния черкесов на культурогенез соседних народов, что конечно же тоже имело место.

Известный кавказовед, академик Н.Я. Марр, пришел к заключению, что «реальная характеристика того или иного народа Кавказа становится в зависимость не от его национальной самооценки, а от места, занимаемого им в данной целостной группировке, сформировавшейся на средстве тех или иных культурных элементов»⁵. К этому можно добавить, что реальные характеристики, «национальная самооценка» и место, занимаемое в «целостной группировке» большинства народов Северного Кавказа в XVI–XVIII вв. были подвержены значительным изменениям. В первую очередь это коснулось основной массы черкесов.

Источники второй половины XVII в. представляют нам Черкесию как конгломерат самостоятельных феодальных княжеств с довольно многочисленным населением⁶. По данным Эвлия Челеби Черкесия могла выставить 64 тыс. воинов, из них хегаки – 3 тыс., жанеевцы – 13 тыс., хатукаевцы – 8 тыс., кемиргоевцы – 10 тыс., бжедуги – 3 тыс., бесленевцы – 5 тыс., Большая Кабарда – 10 тыс., «страна Таустан» (видимо Малая Кабарда и соседние горцы Центрального Кавказа) – 12 тыс.⁷

³ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. Т. 1. С. 110

⁴ Пожидаев В.Л. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925. С. 86–87; Студенецкая Е.Н. Быт и культура кабардинского народа. Нальчик, 1956. С. 16; *Ее же*. Одежда // Культура и быт народов Северного Кавказа. М. 1968. С. 153, 170; Абаев В.И.. Осетинский язык и фольклор. М.–Л., 1959. С. 88; Алборов Б. Культура и быт осетинского народа. Рукопись // АСОНИИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 92.; Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 25; Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. М., 1989. С. 337. Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. 1997. С. 219–220.

⁵ Марр Н.Я. Кавказ в памятниках его духовной культуры. СПб., 1912. С. 5.

⁶ Челеби Эвлия. Книга путешествий. Вып. 2. М. 1979. С. 52–66.

⁷ Там же.

Эти сведения, на наш взгляд вполне заслуживают доверия, так как, например, в отношении кабардинцев, подтверждаются источниками первой трети XVIII в.⁸

К концу же XVIII в. значительная часть закубанских черкесов, сохранивших старые этнонимы (хегаки, жанеевцы, хатукаевцы, бжедуги, кемиргоевцы) оказалась оттесненной к кубанскому левобережью. Хегаки, жанеевцы и хатукаевцы уменьшились в числе катастрофически, а кемиргоевцы и бесленеевцы в несколько раз. Единственным черкесским субэтносом, сохранившим прежний военно-политический потенциал, и даже несколько увеличившимся в числе оказались кабардинцы. Несмотря на значительное перемещение населения (оставление кабардинцами района Пятигорья и присунженских земель), Кабарда сохранилась как крупнейшая этносоциальная единица феодальной Черкесии до нач. XIX в.

Параллельно процессу депопуляции аристократических субэтносов Западной Черкесии в Закубанье на протяжении XVII–XVIII вв. происходило оформление новых крупных этнических групп адыгского населения – натухаевцев, шапсугов и абадзехов, совершенно неизвестных более ранним источникам. Взаимозависимость этих процессов очевидна и в отечественном кавказоведении на это давно было обращено внимание⁹.

«Следует думать, – отмечала Н.Г. Волкова, – что появление в источниках новых названий адыгских племен и исчезновение старых, видимо, отражает не миграционные процессы или моменты физического уничтожения части адыгского населения Западной Черкесии, сколько разнообразные процессы этнического и социального характера, имевшие место в адыгском обществе в XVII–XVIII вв. Именно эти процессы могли вызвать к жизни новые этнические имена (натухай, шапсуг), скрывшие древние названия адыгских племен, знакомые по более ранним источникам»¹⁰.

Н.Г. Волкова, вслед за Л.И. Лавровым, полагала, что эта гипотеза не относится к абадзехам, основу которых якобы составили средневековые «обезы» – абазинские племена¹¹. С одной стороны, описание абадзехов, составленное Хан-Гиреем в 30-х годах XIX в. не противоречит этому заключению.

⁸ Кабардинский посол в России Магомет Атажукин в 1732 г. сообщал, что Большая Кабарда в состоянии выставить 10 тыс. воинов. (См. КРО. Т. 2. С. 59).

⁹ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М. 1974.

¹⁰ Там же. С. 25.

¹¹ Там же; Лавров Л.И. «Обезы» русских летописей // СЭ. 1945. № 4. С. 165.

«Племя это, – писал Хан-Гирей, – именуется Абадзах для легчайшего произношения... ибо это наименование, по всем вероятностям, произошло от того, что первоначальные абадзехи были абхазцы,... каковое название осталось навсегда, несколько изменяясь впоследствии, от произношения. Следовательно, этим же доказывается, что и происхождение первобытных абадзехов есть абхазское... Впрочем, как бы то ни было абадзехское колено составилось из пришельцев, отделившихся от абхазских и черкесских колен, и, как последних несравненно было более (разрядка наша – З.К.), то все они сделались черкесами, и ныне абадзехское племя есть настоящее черкесское колено и весьма сильное между прочими. Наречие абадзехов есть наречие низовых черкес, хотя оно имеет отличительный выговор, который есть их собственный, а не абхазское или какого-либо другого племени»¹².

Нам представляется, что не одни абадзехи имели «абазские» корни. Так еще в конце XVIII в. П.С. Паллас и шапсугов и натухаевцев отнес к главным племенам «Большой Абазы»¹³. Г.Ю. Клапрот, посетивший Северный Кавказ в 1807–1808 г. охарактеризовал натухаевцев «самыми могущественными из абазин», а в отношении шапсугов и абадзехов собрал следующие сведения: «Абадзехи – значительный по количеству народ черкесского происхождения. Они жили прежде на самых высоких снеговых горах западного Кавказа. Но так как их число все время возрастало, они спускались до черных сланцевых гор, и здесь еще более усилились, захватывая повсюду людей, которые стали крестьянами абадзехов. К ним также пришло много чужеземных беглецов и поселилось среди них; в результате произошло такое смешение, что в настоящее время одни только знатные – настоящие абадзехи.

Шапсуги... того же происхождения, что и кабардинские черкесы, но так как подобно абадзехам они принимают всех беглых, они так смешались, что среди них остались лишь очень немногие чистой черкесской крови»¹⁴.

Хан-Гирей, дифференцируя современные ему черкесские субэтносы, оставил любопытное замечание: «Абхазы землю свою называют Апснэ, а себя именуют апс-о; грузины их называют абхазеты, а черкесы абадзе, относя сие наименование собственно к абхазцам; впрочем, черкесы, живущие на северных равнинах за Кубанью, т.е. в княжеских

¹² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 190.

¹³ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX в. // В дальнейшем – АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 215.

¹⁴ Там же. С. 239, 241, 243.

владениях, называют нередко племена *абадзехское, шапсхгское и натххоккоадьское вообще «абадцэ»*, как бы желая под этим названием означать людей грубых; иногда даже скромные в похвалах к самому себе дворяне из этих племен, говоря о своем значении, произносят: «Конечно, я, как абадзинский дворянин, не знаток в вежливости, но надеюсь поддержать приличия, званию дворянина свойственные». При всем том, однако ж, *название «абадцэ», принадлежащее абхазцам, дают этим черкесским племенам потому только, что они живут с ними в соседстве и связях*. Наоборот, эти племена, т.е. абадзехское, шапсхгское и натххоккоадьское, *в некоторых случаях княжеским владениям, говоря вообще, преимущественно присваивают название адхге (т.е. адыгэ – З.К.), хотя это наименование есть общее всему черкесскому народу (разрядка наша – З.К.)»*¹⁵.

Ссылки автора на «грубость» «абазов» и объединение населения княжеских владений Черкесии в единую группу, на первый взгляд, переводят противопоставление последних с натухаевцами, шапсугами и абадзехами в социальную плоскость. Однако, судя по источникам, «аристократические» черкесские субэтносы в этническом плане были совсем неоднородны. Так, Эвлия Челеби в 60-х годах XVII в. отмечал особую близость бжедугов к абхазам. «Страна Боздук, – писал он, – имеет много общего с абхазами. (Вследствии) постоянной торговли характер и обычаи у них такие же, как у абхазов»¹⁶. Кабардинский князь Магомет Кургокин в одном из своих писем астраханскому губернатору, уже в 1748 г. сообщал, что отряд из Большой Кабарды совершил набег в наказание за разграбление купеческого каравана на «абазинских обывателей бажадугского рода»¹⁷.

Следовательно, дихотомия «адыгэ-абазэ» имела под собой вполне реальные основания этнокультурного характера, различия же в социальной организации двух групп адыгского населения Западного Кавказа были лишь внешним проявлением относительно самостоятельных путей этногенеза «аристократических» субэтносов Черкесии и новообразовавшихся «демократических племен».

Тезис Л.И. Лаврова об очеркешивании бжедугов, мохошевцев и абадзехов, во-первых, предполагает несколько прямолинейное понимание происходивших в Закубанье этнических процессов, как ассимиляции целых групп абазинского населения адыгами, а во-вторых,

¹⁵ Хан-Гирей. Записки ... С. 216.

¹⁶ Эвлия Челеби. Книга путешествий ... С. 75.

¹⁷ КРО. Т. 2. С. 163.

игнорирует «абазские» корни шапсугов и натухаевцев¹⁸. Если последнее не нуждается в доказательствах, то что касается характеристики этнических процессов, приведших к «очеркешиванию» натухаевцев, шапсугов, абадзехов, бжедугов и мохошевцев возникает целый ряд неизбежных вопросов.

Во-первых, как могли хегаки, хатукаевцы и жанеевцы, якобы ассимилировавшие «абазов», передать последним адыгский язык, сопутствующие ему этнокультурные стереотипы и при этом катастрофически уменьшится в числе, дойдя к концу XVIII в. до грани полного растворения среди своих более активных и многочисленных соседей? Тем более, что бжедуги и мохошевцы вошли в число черкесских аристократических субэтнотосов, как относительно самостоятельные этнические единицы, а натухаевцы, шапсуги и абадзехи совершенно не ассоциировали себя с хегаками, жанеевцами и хатукаевцами, хотя к концу XVIII в. адыгское самосознание, видимо, стало у них доминирующим над памятью об «абазском» происхождении. В то же время северокавказские абазыны, в-первую очередь тапантинцы, на протяжении целых поколений, проживавшие непосредственно в среде кабардинцев к концу XVIII в. так и не были окончательно ассимилированы последними.

В.К. Гарданов полагал, что в XVIII – первой половине XIX вв. ядром формировавшихся адыгских народностей были кабардинцы и кемиргоевцы, а натухаевцев, шапсугов и абадзехов относил к «основной базе» процесса сложения этих народностей¹⁹. Однако все говорит за то, что в XVIII в. как раз демократические адыгские субэтнотосы формировались за счет хегаков, жанеевцев, хатукаевцев и кемиргоевцев, а не наоборот. Перетекание населения феодальных владений Западной Черкесии (видимо, в основном за счет сословия *тфокотлей* – «вольных земледельцев») в новые этносоциальные организации – натухаевские, шапсугские, абадзехские «братства» было показателем кризиса традиционных общественных институтов феодальной Черкесии, ее социальных структур, которые лишались, таким образом, реального этнического наполнения.

Этот процесс был облегчен тем, что этнокультурная дихотомия «адыгэ-абазэ» имела характер противопоставления внутри родственной

¹⁸ Лавров Л.И. «Обезы» ... С. 165, 166; *Его же*: К истории бжедугов и жанеевцев // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Т. IV. Краснодар, 1965. С. 248.

¹⁹ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.) М., 1967. С. 22.

по языку, культуре и происхождению абхазо-адыгской этнолингвистической общности. По замечанию С.А. Арутюнова «необходим определенный уровень развития культуры, чтобы в ней могли появиться значимые и осознаваемые различия, достаточные для самопротивопоставления коллективов с различающейся культурой, т.е. этнические различия».²⁰ Следовательно последние имели место в отношении аристократических адыгов и «абазов». Однако, нам представляется, что субстратная основа сложения группы демократических адыгских субэтносов, определяемая Л.И. Лавровым как собственно абазинская, не была таковой в полном смысле значения этого термина. Для жителей средневековых княжеских владений феодальной Черкесии аморфное и разрозненное в социальном отношении население высокогорных районов Западного Кавказа представлялось «абазским» по общему этнокультурному облику, отличному от их собственно-«адыгского», но скорее всего оно занимало промежуточное положение между «аристократическими» черкесскими субэтнотами (кабардинцами, бесленеевцами, кемиргоевцами, хатукаевцами, жанеевцами, хегаками и др.) и абазинами по своим этнокультурным параметрам, диапазон которых даже в пределах одного этноса может быть достаточно велик.

Если исходить из этой гипотезы, этнические процессы, протекавшие в Закубанье и осложненные сопутствовавшим им кризисом общественных институтов феодальной Черкесии следует рассматривать как разновидность консолидационных или парагенетических, а не ассимиляционных. В конечном счете, по определению С.А. Арутюнова «ассимиляция является частным случаем консолидации»²¹. Однако для характеристики содержания этнических процессов, имевших место на Западном Кавказе в XVIII в., как «многосторонней консолидации», предполагающей «обобщение культурного достояния, принципиально важно иметь в виду определенную этническую однородность субъектов, участвовавших в них».²²

Консолидирующий потенциал субстратной основы – «абазских» предков натухаевцев, шапсугов и абадзехов оказался настолько значительным, что старые княжеские владения Западной Черкесии к концу XVIII в. сохранились лишь как реликты этнических процессов, имевших

²⁰ Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 67.

²¹ Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 105.

²² Там же.

место в эпоху Средневековья, а основная масса населения Закубанья объединилась в молодые, динамично развивающиеся субэтноты, перехватившие инициативу в историческом процессе. Адыгский же суперстрат (выходцы из Хегака, Жане, Хатукая и Кемиргоя) в силу своего значительного удельного веса в массе закубанского населения, развитости языка и этнокультурных традиций, носителем которых он выступал, позволил консолидационным процессам имевшим место в Западной Черкесии и вызвавшим историческое становление натухаевцев, шапсугов и абадзехов, остаться в рамках адыгского этнического пространства.

Совершенно иной была ситуация на Центральном Кавказе. Здесь черкесское население – кабардинцы, оказалось с первых веков своего самобытного существования в иноязычном, а во многом и инокультурном окружении.

Этнокультурная дихотомия «свои-чужие» для черкесов-кабардинцев была намного острее и выраженнее, нежели для их закубанских соотечественников – жанеевцев, хатукаевцев, кемиргоевцев и др. Разнородность элементов этносоциальной системы, сложившейся вокруг Кабарды, обусловили резистентность традиционных общественных институтов, которые удержали в сфере своего действия кабардинцев, северокавказских абазин, карачаево-балкарцев, значительную часть осетин, а так же некоторые локальные группы вайнахов, что предопределило особый путь этнокультурного развития кабардинцев и их многочисленных соседей.

Во-первых, на фоне общего упадка княжеских владений Черкесии и депопуляции аристократических адыгских субэтнотсов, кабардинцы сохранили свою численность, а ее удельный вес в общей массе последних значительно возрос. По-видимому, какая-то часть населения княжеских владений Западной Черкесии влилась в состав кабардинцев. Об этом недвусмысленно свидетельствует Г.Ю. Клапрот: «Дворяне часто переходят от одного князя к другому: отсюда последовало быстрое увеличение населения Большой Кабарды»²³.

Постоянный приток в Кабарду единичных выходцев из Закубанья и даже целых групп черкесского населения подтверждается другими источниками, а наиболее ярким примером этому является история переселения в Кабарду на рубеже XVII–XVIII вв. трехсот бесленеевских семей, искавших покровительства после убийства крымского султана Шахбаз-Гирея.²⁴

²³ АБКН С. 260.

²⁴ КРО. Т. 2. С. 184; ССКГ. Вып. 3. С. 7.

Помимо этого, довольно значительным был контингент выходцев из высокогорной зоны Центрального и Северо-Восточного Кавказа, которые в поисках земли, покровительства и устойчивого общественного статуса оседали в среде кабардинцев и быстро ассимилировались черкесской массой. Кабарда, абсорбируя значительный процент наиболее социально активной части населения высокогорных районов Центрального Кавказа, обеспечила себе длительную перспективу этнокультурного и социально-политического развития. Вассально-зависимые карачаево-балкарские, осетинские и вайнахские горные общества оказались для Кабарды более надежным тылом, нежели свободные «абазские» общины Западного Кавказа для закубанских аристократических черкесских субэтносов.

Несмотря на относительную гетерогенность населения Кабарды, в сравнении с остальными субэтносами Черкесии, на Центральном Кавказе сложился особый кабардинский субвариант адыгской культуры, претендовавший на самодостаточность и эталонность. Причем эти претензии, в известной степени, признавались всеми черкесами, что неоднократно подчеркивалось исследователями прошлого.

«Кабардинцы, – писал Хан-Гирей, – в то время, когда присваивали себе господство над соседственными племенами, были и законодателями вкуса для других черкесских поколений: в одежде и вооружении, в обычаях и нравах, на войне и мире – все ставили их себе в пример. В самом деле, они, кроме того, отличались еще особенным возвышением духа и людкостью в обращении между горцами»²⁵. По замечанию Хан-Гирея даже «кабардинское наречие» черкесского языка почиталось за «чистейшее», хотя такое определение абсолютно ненаучно (все самобытные черкесские диалекты развились из единого корня) и основывалось скорее всего на субъективных оценках его носителей²⁶.

Выделение кабардинцев из общей массы черкесов по особенностям этнокультурных и этнопсихологических параметров нашло отражение в языках многих народов Северного Кавказа. Так, карачаево-балкарцы, ингуши и чеченцы, пользуясь экзонимом «черкес» для обозначения всех адыгов, кабардинцев зачастую дополнительно маркировали этнонимами «къабарты» (карачаево-балкарцы) и «Ггабартэ» (вайнахи)²⁷.

Особые социально-экономические условия, в которых развивалась Кабарда, таким образом, сыграли для кабардинцев роль мощного

²⁵ Хан-Гирей. Записки ... С. 154.

²⁶ Там же. С. 94.

²⁷ Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 70.

этногенетического фактора. Доминирование субэтнического уровня самосознания кабардинцев, тяготеющего к оформлению в этническое, в отличие от группы субэтносов Западной Черкесии, где субэтнический уровень самосознания оказался вторичным, проявилось благодаря относительной изолированности Кабарды от основного черкесского массива, ее военно-политической мощи, доминированию на Северном Кавказе и тому обстоятельству, что кабардинцы в XVIII в. (особенно ближе к концу века) стали ощущать себя основными носителями традиционных этнокультурных параметров феодальной Черкесии, которые в Закубанье подверглись значительной трансформации.

Кроме того, элитарный дух, которым был пропитан кабардинский субвариант черкесской культуры дал ему мощную силу для воздействия на культуругенез других народов Северного Кавказа.

Наиболее зримо это проявилось в широком распространении среди населения региона элементов черкесского национального костюма, конского снаряжения и вооружения.

Хан-Гирей писал по этому поводу следующее: «Черкесы, отстав во всем относительно наук от азиатских народов, превзошли их в одежде и оружии. Мужская одежда у черкесов красотой и удобностью превосходит все одеяния мне известные не только в Азии, но и в Европе. Оружие у черкес также превосходно и отличается не богатством, но ловкостью, удобностью, вкусом отделки и добротностью»²⁸.

В свое время Е.Н. Студенецкая утверждала, что «все горцы Северного Кавказа, а за ними и казаки заимствовали из Кабарды форму одежды, вооружение, посадку на коне и т.д. и внимательно следят за всеми изменениями капризной кабардинской моды».²⁹ Несколько позднее, она скорректировала свою позицию по вопросу о генезисе традиционного кавказского мужского костюма. «Свое наименование черкеска получила от русских, которые впервые увидели ее на адыгах – черкесах (предках современных адыгейцев, черкесов и кабардинцев)» – писала Е.Н. Студенецкая, ставя, тем самым под сомнение исключительно адыгское происхождение одного из главных элементов мужской одежды народов Кавказа³⁰.

Однако она не отказалась от своего первоначального тезиса о значительности кабардинского влияния на формирование широко известного

²⁸ Хан-Гирей. Записки ... С. 225.

²⁹ Студенецкая Е.Н. Одежда // Быт и культура народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 16.

³⁰ Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. М., 1989. С. 152.

традиционного кавказского мужского костюма: «Удобный и изящный костюм, приспособленный к образу жизни горцев, широко распространился за пределами Кабарды и Черкесии... Они (кабардинцы – З.К.) были не только наиболее высокими по стадии общественного развития народа, но и образцами в области бытового уклада, обычаев, одежды. Отсюда ясно, почему кабардинский тип костюма получил столь широкое распространение не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье»³¹.

В подтверждение сказанному можно привести множество доводов. Так, например, только в адыгском языке существует понятие «адыгэ фащэ» (смысловой перевод значит – «адыгская форма»), применяемое для определения всего комплекса мужской и женской национальной одежды. Зато у карачаевцев черкеска иногда называется *черкес чепкен* («черкесский кафтан») ³².

Примечательно так же то, что у ближайших соседей кабардинцев даже в элементах женской одежды наблюдается большое сходство (вплоть до полного тождества) с последними. И это при том, что по справедливому замечанию С.С. Агашириновой «женщина никогда не одевалась как ... желала»³³.

«Она, – отмечает далее автор, – должна была соблюдать все мелочи традиционного туалета, причем отступление каралось самым суровым образом. Этим обстоятельством и объясняется, ... консервативность традиционной женской одежды кавказских народов и в то же время большая свобода в развитии мужской одежды»³⁴.

Несмотря на это, как показывает этнографический материал, например, карачаево-балкарский женский костюм ближе всего к кабардинскому, что по мнению К.М. Текеева объясняется следующими причинами: «Во-первых, близким соседством и общением ...; во-вторых, кабардинцы были известными законодателями мод на всем Северном Кавказе, а в некоторых видах одежды – на всем Кавказе; в-третьих, кабардинская одежда была по понятиям карачаевцев и балкарцев, самой добротной, солидной из всей одежды соседних народов и соответственно ближе всех им»³⁵. Эти выводы равно применимы и к другим ближайшим соседям Кабарды – абазинам, осетинам и ингушам.

³¹ Там же. С. 153, 170.

³² *Текеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы. М., 1989. С. 354.

³³ *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин XIX – нач. XX вв. М., 1978. С. 206.

³⁴ Там же.

³⁵ *Текеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы... С. 371.

Наблюдается так же определенная закономерность в распространении и популярности среди кавказских народов некоторых элементов черкесского вооружения и конского снаряжения.

О.В. Маргграф отмечал в свое время, что «кабардинское или адыгское племя всегда производило оружие, седла, уздечки и прочие принадлежности убранства всадника, служившие образцами для других туземцев». ³⁶ Однако если образец седельного набора, занесенного из Кабарды господствовал на Северном Кавказе и Дагестане между горским населением и назывался «кабардинским» или «черкесским», то адыгские шашки, почти полностью вытеснившие к концу XVIII в. на всем Северном Кавказе остальные виды длинноклинкового холодного оружия, в других кавказских регионах не получили столь широкого распространения ³⁷.

Так, например, по мнению Э. Аствацатурян «дагестанские шашки появились под влиянием черкесских, но в Дагестане они не вытеснили сабли, а бытовали наряду с ними. Они вошли в употребление позднее, чем черкесские, и среди них, пожалуй, не встречаются клинки ранее XIX в.» ³⁸.

Следовательно, единство некоторых форм материальной культуры кабардинцев и других народов Кавказа, особенно осязаемое в непосредственном социальном окружении Кабарды, наиболее логично объяснимо ее этнокультурным влиянием, а не общностью древних кавказских культурных традиций, ибо по справедливому замечанию Л.И. Лаврова «ходячее представление о многовековой неизменяемости национального костюма в прошлом основано на недоразумении». ³⁹

Если же мы вслед за Г. Гачевым признаем в вещах «материализованную психологию народа ... в предметном богатстве мира, народа (плодах труда, производства) – развернутую книгу человеческой психики, в том числе и национальной», можно констатировать, что широкое распространение и престижность на Северном Кавказе элитарных форм черкесской материальной культуры было отражением доминирования и популярности в регионе этнокультурных стандартов и эстетических ценностей феодальной Черкесии ⁴⁰.

³⁶ *Маргграф О.В.* Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производств. М., 1882. С. 158.

³⁷ Там же; *Аствацатурян Э.* Оружие народов Кавказа. М., 1995. С. 29–30, 60, 61, 87, 146.

³⁸ *Аствацатурян Э.* Оружие народов Кавказа... С. 87.

³⁹ *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Ленинград, 1978. С. 6.

⁴⁰ *Гачев Г.* Национальные образы мира. М., 1988. С. 41.

В сфере духовной культуры северокавказских народов кабардинское влияние привело к не менее значимым последствиям.

Иерархическая база социальной регламентации черкесского общества, наиболее жестко оформленная в Кабарде, была основой для выработки рыцарского этикета – «*уэркъ хабзэ*», возникшего на почве общедыгских этических ценностей и идеалов, как своего рода реакция на процесс сословной стратификации общества⁴¹.

«Этикет, – по определению петербургского исследователя Э.Х. Панеш, – в своей архаической основе является абсолютно элитарным явлением и исторически связан сугубо с аристократическими слоями социально иерархизированного общества. По сути – это метаязык общения аристократических сословий различного уровня»⁴². Кабарда, выделявшаяся даже в ряду однотипных этносоциальных образований феодальной Черкесии максимальным развитием элитарных традиций общественной организации, стала для народов Северного Кавказа школой изучения «метаязыка общения аристократических сословий».

К.М. Текеев высказывается по этому поводу весьма категорично: «Пусть это не покажется тенденциозным утверждением, у балкарцев и особенно у карачаевцев ни один народ не был предметом подражания в быту, образе жизни и особенно этикете, кроме кабардинцев-черкесов, благородство которых вошло в поговорку – «Черкес намыс кибик» («Благороден как черкес») или «Къабарты бий кибик» («Как кабардинский князь»)»⁴³.

Н. Рехвиашвили в своих утверждениях идет еще дальше: «Выработанный и строго соблюдаемый адыгскими племенами этикет...был принят в качестве единой нормы поведения почти всеми кавказцами»⁴⁴.

Высокая привлекательность, утонченность и изящество этических норм «*уэркъ хабзэ*», носителями и хранителями которых выступали привилегированные сословия Кабарды, обеспечили ему широкое распространение среди кавказского населения, а кабардинскому обществу давали то «огромное моральное влияние», которое оно, по отзывам современников имело на всех горцев Северного Кавказа⁴⁵.

⁴¹ *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 93.

⁴² *Панеш Э.Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции. (На примере Западного Кавказа). СПб., 1996. С. 265.

⁴³ *Текеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы ... С. 337.

⁴⁴ Цит. по: *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет ... С. 25.

⁴⁵ КРО. Т.2. С. 359; *Сталь К.* Этнографический очерк ... С. 91.

По мнению Б.Х. Бгажнокова «распространение этикета адыгов на Кавказе имело немалое значение для оптимизации, интенсификации межнационального общения, в ходе которого бесспорно обогащалась и адыгская культура»⁴⁶. К этому, на наш взгляд, необходимо добавить, что именно для кабардинцев и их непосредственных соседей «оптимизация, интенсификация, межнационального общения» за счет распространения черкесского этикета и, как следствие, обогащение культур имели максимальное значение.

Не последнюю роль в этнокультурных связях черкесов Кабарды с горцами Северного Кавказа имели процессы развития в их среде двуязычия.

«Распространение вторых языков в горах, – отмечал Л.И. Лавров, – согласуется с вертикальной зональностью: несравненно чаще горцы перенимают язык живущего ниже их населения, чем язык населения высокогорных районов»⁴⁷. Кроме того, по наблюдениям Л.И. Лаврова, по обеим сторонам лингвистической границы, в полосе которой и появляется двуязычие, наблюдается неравномерное знание двух языков, «больше проникает тот язык, на территории распространения которого находится... экономический центр, к которому тяготеет население данного участка пограничной полосы».⁴⁸

Равнинная Кабарда на протяжении всего XVIII в. являлась экономическим и политическим центром значительной части Северного Кавказа. Благодаря этому широкое распространение среди горцев (особенно высших сословий) черкесского языка имело устойчивый характер. В источниках XVIII в. содержатся вполне определенные данные, свидетельствующие об этом.

Например, кабардинские князья, обосновывая свои претензии на политическую власть над абазинами-тапанта писали в октябре 1748 г., астраханскому губернатору И.О. Брылкину, что последние с ними «однотакты (т.е. тоже мусульмане – З.К.) и разговор имеют такой же (разрядка наша – З.К.)».⁴⁹

Вахушти Багратиони, описывая «Овсети» (карачаево-балкарские и осетинские общества Центрального Кавказа) так же отмечал, что представители феодальной знати этих областей, «сносящиеся

⁴⁶ Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет ... С. 25.

⁴⁷ Лавров Л.И. Некоторые итоги Дагестанской экспедиции 1950–1952 гг. // Краткие сообщения Института Этнографии АН СССР. XIX. М., 1953. С. 4.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ КРО. Т. 2. С. 164.

с Черкесией владеют черкесским и татарским – джагатайским языком»⁵⁰.

Российские власти, посылая к осетинам с различными поручениями офицеров и гражданских чиновников старались подбирать их таким образом, чтобы последние владели «черкесским разговором», о чем их просили сами осетины. Когда осенью 1771 г. ротмистр А. Батырев прибыл в Осетию, в с. Чми, представители фамилии Текаевых обратились к нему с просьбой вернуть тела умерших в Моздоке осетинских аманатов, «...да сверх оного присылать к ним всегда, естли какое дело случитца казенное язычных черкасского разговора людей, а другие де хотя к ним приезжают с письмами, ибо де у них писать умеющих не бывает, а чрез тех уведомляютца, которые черкасского разговора знают, как от ныне посланных... ротмистра Батырева.... по растолковании обо всем бы разумелись.... И по таким обстоятельствам от неумеющих языку черкескому препятствие им происходит и не могут де свое желание подробно таким объявлять».⁵¹

Весьма характерно для определения функций, выполнявшихся черкесским языком в осетинском обществе, выглядит описание Штедером переговоров между дигорскими бадилатами и восставшими крестьянами в 1781 г.

«Согласно обычаю, – пишет Штедер, – бадилаты и народ расположились друг против друга в 200 метрах»⁵². Переговоры велись через двух вестников, которые ходили от одного круга переговаривающихся к другому, причем «в *серьезных и трудных случаях* вестники говорили не на своем родном языке, но на татарском или черкесском, а оратор передавал это вольным переводом или дословно (разрядка наша – *З.К.*)».⁵³

Необходимость «в серьезных и трудных случаях» переходить с общепонятного языка, на татарский или черкесский, видимо, была связана с тем, что некоторые конкретные нюансы переговоров не были предназначены для слуха не посвященных в круг избранных, а бадилаты и лица, связанные с ними, таким образом, подчеркивали свой особый социальный статус и принадлежность к феодальной элите Северного Кавказа.

⁵⁰ *Вахушти Багратиони*. География Грузии // ЗКОИРГО. Кн. 24. Вып. 5. Тифлис, 1904. С. 141.

⁵¹ Материалы по истории Осетии (Сборник документов). Т. 1 // В дальнейшем МПЮ. Орджоникидзе, 1933. С. 239.

⁵² Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX в.) // В дальнейшем ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 62.

⁵³ Там же.

В свою очередь, многие представители кабардинской аристократии с детства, воспитывавшиеся в Западной Черкесии, Карачае, Балкарии и Осетии в совершенстве владели языками тех народностей из среды которых происходили их аталыки.

Касаясь определения культурологического значения двуязычия Г. Гачев писал: «Двуязычие – это диалог мировоззрений, систем мира. При нем получается стереоскопичность зрения, объемность мышления. С другой стороны – на этом уровне появляется плодотворная самокритика мысли и слова. Ибо «двуязычник», живя между двух моделей мира, явственно ощущает недостаточность, относительность каждой из них, чего не видит самоуверенный «однязычник».⁵⁴

Именно «диалог мировоззрений», активное соучастие в процессе обобщения на основе морально-этических и эстетических ценностей черкесского феодального общества, при ведущей роли кабардинцев, культурного достояния народов Северного Кавказа привели к выработке устойчивых и весьма оригинальных форм светской культуры, имевших универсальный характер для всего региона.

«В развитом ... феодальном обществе, – отмечал С.А. Арутюнов, – крестьянская культура (народная культура) и культура класса феодалов (элитарная культура) образуют две совершенно обособленные, сравнительно мало сообщающиеся между собой системы. Это не значит однако, что они не находятся между собой во взаимодействии. Напротив, между ними имеются вполне четко определенные отношения. В феодальном обществе именно крестьянская культура является этнически специфичной, культура же феодального класса в пределах определенной историко-культурной области (Западной Европы, Южной или Восточной Азии), в особенности на начальных этапах средневековья, до интенсивного развития буржуазных отношений в городах в значительной степени едина, и конкретная специфика в ней выражена слабее»⁵⁵.

Культура феодальных и феодализирующихся классов и сословий в рамках определенной историко-культурной области, каковой является Кавказский регион, потому и отличается значительным единством, что эти группы населения наиболее социально мобильны и контактны, в результате чего преобразованные формы народной культуры, держателями, носителями и потребителями которых выступали высшие сословия различных кавказских этносов свободно циркулировали и активно перенимались в их среде. Между тем, различия, наблюдаемые между

⁵⁴ Гачев Г. Национальные образы ... С. 37.

⁵⁵ Арутюнов С.А. Народы и культуры ... С. 131.

феодальной культурой даже близких и взаимосвязанных регионов единой историко-культурной области, например, Северного Кавказа, Дагестана и Закавказья имеют этнический характер, «поскольку в каждом регионе основным субъектом формирования этих различий выступают доминирующий в данном регионе этнос».⁵⁶

Таким образом, можно утверждать, что длительное социально-политическое доминирование Кабарды на Северном Кавказе определило его этнокультурное своеобразие. Ассоциированность абазин, карачаево-балкарцев, осетин и значительной части вайнахов с кабардинцами привела, в определенном смысле, к культурному, светскому, «очеркешиванию» неадыгских народов Центрального и даже отчасти Северо-Восточного Кавказа.

Касаясь определения понятия «ассоциированности» С.А. Арутюнов писал: «Ассоциированность в любом случае предполагает наличие некоторой (хотя и не всеобщей) двуязычности и двухкультурности. Социальная верхушка и наиболее активная часть племени, тесно общающаяся с представителями более многочисленной и более социально развитой народности, в известной мере видит в ней референтную группу и моделирует по ней часть своего поведения (в некоторых случаях вплоть до полного овладения языком, письменностью и этикетными навыками этой группы), но сохраняет вместе с остальной частью племени основные цементирующие это племя традиционные формы культуры и традиционные ценности. В сфере религии и других аспектов духовной культуры может проявляться синкретизм, параллелизм культур, заимствования и трансформация»⁵⁷.

Оставаясь абазинами, карачаево-балкарцами, осетинами, вайнахами, представители социальной верхушки этих народов Северного Кавказа выступали реципиентами черкесской культуры (ее элитарного варианта). В известной мере, социальный статус абазинских аристократов, карачаево-балкарских биев, осетинских алдар и бадилят, вайнахских «старшин» обязывал их быть куда большими «кабардинцами» (в одежде и вооружении, знании этикета и т.д.) чем представители непривилегированных сословий Кабарды.

Конечно же, степень ассоциированности с кабардинцами различных народов Северного Кавказа, а следовательно и степень развития среди них двухкультурности и двуязычия сильно варьировались. Наиболее значимыми эти явления этнокультурной жизни края были для абазин,

⁵⁶ Там же. С. 149.

⁵⁷ Там же. С. 36.

карачаев-балкарцев и осетин. Ведь социальные верхи этих народностей через отношения сюзеренитета – вассалитета, патроната-клиентелы, искусственного родства (аталычество) напрямую были связаны с черкесской знатью, в которой они видели свою референтную группу и частью которой (в самом широком смысле слова) они фактически являлись. Г.Ю. Клапрот, например, характеризуя социальный статус балкарских таубиев, писал: «Княжеская семья Басиат по своему рангу находится на уровне *кабардинских дворян осетинского происхождения* (разрядка наша – *З.К.*)» – подразумевая под последними осетинских алдаров и бадилят⁵⁸. То есть, согласно трактовке Г.Ю. Клапрота, на наш взгляд вполне отвечающей историческим реалиям XVI–XVIII вв., осетинские, а равно и карачаево-балкарские, и абазинские привилегированные сословия являли собой органичную часть кабардинской аристократии.

По сведениям собранным автором статьи «О привилегированных сословиях кабардинского округа» особенностью похорон князя было то, что «каждый взрослый кабардинец обязан посетить дом умершего князя, для совершения заупокойной молитвы»⁵⁹.

«Исполнять этот долг, – отмечает далее автор, – *считают своей обязанностью* (разрядка наша – *З.К.*) и благородные сословия соседних Кабарде племен – Тагаурии, Дигории, Балкарии, Хулама и прочих».⁶⁰ Осознание феодальными сословиями горцев Центрального Кавказа этого долга «каждого взрослого кабардинца» обязательным и для себя весьма показательно в отношении их этнокультурной самоидентификации.

Фактическое вхождение привилегированных сословий народов Центрального Кавказа в состав кабардинской феодальной аристократии, а следовательно ассоциированность с Кабардой в целом (что проявлялось в сферах материальной и духовной культуры), нашло свое отражение в становлении в их среде весьма своеобразных этногенетических и этнопсихологических представлений.

Так, например, северокавказские абазины, по наблюдениям И.Х. Калмыкова «несмотря на то, что имели и имеют свое самоназвание ... продолжают себя относить к адыгам»⁶¹. «Современный абазин, – замечает далее автор, – чтобы узнать у своего собеседника его национальность обычно спрашивает: «Уадыгъума?» (Ты адыг?)».⁶²

⁵⁸ АБККЕА. С. 255.

⁵⁹ ССКГ. Вып. 3. С. 5.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ *Калмыков И.Х.* Черкесы. Черкесск, 1974. С. 23.

⁶² Там же.

Ш.Д. Инал-Ипа отмечал в своё время, что «в древности абхазо-черкесские племена выступали под одним общим названием, может быть, ввиду того, что не были еще дифференцированы на выделившиеся собственно абазинские и черкесские племена»⁶³. И.Х. Калмыков опираясь на этот тезис Ш.Д. Инал-Ипа предположил, что в древности общим самоназванием для абхазо-черкесских племён было слово «адыгэ»⁶⁴.

Такое утверждение не может не вызывать сомнений в своей исторической достоверности. Во-первых, из всех абхазо-абазин лишь северокавказские абазины идентифицируют себя с адыгами, сохраняя при этом свое самосознание и самоназвание. Во-вторых, даже для многочисленных черкесских субэтносов – натухаевцев, шапсугов и абадзехов первоначальной, как мы видели, была «абазская» самоидентификация, а не наоборот. Следовательно специфичность самосознания современных северокавказских абазин логичнее объяснить длительным парагенезом, имевшим место в зоне их этнокультурного контакта с кабардинцами и другими черкесами, не приведшим однако к их окончательной ассимиляции последними. Зато это способствовало, по красочному выражению Ш.Д. Инал-Ипа «установлению особенно интимной, неразрывной связи кабардинцев и абазин»⁶⁵.

Ассоциированность с кабардинцами порождала сознание этнопсихологической, духовной близости к ним не только у абазин, но и у других народов Северного Кавказа.

А.Р. Чочиев в одной из своих работ приводит вариант обсуждения предстоящего набега среди дигорских бадилят: «В Чечню ехать, но они вспыльчивый народ и удасться ли нам пожитья. На Кабарду пойти, *но они наш народ* (разрядка наша – *З.К.*). В нашу горную Дигорию пойти, но и там наших больше. На русских пойти, но и с ними нам вряд ли удасться. Давайте в Алагирское ущелье пойдём»⁶⁶. Следовательно, для представителей привилегированных сословий Дигории кабардинцы, как мы видим, были в большей степени «своими» нежели соседние алагирские осетины.

⁶³ *Инал-Ипа Ш.Д.* Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965. С. 83.

⁶⁴ *Калмыков И.Х.* Черкесы ... С. 23.

⁶⁵ *Инал-Ипа Ш.Д.* Садзы. Историко-этнографический очерк // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXVIII. Народы Кавказа. Кн. 2. М., 1995. С. 189.

⁶⁶ *Чочиев А.Р.* Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985. С. 124.

По замечанию У.Б. Далгат в вайнахских сказаниях более позднего цикла, в которых встречается уже «более определенный этно-исторический адекват ... довольно часто идет речь о кабардинцах, которым в сказаниях отводится исключительное место»⁶⁷. Некоторые из них даже объединяют кабардинцев и отдельные вайнахские общества происхождением от единого предка.

Так, по преданиям, зафиксированным, Г.К. Мартиросяном, предка галгайцев (ингушей) звали Га; у него было двое сыновей – Палга и Пабертэ. Палга вышел из ущелья Гехи и основал Галгаевское общество, а Пабертэ переселился в Кабарду и основал Кабардинское общество⁶⁸.

Согласно другому полупреданию сказанию ингушей, один кабардинец попал в плен к горным великанам (вамполож), но «в скором времени на вамполож рассердился бог, и они начали умирать. Кабардинец, бывший в плену у вамполож, воротился в Терскую долину, взял с собой кабардинку и, привезя ее в горы, женился на ней. От этого брака произошли горные ингуши»⁶⁹.

В героико-эпических песнях чеченцев и ингушей о Кабарде неизменно повествуется с подчеркнутым уважением, а в одной из них, посвященной верной дружбе кабардинца Курсолты («Гордого Солты») и чеченца – «вдовьего сына», «Мать – Кабарда» и «Мать – Чечня» упоминаются в одном ряду⁷⁰.

Ориентированность на Кабарду, как на региональный политический и культурный центр, прочное вхождение в орбиту этносоциального влияния кабардинцев не привели к нивелиации этнической идентичности горцев Северного Кавказа – вайнахов, осетин, карачаево-балкарцев. Исключением из общего правила можно признать лишь трансформацию этнического самосознания абазин и «абазских» предков демократических черкесов, причем в случае с последними, собственно кабардинское влияние на этот процесс было минимальным.

Этнокультурное доминирование кабардинцев способствовало, в определенной степени, унификации многих сторон материальной и духовной жизни народов региона, их сближению и выработке целого ряда универсальных (в рамках региона) культурных стандартов. Вместе с

⁶⁷ Далгат. У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. С. 17.

⁶⁸ Мартиросян Г.К. Нагорная Ингушетия // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения – ИИНИИК. Вып. 1. Орджоникидзе, 1929. С. 35.

⁶⁹ Далгат У.Б. Героический эпос ... С. 275.

⁷⁰ Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный, 1979. С. 205.

тем оно стимулировало сохранение в высокогорных районах Центрального Кавказа значительной мозаичности населения. Отсутствие в XVI–XVIII вв. условий для формирования на плоскости собственных политических и культурных центров, способных объединить все разрозненные локальные группы абазин, карачаево-балкарцев и осетин обуславливали консервацию в их среде субэтнического уровня самосознания и слабость консолидационных процессов в рамках этих самостоятельных этнических общностей.

Собственно говоря, даже в Черкесии, наиболее социально развитой провинции Северного Кавказа, наблюдалась устойчивость субэтнического уровня самосознания, несмотря на наличие двух мощных очагов консолидационной активности – в Закубанье (на основе демократических черкесских субэтносов) и в Кабарде.

В то же время, локальные группы вайнахов, более свободные от военно-политического и социокультурного давления кабардинцев, при освоении плоскостных присунженских земель, проявили значительную консолидационную абильность, и на протяжении XVIII в. на восточной периферии Северокавказского региона шло становление чеченского и ингушского этносов – этносоциальных общностей более высокого таксономического уровня, нежели известные по более ранним источникам вайнахские горные общества.

Н.Ф. Яковлев, отстаивавший тезис об отсутствии в прошлом каких бы то ни было предпосылок, оправдывавших обособление ингушской и чеченской культуры и языка писал: «Со второй половины XVI в. начинается эмиграция ингушских племен из Нагорной полосы на теперешнюю чеченскую плоскость. Многочисленные нагорные племена Нашаха, с верховьев Аргуна и Чеберля вновь перемешались на плоскости, подпали под влияние соседних плоскостных культур (русской, кабардинской, ногайской, кумыкской, калмыцкой) и дали в результате новую культурную область с новыми центрами, в которых сформировались новая культура и новый язык – чеченский. Таким образом, чеченцы и ингуши создались в общем из одних и тех же национальных элементов, но группировавшихся вокруг разных культурных центров, в разные эпохи и смешивавшихся в разных пропорциях».⁷¹

Несмотря на длительность этногенеза собственно чеченцев и ингушей, нам представляется, что именно XVIII в. может послужить

⁷¹ Яковлев Н.Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов // Записки Северо-Кавказского краевого научно-исследовательского института – ЗСККГНИИ. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1928. С. 197–198.

своеобразной точкой отсчета в окончательном обособлении западных и восточных групп вайнахского населения Северного Кавказа.

История плоскостной Чечни XVIII в. – ведущей объединительной силы восточных вайнахов – это история успешной борьбы за независимость против притязаний черкесской и дагестанской феодальной аристократии. Освоение обширного фонда равнинных земель, расширение за счет этого экономической и, как следствие, социокультурной базы чеченского общества, дали ему материальные и духовные силы для противостояния своим воинственным соседям. Мусульманство, привитое из соседнего Дагестана, сопряженное с сильными эгалитарными традициями социальной организации, позволило в какой-то мере регламентировать общественную жизнь чеченского общества и стало идеологической основой консолидации населения Чечни.

В то же время западные вайнахи (галгаевцы, джейраховцы, карабулаки и др.) в силу многих причин – естественно-географических, демографических, военно-политических, – не имея возможности отстоять полную независимость от Кабарды, оказались оторванными от объединительных, консолидационных процессов, центром которых стала плоскостная Чечня. Становление ингушской этнической общности происходило на базе одного из крупнейших западно-вайнахских горных обществ – Галгая (отсюда и самоназвание ингушей), при значительном этнокультурном влиянии ближайших соседей. Иными словами, в XVIII в. заметная разница в степени социально-политического и этнокультурного влияния со стороны кабардинцев сыграла роль одного из этнодифференцирующих факторов на заключительных стадиях этногенеза чеченцев и ингушей.

**СОЦИОНОРМАТИВНАЯ КУЛЬТУРА
ЧЕРКЕССКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ АРИСТОКРАТИИ
И ЕЕ НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ
В ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРАХ**

Черкесское дворянство, девизом которого было «Хэбзэрэ зауэрэ» – «Честь и война», выработало свой рыцарский моральный кодекс, так называемый уэркъ хабзэ (уэркъ – рыцарь, дворянин; хабзэ – кодекс обычнo-правовых, этикетных норм). Уорк хабза – в переводе с черкесского языка означает дворянский обычай. Понятие «хабзэ», как в его узком социальном, сословном аспекте – «уэркъ хабзэ», так и в более широком общенациональном – «адыгэ хабзэ», является чрезвычайно насыщенным и всеохватывающим. Здесь подразумеваются явления не только этикетного характера, но и обряды, традиции, общественные институты, нормы обычного права, духовные, этические и моральные ценности адыгов.

Различные аспекты этой темы затрагивались в работах Б.Х. Бгажнокова, С.Х. Мафедзева, А.И. Мусукаева, А.М. Гутова и других авторов. В данной статье уэркъ хабзэ рассматривается как феодальный, рыцарский кодекс с точки зрения его социального, сословно-классового содержания.

Жизнь черкесского рыцаря (дворянина) регулировалась с рождения и до смерти этим неписанным кодексом. В его основе этого лежало понятие «уэркъ напэ» (рыцарская честь). Не было никаких моральных или материальных ценностей, которые могли бы превалировать над этим понятием. Сама жизнь имела ценность только в том случае, если она была посвящена служению принципам уэркъ напэ. У черкесов бытует много пословиц, посвященных этому, например: *«Псэр цэи, напэр къэщэху»* «Жизнь продай, купи честь». Даже такие естественные чувства, как любовь или ненависть, должны были отступить на задний план перед необходимостью соблюдения закона чести в том виде, как его понимали черкесские дворяне. В основе дворянского кодекса чести уэркъ хабзэ лежал общенациональный кодекс этикетных, моральных принципов, называемый адыгэ хабзэ (черкесский этикет).

В понятие «адыгэ хабзэ» входили не только этикетные, моральные ценности, но и все нормы обычного права, регулировавшие

жизнь черкеса от рождения и до смерти. Дворяне же должны были быть эталоном в соблюдении адыгэ хабзэ – то, что прощалось простолюдину, не прощалось дворянину в смысле нарушения норм адыгэ хабзэ. Само дворянское сословие не было замкнутым и пополнялось из среды крестьянства за счет тех, кто проявлял личное мужество во время войны и в совершенстве владел адыгэ хабзэ.

В то же время любого уорка в случае нарушения им норм черкесского этикета, по обычаю, могли лишить дворянского звания. Таким образом, звание дворянина накладывало на человека много обязанностей и не давало ему само по себе каких-либо привилегий.

Дворянином мог быть человек, ведущий соответствующий образ жизни и соблюдающий присущие данному званию нормы поведения. Как только он переставал соответствовать тому месту, которое занимал в обществе, и соблюдать нормы, связанные с этим статусом, он сразу же лишался дворянского звания. В истории черкесов было немало случаев, когда лишали даже княжеского звания.

Князья, возглавлявшие дворянство, считались блюстителями и гарантами соблюдения черкесских обычаев. Поэтому с детства при их воспитании большое внимание уделялось не только военной подготовке, но и усвоению ими норм адыгэ хабзэ. Князьям принадлежало исключительное право взимания штрафов за оскорбление достоинства, которые они могли наложить на любого подвластного, в том числе и дворянина. При этом под оскорблением княжеского достоинства понималось любое нарушение этикетных правил, совершенное кем-либо в присутствии князя. Так, например, пункт 16 записей обычного права кабардинцев, собранных Я.М. Шардановым, гласил: «Если подерутся два человека, чьи бы они ни были, в лице князя на улице, во дворе, в доме, тогда зачинщик драки платит штраф князю одну холопку за несоблюдение благопристойности к князю, что смели при нем драться»¹.

Причиной штрафа могло стать любое проявление неуважения к черкесскому этикету, например, неприличное слово или выражение, особенно в обществе женщин. Кстати, княжна имела такое же право наказывать женщин, в том числе дворянок, наложением штрафа. Штрафы обычно заключались в определенном количестве быков, которые немедленно изымались из хозяйства провинившегося человека в пользу князя.

¹ *Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX века // Составление, введение и примечания Х.М. Думанова. Нальчик, 1986. С. 290.*

Для выполнения этих полицейских функций при князьях постоянно находились так называемые бейголи. Сословие бейголей пополнялось за счет крепостных крестьян, так как не только для дворян, но и для свободных крестьян выполнение подобных функций считалось предосудительным.

Адыгский этикет – адыгэ хабзэ, как уже отмечалось, лежал в основании, являлся фундаментом, так называемого уэркъ хабзэ – дворянского этикета. Уэркъ хабзэ отличался более строгой организацией, требовательностью к своим носителям. Кроме того, в нем нашли отражение нормы взаимоотношений внутри господствующего класса, в частности, нормы, регулирующие взаимоотношения сюзерена и вассала.

В XVIII–XIX веках у черкесов произошло разделение по принципу политического устройства на две категории: «аристократические» и «демократические». К первым относились кабардинцы, бесленеевцы, темиргоевцы, бжедуги и некоторые другие этнические подразделения, у которых во главе феодальной иерархии стояли князья. У шапсугов и абадзехов князей не было, а были только дворяне, которые в результате так называемого «демократического переворота» потеряли свои политические привилегии. Тем не менее, в плане соблюдения тех многочисленных и щепетильных отношений, которые отличали черкесский этикет, шапсуги и абадзехи были такими же «аристократами», как кабардинцы, бесленеевцы, темиргоевцы и другие. Обычай, манеры, костюм, оружие и конская сбруя черкесов стали для ближайших их соседей образцом для подражания. Они настолько были сильно подвержены рыцарско-аристократическому влиянию черкесов, что господствующие слои соседних народов посылали своих детей к ним на воспитание для усвоения ими черкесских манер и образа жизни².

В совершенствовании и пунктуальном соблюдении уэркъ хабзэ особенно преуспели кабардинцы, которых некоторые исследователи называли «французами Кавказа»³. «Благородный тип кабардинца, изящество его манер, искусство носить оружие, своеобразное умение держать себя в обществе действительно поразительны, и уже по одному наружному виду можно отличить кабардинца»⁴, – писал В.А. Потто. Другой исследователь черкесского быта К.Ф. Сталь в своей работе отмечал: «Большая Кабарда имела огромное влияние не только на все черкесские народы, но и на соседних осетин и чеченцев. Князья и дворянство кабардинское

² *Каламбий (Адыль-Гирей Кешев)*. Записки черкеса. Нальчик, 1987. С. 223.

³ *Тепцов В.Я.* По истокам Кубани. СМОПК. Тифлис, 1892. С. 104.

⁴ *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 2. С. 345.

славившись своим наездничеством, храбростью, щегольством в наряде, вежливостью в обхождении и были для прочих черкесских народов образцом для подражания и соревнования»⁵.

Воинственность черкесов, известная еще с античных времен, целенаправленно культивировалась в их обществе, но при этом сочеталась с чрезвычайно сложной системой традиций, этикета, которая облагораживала эту черту народного характера, ритуализовывала ее, что, в конечном счете, привело к созданию рыцарского воинского этоса со своей самобытной культурой и сложным аристократическим этикетом. Воинственность, подразумевающая любовь к воинской славе, соединенная с благородством (этика войны) и аристократическим этикетом (внешние атрибуты поведения) – основные составляющие рыцарства как исторического явления⁶.

Все кавказцы отличались своей воинственностью и свободолобием, но только черкесы стали творцами и распространителями духа рыцарства на Кавказе⁷. Многие элементы военной культуры адыгов переняли другие кавказские народы, а также закубанские ногайцы и казаки и даже были перенесены на иную государственную почву, как это было в мамлюкском Египте. Черкесы внесли свою лепту в формирование восточного рыцарства, зародившегося в феодальном султанате Египта и Сирии. Начиная с правления Саладина, черкесские мамлюки служили телохранителями и гвардейцами султана, а со временем узурпировали власть и основали свою черкесскую династию мамлюкских султанов (1382–1517 годы)⁸. Вместе с черкесами на мусульманский Восток была привнесена их рыцарская воинская культура. XV век можно считать для черкесов «золотым» веком: они правили всем мусульманским Востоком, а на их родине – Центральном и Северо-Западном Кавказе была установлена гегемония черкесской аристократии под предводительством легендарного Инала. Политическая гегемония, основанная на военной мощи, сопровождалась и культурной гегемонией. Широкое распространение черкесской материальной и духовной культуры среди соседних народов

⁵ *Сталь К.О.* Этнографический очерк черкесского народа // КС. 1900. Т. 21. Отд. 2. С. 100.

⁶ *Мирзоев А.С.* Некоторые особенности черкесской (адыгской) цивилизации и традиционной этнической культуры // История науки и техники. М., 2013. № 7. С. 69–76.

⁷ *Кешев А.Г.* Характер адыгских песен // Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса. Нальчик, 1987. С. 222.

⁸ *Босфорт К.Э.* Мусульманские династии. М., 1971. С. 100.

происходило в результате добровольного заимствования, связанного с ее престижностью, аристократичностью и изысканностью. Подобно тому, как на протяжении нескольких столетий для европейской аристократии, включая русскую, все французское – язык, мода, правила поведения – являлось обязательным атрибутом престижности и элитарности, так и для всех народов Северного Кавказа за образцовый принимался черкесский этикет и его наиболее аристократический кабардинский вариант⁹.

В Европе рыцарство как идеология сформировалась в XII веке и как любое историческое явление, пережив периоды расцвета и упадка, спустя два столетия сошло с исторической сцены, став сюжетом рыцарских романов, исторических преданий и легенд¹⁰. В Черкесии и Японии эта идеология продолжала культивироваться вплоть до XIX века.

Многие положения рыцарского кодекса «уэркъ хабзэ», несомненно, вытекают из военного образа жизни и связанных с ним норм поведения. В качестве примера, аналогии такой культурной модели, связанной с войной, можно привести средневековый японский кодекс чести самурая «буси-до» (путь воина), с которым «уэркъ-хабзэ» имеет некоторые параллели и определенные отличия.

Средневековый японский воинский этикет бусидо сложился в эпоху феодализма, как этикет многочисленного сословия рыцарей-самураев, безоговорочно подчинявшихся своим владельцам – даймё. По сути, бусидо – это неписанный кодекс поведения самурая в обществе, некий свод правил и норм «идеального» воина. Поэтому первоначально трактовавшееся как «путь коня и лука», в дальнейшем бусидо и по названию стало означать «путь самурая, воина» («буси» – воин, «до» – путь, учение). Кроме того, слово «до» переводится ещё и как «долг», «мораль», что полностью согласуется с классической философской традицией Японии, где понятие «путь» является некой этической нормой. Таким образом, бусидо – это самурайская мораль, морально-этический кодекс¹¹.

То же самое можно сказать и о воинском этикете адыгов XVI – первой половины XIX вв., сформировавшемся в среде составлявших зна-

⁹ Налоев З.М. Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик, 2009. С. 282; Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.–Л., 1949. С. 88.

¹⁰ Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999. С. 21.

¹¹ Аутлев Дж. Адыгэ Хабзэ и кодекс бусидо, японские самураи и черкесские уорки // www.bivouac.ru/.../adige-habze-i-kodeks-busido-japonskie-samurai-i-cherkesskie-uor...

чительную часть населения Черкесии дворян-уорков, единственными достойными занятиями для которых были война и охота.

Соблюдение кодекса «уэркъ хабзэ» в полном объеме требовало от человека постоянных усилий в самосовершенствовании, сопряженных с различными ограничениями и борьбой с собственными слабостями. Недаром черкесы сравнивали путь совершенствования в хабза с трудным, долгим подъемом в гору: «Уэркъыгъэр дэгъэзеигъуэ кӀыхьц» – «Рыцарство – долгий (трудный) подъем». Хотя рыцарский кодекс уорк хабза был очень требователен к своим носителям, и соблюдение его было сопряжено со многими неудобствами, он гарантировал человеку защиту его чести, уважение окружающих и высокое положение в обществе. Недаром черкесы говорили: «Уэркъ бгы задэц» – «Рыцарство – неприступная скала». Дворянин в черкесском обществе не столько должность, сколько образ жизни, причем образ жизни настолько привлекательный, что все остальные слои общества смотрели на него как на образец для подражания¹².

Черкесский дворянский этикет, как и у японцев, предписывал внешне спокойное перенесение страданий, презрение к смерти, безусловное повиновение старшим, чрезвычайную, по нынешним понятиям доходящую до абсурда, скромность и вежливость. Кодекс уорк хабзэ и бусидо, проникнутые духом рыцарской чести и воинского достоинства, зародились в эпоху перехода общества от высшей ступени варварства к цивилизации, совпавший с образованием военно-феодальной знати. Адыги и японцы развили свои воинственные обычаи до идеальной тонкости и виртуозности, воплотив их в сложную, но цельную и стройную систему военной культуры, вызывавшую удивление и восхищение у современников и потомков, служившую предметом заимствований для соседей¹³.

Основные принципы кодекса бусидо и уорк-хабзэ практически идентичны. Уэркъ хабзэ и Буси-до можно условно разделить на несколько ключевых установок, включающих в себя такие понятия как честь, верность, благородство, искренность, прямотушие, вежливость, уважение к старшим, уважение к женщине, скромность, мужество, храбрость, самообладание, твердость, хладнокровие, терпеливость,

¹² Марзей А.С. Черкесское наездничество «ЗекӀуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 2004. С. 160.

¹³ Аутлев Дж. Адыгэ Хабзэ и кодекс бусидо, японские самураи и черкесские уорки // www.bivouac.ru/.../adige-habze-i-kodeks-busido-japonskie-samurai-i-cherkesskie-uor...

выносливость, простота, альтруизм, правдивость, человечность и некоторые др.

В данной статье мы ставим задачей рассмотреть только некоторые из них, в которых есть особенности, отличающие кодексы уорк-хабзэ и буси-до и свидетельствующие об их культурном своеобразии. Кроме того отмечены параллели и отличия уорк-хабзэ и буси-до от западноевропейского средневекового рыцарства.

Честь

Как и в уорк хабзэ, в буси-до в основе всего лежит понятие чести, носящее абсолютный характер. В обеих культурах честь ассоциируется с человеческим лицом и понятие «потери лица», бесчестье означает гражданскую, моральную смерть. Жизнь без чести для носителей этой идеологии представляется несовместимой с физической жизнью, которой они предпочитают смерть.

Презрение к смерти

Для представителей высших сословий Черкесии жить долго вообще считалось неприличным. Многие авторы и очевидцы отмечали характерное для воинов-адыгов презрение к смерти – эту, как отмечал В.А. Потто, «мощную черту черкесского наездничества»¹⁴. Отправляясь в поход, наездники брали с собой так называемую «погребальную рубашку» (хьэдэ джанэ), а с принятием ислама саван (джэбын). Описывая походное снаряжение черкесского наездника, Хан-Гирей сообщает: «Даже отчаяннейшие головорезы имеют нередко при себе готовую погребальную одежду – род савана, что доказывает решительную их готовность умереть во всякую пору»¹⁵. Такое отношение к смерти невозможно понять без рассмотрения этикетных, религиозных воззрений и традиционных установок, с ним связанных.

По своему характеру, черкесское общество являлось обществом традиционалистского типа, т.е. жизнь здесь основывалась не на государственных институтах и законах, а на традициях, обычаях и нравственных принципах, система которых в совокупности называлась «адыгэ хабзэ», т.е. «черкесский обычай». В этом отношении ни христианство, ни позже ислам не смогли полностью подменить их систему моральных,

¹⁴ Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 2. С. 340.

¹⁵ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 230.

этических ценностей. По этому поводу у черкесов есть поговорка: «Диныр хыхьэхэкш, узыхэмыкыфынур уи лъэпкъщ» – «Религию можно поменять, нельзя поменять нацию»¹⁶. То есть черкесы всегда высоко ценили свои традиционные, национальные ценности, которые не могли вытеснить никакие нормы религиозной морали. В основе системы «адыгэ хабзэ» и являющегося высшей формой его развития «уорк хабзэ» лежало такое понятие как «напэ» (лицо, совесть, честь). «Следственно, – отмечал Хан-Гирей, – все законы у черкесов основываются на чистоте совести, не говоря о преимуществах, присвоенных достоинством различных родов, которые суть неминуемые следы феодализма»¹⁷. У черкесов не было ни тюрем, ни телесных наказаний, ни пыток. Вместо них использовались система штрафов и, как крайняя мера, смертная казнь или изгнание из общества. Но в черкесском обществе, где традиции и общественное мнение имели определяющее значение, самым страшным наказанием для человека было «потерять лицо», а значит, и уважение общества. Здесь ни материальное благосостояние, ни социальное происхождение не давали сами по себе высокого общественного положения. Его достижение было возможным только при условии безупречного соблюдения принятых в обществе обычаев и традиций. Их нарушение вело, как говорили черкесы, «к потере лица» (напэтэх), что считалось страшнее смерти. «*Лъэныгъэм нэхърэ емыкIум фIэлIыкI*» – «*Больше смерти опасайся позора*», – гласит адыгская пословица.

До утверждения ислама, черкесов, в силу их национального менталитета, мало интересовало, что их ждет в загробной жизни, а больше всего они думали о жизни земной. Любопытно, что в их дохристианских и доисламских верованиях, хотя и существует понятие загробного мира (хьэщт, хьэдрыхэ), совершенно отсутствует понятие ада или рая. Можно сказать, что рай для них олицетворялся земной славой, которую можно было заслужить среди людей достойной жизнью, а страшнее смерти и ада каждый черкес боялся позора. Слава, в понимании черкесов, давала человеку земное бессмертие, вот почему каждый черкес мечтал о высшей награде в адыгском обществе – быть прославленным в песне народными бардами-джегуако. «*Мывэ сыныр мэкIуэдыж, мыкIуэдыжыр уэрэди*» – «*Надгробный камень разрушится, а песня останется*» – гласит народная поговорка.

В статье «Характер адыгских песен» известный черкесский просветитель А.Г. Кешев отмечал: «Не боясь нисколько впасть в преувеличение,

¹⁶ Информатор Жырчаго Гиса Аюбович, 1919 г. р., сел. Мударея, Сирия.

¹⁷ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 141.

мы утверждаем, что ни учение ислама, просветившее адыгские племена новым мирозерцанием, ни попытки Шамиля вдохнуть в них пламенный дух газавата не имели в совокупности и половины той подстрекающей силы, какую в состоянии производить на адыгов одна хорошая старинная песня. И в этом нет ничего странного. Религиозная проповедь сулила адыгам одни загробные награды, тогда как ему по свойству его характера гораздо заманчивее казалось приобрести земную славу. Первая занимала его лишь настолько, насколько она смягчала перспективу предстоящих за пределами жизни мучений ада; слава же привлекала его в той мере, в какой он желал бы видеть себя в своей сфере, окруженным всеобщим удивлением и почетом. К тому же при односторонне понятном им учении ислама, черкесу казалось легче достигнуть небесной награды – так как для этого, по его мнению, достаточно пасть в борьбе с гяурами, – чем добиться репутации хорошего наездника.

Впрочем, мы не хотим сказать этим, что умирать для черкеса легче, чем для всякого другого; мы только желаем показать, что при твердой уверенности в неизбежности смерти и решительном предпочтении сложить голову в бою, нежели умереть спокойно в постели, условие, предписываемое религией для получения мученического венца, не представляло для него особенной трудности»¹⁸.

С этим утверждением согласуется сообщение информатора Жырчаго Гисы, который говорил: «На войне мне приходилось быть свидетелем такой картины. Если кто-то хотел бежать с поля боя, то увещевания такого рода: разве ты не мусульманин, вернись! – никогда не действовали. Но стоило только сказать: разве ты не черкес? – то не было случая, чтобы человек не остановился и не вернулся на поле сражения»¹⁹.

Действительно, религиозная ортодоксальность была совершенно не свойственна черкесам. Этот факт отмечали все, кто более или менее близко были знакомы с характером и общественным бытом черкесов. Даже в разгар Русско-Кавказской войны пропаганда среди черкесов крайних и ортодоксальных течений ислама не нашла благодатной почвы.

Известная воинственность черкесов, их отношение к смерти и этические установки, ценившие жертвенность, были обусловлены не столько какими-либо религиозными воззрениями, сколько стремлением к независимости и сохранению традиционных ценностей. Обычай возносили честь, славу и свободолюбие в войне с агрессором выше

¹⁸ *Каламбий (Адыль-Гирей Кешев)*. Записки черкеса. Нальчик, 1987. С. 229–230.

¹⁹ Информатор Жырчаго Гиса Аюбович, 1919 г.р., сел. Мударея, Сирия.

жизни. Не менее важное значение в военном быту черкесов имела морально-этическая сторона обычаев. Военные обычаи черкесов не допускали возможности сдачи в плен. Запрещалось бросать на поле боя тела убитых и раненых. Считалось позором оставить поле боя и покинуть своих товарищей с целью сохранения жизни. Во время войны дабы не заслужить названия труса, часто предпочитали быть убитыми. «Дыгуохъери даукI, дыгуокIри дауб» – «Наступаем – убивают, отступаем – осудят» – слова из народной песни, посвященной кабардинцам, участникам Первой Мировой войны из состава Кавказской конной дивизии (т. н. «Дикая дивизия»).

Возможно, что в таком отношении к жизни и смерти содержалась определенная доля рационализма и целесообразности. Очевидно, что воин, спокойно относящийся к смерти, а также видящий в ней дело чести, в бою имеет все преимущества перед воином, которого подавляют естественные человеческие эмоции – чувство страха и инстинкт самосохранения. Альтруизм (пренебрежение собственными интересами) и вкус к самоограничению, которые предписывались каждому воину рыцарским кодексом уорк хабзе, а также подобное отношение к смерти, давали возможность черкесскому этносу выстоять в борьбе за свое существование и сохранять свой традиционный уклад жизни.

Джеймс Фрэзер писал: «...сила родового и индивидуального характера состоит преимущественно в способности жертвовать настоящим ради будущего, в пренебрежении соблазнами эфемерного удовольствия ради более отдаленного устойчивого удовлетворения. Чем более упражняют в себе эту способность, тем возвышеннее и сильнее становится характер: высший же героизм достигается теми, кто ради сохранения или завоевания свободы и истины для других, возможно далеких эпох, отказывается от жизненных удовольствий и даже от самой жизни»²⁰.

В японской культуре и, в частности, самурайском кодексе «Бусидо» смерть имеет сама по себе абсолютное значение и конечную цель, к которой следует стремиться. Здесь можно даже говорить о культе смерти (вспомним ритуальные самоубийства – харакири, сэппуку). Самоубийство часто считается достойным способом ухода из жизни при определенных обстоятельствах.

В адыгской культуре понятие смерти само по себе не доходит до такого абсолюта и носит подчиненный характер, а самоубийство порицается. Даже при опасности попасть в плен, что считалось большим

²⁰ Фрэзер Дж.Д. Золотая ветвь. М., 1984. С. 138.

позором, уорки никогда не прибегали к самоубийству. В связи с этим К.О. Сталь сообщал о черкесах: «Сдаться военнопленным есть верх беславия и потому никогда не случалось, чтобы вооруженный воин отдался в плен. Потеряв лошадь, он будет сражаться до последней возможности и с таким ожесточением, что заставит, наконец, убить себя»²¹.

И черкесскую и японскую культуру можно отнести к так называемым «культурам стыда», когда их носители бояться не смерти, а позора, общественного осуждения.

78-летний Жырчаго Гиса, участник двух войн, выразил свое мнение о природе мужества следующим образом: «Как я понимаю, мужество вытекает из чувства стыда. К слову, мы, группа товарищей находимся на войне. Если даже я боюсь и пожелал бы покинуть сражение, я постесняюсь оставить своих товарищей. Даже если я погибну, я не оставлю своих товарищей. Поэтому я говорю: мужество происходит из стыда»²². Если развить эту мысль, то можно сказать, что мужество происходит из чувства страха. Адыги говорят: «*Шынэ зымышцэм, укЪытэ ищэкъым*» – «Тот, кто не знает страха, не имеет стыда». Боясь позора, человек преодолевает естественное чувство страха и тем самым становится способным проявить мужество. Находясь в обществе, в котором храбрость прославляется и поощряется, а трусость порицается и наказывается, человек строит свое поведение в расчете на норму, которая принята в обществе, в его социальной среде.

«Больше смерти, опасайся позора», – гласит адыгская пословица. Именно со страхом «потерять лицо», как говорили адыги, связано жесткое требование черкесских военных обычаев – никогда не сдаваться в плен. Смерть в бою избавляла от опасности лишиться чести и унижительного, оскорбительного отношения со стороны победителей. Рассчитывать на милость и благородство противника, рискуя своей честью, черкесские воины не могли. В то же время они к попавшему в плен противнику проявляли гуманное отношение. При этом делалось различие между пленниками благородного и низкого социального происхождения. Для людей несвободного состояния сдача в плен не считалась предосудительной, в отличие от дворян. В истории черкесов неизвестно случая, чтобы уорк с оружием, а тем более князь добровольно сдался в плен. Тем не менее, если благородный человек попал в плен по независящим

²¹ Сталь К.О. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. 1900. Т. 21. Отд. 2. С. 142.

²² Информатор Жырчаго Гиса Аюбович, 1919 г.р., сел. Мударея, Сирия.

от него обстоятельствам, существовала культура обращения с военнопленными благородного происхождения. В отличие от плебеев, которых могли продать в рабство, использовать на работах, при этом, не очень стесняя их свободу, дворян сразу заковывали в железо. Черкесы считали, что настоящего мужчину может удержать в плену только железо. Во время Кавказской войны пленных русских солдат, в отличие от офицеров, использовали на хозяйственных работах, но при этом сильно не изнуряли. Хорошее отношение к ним должно было заменить цепи и кандалы и удержать их от бегства. Благородных, а таковыми черкесы считали русских офицеров, содержали в тяжелых условиях, закованными, но при этом их не принуждали к работе и относились уважительно. Русский офицер Ф.Ф. Торнау, попавший в плен к черкесам осенью 1836 года и проведший два года у них, писал в своих мемуарах: «К чести черкесов могу сказать, что они избегали делать мне грубости и соблюдали в отношении меня правила вежливости, какие у них хозяева соблюдают по отношению к гостю»²³. Все сословия в Черкесии без исключения были освобождены от телесного наказания, которого, по словам Ф.Ф. Торнау, «горцы... гнушаются»²⁴. Убийства, пытки, унижение человеческого достоинства военнопленных у черкесов считалось недопустимым.

В традициях японских самураев сдача в плен считалась, как и у черкесов недопустимой и позорной. В случае угрозы попадания в плен самурай должен был погибнуть от руки врага или покончить жизнь самоубийством. В отличие от черкесских военных обычаев пленные самураи не могли рассчитывать на гуманное отношение со стороны противников. Они могли быть подвергнуты и казни и пыткам и унижительному обращению, в зависимости от своего статуса в феодальной иерархии. У черкесов подобное не практиковалось вне зависимости от статуса военнопленных.

Что касается западноевропейской рыцарской культуры, то сравнительно с черкесскими военными обычаями здесь также имеются определенные сходства и различия. Для европейских рыцарей попасть в плен, не считалось позором, несовместимым с жизнью, в отличие от черкесских урков и японских самураев. В то же время, как и черкесские дворяне, европейцы относились благородно и уважительно к пленникам из своей же социальной среды.

²³ *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера // Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1991. С. 267.

²⁴ Там же. С. 105.

Верность

Это понятие подразумевало, прежде всего, верность своему сюзеру, а также своей сословной группе. Дворяне служили князьям из поколения в поколение. Смена сюзерена бросала тень на репутацию как той, так и другой стороны.

Дворяне сохраняли верность своему князю, даже если тот терпел поражение в междоусобной борьбе и переселялся к другим народам. В таком случае они сопровождали князя и вместе с ним покидали родину. Правда, последнее обстоятельство вызывало недовольство народа и дворян пытались удержать от переселения. Во время боя дворяне дрались каждый возле своего князя и, если князь погибал, они должны были вынести его тело с поля битвы или погибнуть.

Если происходил раздел княжеского удела между братьями, то их дворяне должны были следовать каждый за своим сюзереном, а в случае княжеских междоусобиц сражаться на стороне своих князей друг с другом, даже если они были из одной семьи. Таким образом, вассальные отношения и верность сюзеру, ставились в таких случаях выше чувств родства.

Феодальная система Черкесии во многом имела сходство с феодальной системой средневековой Европы и в этом отношении в нормах феодального права здесь мы находим много сходства. Как и европейские рыцари черкесские уорки имели право смены сюзерена и свободного отъезда. Хотя разрыв отношений между князем и дворянином осуждался, в принципе он допускался. В японской феодальной культуре преданность самурая своему владельцу носила абсолютный характер, и самураи обязаны были служить своим владельцам (дайме) пожизненно. Остатки этой феодальной морали были перенесены в современную эпоху и нашли отражение в системе пожизненного найма практикуемой уже в условиях капитализма в современных японских индустриальных корпорациях. При этом самурай в любом случае должен был ставить свое достоинство превыше всего и если дайме задевал его, он в отличие от черкесского уорка не мог покинуть своего феодального владельца, а должен был в знак протеста прибегнуть к ритуальному самоубийству – сэппуку (харакири).

В отличие от японского, адыгский этикет формировался в обществе с военно-демократической структурой и слабо развитыми государственными институтами и здесь власть князей над дворянами, как впрочем, и над крестьянами еще не была прочно установлена. Здесь, образно выражаясь, действовала «власть авторитета, а не авторитет власти».

Соответственно, принципы служения и преданности вассала своему сюзеру, имеющие в системе бусидо определяющее значение, в системе уорк хабзэ были не столь жесткими и безоговорочными.

Уважение к женщине

Анализ рыцарского этикета адыгов, проведенный Б.Х. Бгажноковым, выявил его типологическое сходство с этикетом восточных народов (китайцев, японцев), с одной стороны, а с другой – с этикетом средневековых рыцарей Западной Европы. К примеру, то, что делает схожим с японским кодексом «бусидо» – это предписываемое черкесским кодексом «уэркь хабзэ» внешне спокойное перенесение страданий, презрение к смерти, чрезвычайная скромность и вежливость. Но то, что касается почтительно-величального отношения к женщине, то в этом плане он стоит ближе к этикету западноевропейских рыцарей²⁵.

Это положение означало, прежде всего, уважение к матери, а также уважение к женскому полу вообще. Каждый рыцарь считал за честь выполнить просьбу девушки или женщины, что нашло отражение в непередаваемой черкесской пословице: «цДыхубз пшэрыхь хушанэ». Это выражение имеет несколько смысловых оттенков, одно из которых означает невозможность для мужчины не уважить просьбу женщины. Немец Карл Тауш проживший около восьми лет среди черкесов, наблюдал такое отношение и знаки внимания по отношению к женщинам, как во время народных игр и состязаний, так и в повседневном быту. «В этих проявлениях, – писал он, – можно наблюдать степень галантности по отношению к прекрасному полу; так как те, кто завоевывает призы, соперничают только ради того, чтобы одарить ими женщин. Если всадник случайно встречается с женщиной, идущей той же дорогой, он спешивается и предлагает ей сесть на лошадь; если она отказывается, он сопровождает её пешком столь далеко, сколь путь их совпадает»²⁶.

Большим позором считалось обнажить в присутствии женщины оружие или же, наоборот, не вложить его тотчас в ножны при ее появлении.

²⁵ Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 23.

²⁶ Тауш К. Извлечения из «Заметок о черкесах», составленных немцем по имени Карл Тауш, который проживал восемь лет на служебном положении в Пшаде, близ порта Геленджик // Неизвестные страницы Кавказской войны. Историко-этнографическое издание. Составление, предисловие, перевод с французского и английского языков К.А. Мальбахова. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. С. 38–39.

Если дворянин в присутствии женщины позволил себе нечаянно неприличное слово, то, по обычаю, он должен был загладить свою вину преподнесением ей какого либо ценного подарка.

Женщина у черкесов не могла быть ни объектом, ни исполнителем кровной мести. Посягательства на жизнь женщины черкесам были неизвестны²⁷. Женщинам не разрешалось носить и применять оружие, участвовать в войнах. Другое дело, что они, согласно сообщениям информантов носили с собой небольшие кинжалы, типа стилета, называемые «хьэджысэ»²⁸. Как и жены самураев²⁹, черкесские аристократки прятали их в одежде или прическе. Носились они с одной целью – защитить свою честь, вплоть до самоубийства.

Положение женщины в черкесском обществе не было аналогично тому месту, которое она занимала в феодальной Западной Европе, хотя и было ближе к нему, но и не соответствовало тому, что имело место у восточных народов, в частности, у японцев.

Хан-Гирей о положении женщины в черкесском обществе писал: «Все те, которые судят о домашнем быту черкесов по образу жизни прочих азиатских народов . . . , о том имеют ложное понятие. Рыцарское честолюбие много прекрасного ввело в их обычай. К числу прекрасных черт можно отнести и величайшее уважение к женщинам, которого прекрасный, но слабый сей пол достоин вполне: убийца, преследуемый уже вооруженными мстителями, вверив себя покровительству женщины, спасается от явной близкой гибели: преследовавшие преступника останавливаются у порога дома, где тот скрылся, и, укротив мщение приличием, отступают; между тем покровительница доставляет удобный случай покровительствуемому удалиться в безопасное место. Достоинно замечания, что и если бы муж ее был в числе преследователей преступника, который мог бы быть даже убийца ее родного брата, отца или мужа, то и тогда он нередко может найти защиту в ее доме: его проведут в безопасное место, а потом предоставляется мстителям преследовать его по своему произволу. Примеры такого столь великодушного и удивительного обыкновения весьма часты. Преступившие этот закон уважения к прекрасному полу делаются предметом презрения.

²⁷ Информатор Яхтанигов Хасан Хабасович, 1943 г.р., сел. Вольный Аул КБР.

²⁸ Информатор Кармокова Евгения Мухамедовна, 1933 г.р., с. Заюково, КБР. Она слышала это от своей бабушки по материнской линии.

²⁹ Жены самураев носили маленький карманный кинжал кайкэн, который они могли использовать против противника, так и для самоубийства, в случае угрозы сохранения их чести.

Женщине, желающей помогать бедным и утесненным, стоит только от имени своего послать просить помощи, и тотчас явятся князья и дворяне, которые исполняют великодушные ее желания: бедного, нуждающегося в хлебе насущном, по ее просьбе немедленно князь снабдит, послав своего служителя по аулам для собрания нужного количества хлеба от жителей, которые обыкновенно в таких случаях не отказываются; утесненному же и обиженному доставят защиту и удовлетворение. Однако ж замужней женщине вмешиваться в общественные дела почитается неприличным, почему подобные благодеяния совершают большею частью вдовы и девицы»³⁰.

Далее Хан-Гирей отмечает: «У черкес жена в совершенной зависимости от воли мужа, но из этого не следует заключать, что они у них рабыни. Напротив того, обхождение мужа с женою также основывается на строгих правилах приличия. Когда муж ударит или осыпит бранными словами жену, то он делается предметом посмеяния, точно так, как когда бы он, имея способы, не одевает ее соответственно его состоянию. К этому присовокупить должно и то не менее важное обстоятельство, что жена-красавица всегда владеет сердцем мужа, и, несмотря на обыкновение, которое предписывает жене безусловное повиновение мужу, она часто повелевает им. Мужчины той деревни, из которой выдана замуж девушка, приехав в ту деревню, в которой она живет, имеют право ее посетить и обходиться с ней по-братски. Молодые же мужчины вежливо шутят с девицами, проводящими время у жены знатного человека их аула. Словом женщины у черкесов пользуются свободой. ... велико уважение мужчин к женщинам в Черкесии и ... взаимные сношения мужей с женами подчинены законам приличия...»³¹.

Покушение на честь матери, жены или сестры в понятии черкесов были самым сильным оскорблением, которое можно нанести мужчине. Если дела об убийствах можно было путем выплаты цены крови уладить, то подобные посягательства на честь женщины обычно заканчивались кровопролитием³².

Жены японских самураев пользовались уважением в семейном быту, но не имели тех привилегий и свобод, которыми пользовались женщины из урских семей в Черкесии, к примеру, права покровительства.

³⁰ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 247.

³¹ Там же. С. 274.

³² Люлье Л.Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов. Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. С. 90.

Почитание женщины черкесскими дворянами не доросло до «культы служения прекрасной даме», который получил развитие в куртуазной среде западно-европейского рыцарства в период Средневековья, но в то же время женщины в Черкесии, в отличие от Японии, имели большее влияние в общественной жизни.

Несмотря на то, что Кавказ и Япония регионы, которые разделяют тысячи километров, а культурные, торговые и исторические связи между ними в эпоху средневековья отсутствовали, в военной культуре черкесов и японцев существует много сходства. Несмотря на то, что кодексы бусидо и уорк хабзе развивались параллельно и абсолютно независимо друг от друга, схожесть их фундаментальных основ просто поразительна.

Черкесский этикет – адыгэ хабзэ и созданный на его основе рыцарский кодекс уэркъ хабзэ мы считаем культурной моделью, возникшей под сильным влиянием военизированного быта, характерного на протяжении длительного периода времени для общественно-политической жизни Черкесии. Черкесы, в силу особенностей исторического развития, не достигли большого прогресса во многих областях материальной и духовной культуры. В частности, у них не получили развития такие сферы, как письменность, литература, живопись, архитектура, градостроительство и некоторые другие. К тому же их общественный строй, застывший на стадии феодализма, отличался консервативностью и застойным характером. Тем не менее черкесы создали свой этикет, который можно считать значительным культурным достижением. Говоря об определенной односторонности и ограниченности той этической, философской, общеправовой системы, которая называлась уэркъ хабзэ, исследователи должны, во-первых, учитывать принцип историзма, а во-вторых, иметь в виду, что любая система, претендующая на действенность и эффективность, изначально предполагает определенную ограниченность, заключающуюся в усилении отдельных элементов за счет других, менее актуальных и функционально значимых в данный исторический промежуток времени.

В рамках одной статьи невозможно раскрыть особенности и многообразие военной культуры Черкесии и ее параллели в других культурах, в частности западной и восточной. Эта тема заслуживает отдельного монографического исследования. Можно только отметить что духовные ценности, порожденные этими культурами в феодальную эпоху, продолжают все еще оказывать влияние на сознание людей современной эпохи. В меньшей степени это характерно для современных европейцев, в большей – для представителей адыгского и японского народов.

Очевидно, что идеология, возникшая в период господства военной аристократии в атмосфере феодальных войн, жестокости и насилия, не может быть перенесена полностью на современную почву и служить неким нравственным ориентиром. Тем не менее, следует признать, что в нынешний век господства культа потребления и стяжательства, человечество испытывает дефицит как раз тех качеств, которая эта рыцарская идеология культивировала в среде своих носителей, такие как честь, достоинство, благородство, долг, ответственность, служение, самопожертвование, взаимопомощь, альтруизм, приоритет общественных интересов над личными.

Возможно, в совсем недалеком будущем, человечеству вновь придется вспомнить о них в целях самосохранения и выживания.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ АЛЕКСАНДРА БЕКОВИЧА ЧЕРКАССКОГО¹ В 1717 г.²

В конце августа 2017 года исполняется 300 лет со дня гибели экспедиции капитана лейб-гвардии Преображенского полка Александра Черкасского. Александр Бекевич Черкасский, кабардинский князь по происхождению, ставший одним из сподвижников Петра Великого, известен в отечественной истории в основном в связи с печальной судьбой экспедиционного отряда в Хиву.

В первую очередь, исследователей XVIII³ в., XIX⁴ в. и многих современных историков интересовали вопросы подготовки экспедиции,

¹ Автор намеренно не ставит дефис между отчеством Бекевич и фамилией Черкасский. Поскольку сам князь предпочитал подписываться как «Александр» (Российский государственный архив военно-морского флота Ф. 233. О. 1. Д. 107. Л. 45) или «князь Черкасский Александр» (РГА ВМФ Ф. 233. Оп. 1. Д. 427. Л. 564 а).

² Статья выполнена на средства гранта РГНФ № 16-31-00016 «Александр Бекевич Черкасский. Историко-биографическое исследование к трехсотлетию гибели экспедиции сподвижника Петра Великого».

³ Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами Тайного Советника, Губернатора Сибири и Ордена святого Александра Кавалера Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала Его Превосходительства, в бытность его службы морским Офицером, и с внесенными, где потребно было, дополнениями Академии Наук Конференц-Секретаря, Профессора Истории и Историографии, Г.Ф. Миллера. СПб.: Императорская академия наук, 1763; *Могутов В.* Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в великую Татарноэкспедицию под именем посольства. СПб., 1777; *Bruce Peter Henry.* Military Officer, in the Services of Prussia, Russia and Great Britain. London, 1782; von Strahlenberg. P.J. Vorbericht eines zum Druck gefertigten Werckes von der grossen Tartarey und dem Koenigreiche Siberien: mit einem Anhang von Gross-Russland, worinnen von dem Autore die Einrichtung und vornehmsten Contenta desselben, vorgetragen werden, 1726.

⁴ *Бэр К.М.* Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний о России и пограничных с ней землях в Азии // Записки Императорского Русского Географического Общества. Т. 4. СПб., 1850; *Понов А.Н.* Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом

различных ее этапов и конечно же причины и момент ее гибели. Практически все, что было опубликовано по каспийской экспедиции князя Черкасского и ее гибели ранее 1898 г., упоминается в справочнике И.Г. Безгина⁵.

Гораздо меньше внимания историки уделяли деятельности А. Черкасского на Северном Кавказе, данный аспект интересовал в первую очередь историков из Кабардино-Балкарии⁶. Первой попыткой комплексного объективного исследования биографии князя и истории его каспийской экспедиции с учетом введения новых источников, прежде всего, составленных во время его путешествий двух карт, является работа Е.А. Княжецкой «Судьба одной карты»⁷. Тем не менее, несмотря на относительную изученность проблемы самой Каспийской экспедиции князя, она по сей день хранит в себе немало «белых пятен» требующих детального изучения.

Их предостаточно, это касается, в частности, и участия калмыков хана Аюки в походе А. Черкасского. До сих пор нет ясности относительно причины или причин его согласия на раздел отряда, после которого последний был уничтожен как боевая единица. Ряд исследователей задавались вопросом, каким образом подобный вооруженный отряд в несколько тысяч человек смог дойти до Хивинского оазиса.

Обращаясь к этой самой изученной проблеме мы попытаемся ответить на него методом реконструкции маршрута и событий последнего похода князя Черкасского, возглавлявшего вооруженную дипломатическую миссию в Хиву. Реконструкция предполагает привлечение как документальных источников по истории гибели отряда, так и «полевые» материалы, полученные автором во время экспедиции МАЭ РАН «Кунсткамера» во главе с профессором Е.А. Резваном в 2015 г. на

СПб., 1853; *Галкин Н.М.* О туркменах восточного побережья Каспийского моря // Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868; *Желябужский Е.* Очерки о завоевании Хивы. М., 1875. *Терентьев А. М.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875; *Костенко Л.* Исторический очерк распространения русского владычества // Военный Сборник. Т. CLXXVI. СПб., 1886. *Ханьков Н.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.

⁵ Безгин И.Г. Князя Бековича-Черкасского экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к Великому Моголу. (1714–1717). СПб., 1891.

⁶ *Опрышко О.Л.* Через века и судьбы. Нальчик : Эльбрус, 1982; *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе: 1550-е – начало 1770-х гг. Нальчик, 2001.

⁷ *Княжецкая Е.А.* Судьба одной карты. М., 1964.

полуостров Мангистау (Республика Казахстан) и его самостоятельной поездки на правах временного сотрудника МАЭ РАН «Кунсткамера» в Кунградский район Республики Каракалпакстан и в Хиву (Республика Узбекистан). Сравнение данных топонимики по документам XVIII и XIX вв. (показания выживших в экспедиции) с современными позволяет проследить маршрут экспедиции и по-новому взглянуть на процесс передвижения отряда от Гурьева до Хивинского оазиса.

Поскольку вопросы причин подготовки экспедиции князя на Каспийское море и на его Восточный берег выходят за рамки нашего исследования, мы перейдем сразу к третьему ее трагическому этапу – походу в Хиву.

Согласно данным показаний выживших в экспедиции яицких казаков, отряд князя Черкасского собирался изначально в Астрахани в 1716 г., куда съезжались прибывавшие по его приказу Яицкие казаки, общим числом 1500 человек. Осенью того же года Александр Черкасский «с другими определенными ему служивыми людьми» вышел на судах из Астрахани в Каспийское море. Возвратился он уже в 1717 г., перед «сырною неделю», т.е. за неделю до начала Великого поста. Поскольку Пасха в этом году была 21 апреля, то примерная дата возвращения князя в Астрахань – это или конец февраля или начало марта⁸.

Позднее на пасхальной неделе, т.е. после 21 апреля, из Астрахани были отправлены 1500 яицких казаков и 300 гребенских в сторону Яицкого городка под Гурьев. С казаками был отправлен и табун лошадей, предназначавшихся для драгун. Сам же князь Черкасский позднее отправился со спешенными драгунами из Астрахани морем и прибыл к городку спустя неделю как туда подошли казаки. Расстояние от Гурьева (ныне город Атырау Республики Казахстан) составляет чуть больше 350 км. По какой причине была намерено усложнена логистика и были спешены драгуны ответить сложно. Вероятно, стремились сохранить лошадей до выступления к плато Устюрт.

Находившийся непосредственно у самых границ государства отряд, и в особенности табун лошадей при нем, привлекли к себе группу из каракалпаков. Последние, несмотря на то что в большей степени обитали у северных границ Хивинского ханства, в этот период вели себя достаточно независимо и в отношении России, и в отношении Хивинского ханства. Об этом еще тремя годами ранее Петру Первому сообщил хан Хивы Йадгар-хан через своего посла Ашур Бека. Во втором письме, отправленном 18 мая 1714 г. из Кронштадта главе посольского

⁸ *Иванин М.* Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840. СПб., 1874. С. 11.

приказа графу Гавриилу Ивановичу Головкину, указанному в письме как «فارك چى وان ابى اى لى ربك» (Гавриил Иванович Граф), содержится следующая информация: «Йадигер Мухаммад Бахадур-хан (دمم راکدای) приказал донести Великому Государю, что между Его [владениями и хивинскими владениями] в районе Астрахани (ناخ متشه) появились каракалпаки (قافل قمرق) которые грабят купцов (رکادوس) проходящих в тех пределах. Они являются в той же мере вашими врагами, [как и] нашими (نامشود مه مگزیب نامشود مه مگزیس)»⁹.

Еще до того, как отряд выдвинулся в сторону Хивинского хана, начались стычки с враждебно настроенными кочевниками, в данном случае это были каракалпаки, которые, улучив момент, отбили коней и захватили карауливших их казаков в плен (60 человек), в том числе и выживших и допрошенных впоследствии – Уразмета Ахметева и одного из инициаторов похода – туркмена Ходжу Нефеса. Князь Черкасский немедленно организовал погоню и в тот же день, в полдень грабители были настигнуты, были взяты в плен четыре человека, но о дальнейшей их судьбе ничего неизвестно. После этой стычки отряд расположился в четырех верстах от Гурьева-городка, где продолжалась подготовка к экспедиции в течение четырех недель.

Далее, из числа яицких казаков была выбрана и отправлена сотня в направлении «Тюб-караганской крепости». Данное обстоятельство требует уточнения. В частности, в каком месте находилась данная крепость, что о ней известно в историографии, и какова была ее дальнейшая судьба? Еще до экспедиции князя Черкасского в 1714 г. место, где она была основана, пользовалось большой популярностью у купцов из России, Хивинского и Бухарского ханств.

Укрепление позиций России в Астрахани и на северном побережье Каспийского моря двумя веками ранее способствовали интенсификации ее торговых контактов со среднеазиатскими государствами. В свою очередь, приобрели былое значение караванные пути из Бухары и Хивы в Астрахань. Конечными точками сухопутного маршрута из Средней Азии были две пристани на севере полуострова Мангышлак: «Тюб-караган» и «Кабаклы». Пристань «Караганская» упоминается в отрывке статейного списка русского посланника в Хиву и Бухару в середине XVII в. Василия Даудова. Вернувшись от хивинского правителя, он писал, что купцы не могут ездить сухопутным путем на Гурьев городок, так как подвергаются грабежам со стороны калмыков и туркмен. Ему же и озвучил хивинский правитель «Навша-Мамбет-хан» (имеется в виду Ануша-хан

⁹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 134. О. 1. Д. 2. Л. 219.

из династии Арабшахидов) просьбу для российского правителя о строительстве города на «караганской пристани»¹⁰.

Вопрос строительства укрепления на Караганской пристани для обеспечения безопасности торговли неоднократно будет подниматься прибывавшими из Хивы послами. В конечном итоге, первая крепость здесь будет основана по указанию Петра I князем А. Черкасским в 1716 г.

До сих пор вопрос о ее точном местонахождении имеет дискуссионный характер. В 1930-е гг. А.П. Чулошников на основании карт полуостровов Мангышлак и Бузачи и «распросных речей» астраханца Степана Бахмура, начальника государевой «Караганской» бусы, т.е. ответственного за доставку купцов из Средней Азии в Астрахань, пришел к выводу, что пристань располагалась на побережье залива Сарыташ, т.е. гораздо восточнее современной Тюб-караганской пристани.

Данное утверждение представляется верным, поскольку в его пользу говорит целый ряд обстоятельств. Российский офицер М.И. Иванин, участвовавший в строительстве Новопетровского укрепления на Мангышлаке в 1846 г. в своих записях сообщает следующее: «Я слышал от одного рыбопромышленника, что в заливе Сарыташ, в гавани называемой туземцами Старый Мангышлак, есть вколотенные возле берега сваи, что обнаруживает существование некогда здесь пристани»¹¹.

В качестве еще одного доказательства можно обозначить наличие единственного некрополя на полуострове Мангышлак, а ныне Мангыстау, в Республике Казахстан, связанного с покровителем моряков – Султан Эпе. Он находится в непосредственной близости от залива Сарыташ. Этот уникальный мемориальный комплекс, сохранившийся до наших дней, датируется XI–XIII вв.¹²

На данный момент времени сведений о нахождении в заливе Сарыташ каких-либо остатков укреплений нет. Археологических работ с целью обнаружения фрагментов пристани также не предпринималось.

Итак, во время последнего похода князя Черкасского в Хиву сотня яицких казаков была отправлена по его приказу в «Тюб-караганскую

¹⁰ Торговля с Московским государством и международное положение в Средней Азии. Л.: Издательство Академии наук, 1932. С. 235.

¹¹ *Иванин М.И.* Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 г., с картой // Записки Географического общества. Кн. 2. СПб., 1847. С. 281.

¹² *Ажигали С.Е.* Очерк культурного наследия Арало-Каспийского региона // Электронное научное издание. Альманах Пространство и Время. Т. 5. 2014. С. 14 [Электронный ресурс. <http://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-kulturnogo-naslediya-aralo-kaspiyskogo-regiona>] (дата обращения 3.12.2014).

крепость». Нетрудно предположить, что прямого пути от Гурьева городка до нее не было. Часть пути им пришлось делать по старой караванной дороге, по которой князь с отрядом начал движение позднее. Ходжа Нефес в своих показаниях писал о том, что шли они «степью малою, новою дорогою» до речки «Акмурзы». Сейчас, к сожалению, трудно идентифицировать данный топоним начала XVIII в. По всей видимости, речь идет об одном из притоков реки Урал, поскольку Ходжа Нефес подчеркивает, что это речка. Исходя из его же показаний, можно предположить, что новый маршрут в обход старому был выбран специально из-за кормов для лошадей.

Первоначально проводниками в отряде служили присланные от калмыцкого хана Аюки калмыки и туркмены. После ночевки у речки они в течение недели добрались до берега реки Эмбы. Здесь был обозначен привал на два дня. Ходжа Нефес сообщал о том, что ширина реки была местами десять саженей, двадцать и больше. Поскольку сажень равняется 2,16 м., то речь шла примерно о 40 метрах. Это довольно ощутимое препятствие для отряда в несколько тысяч человек с артиллерией.

Судя по показаниям Ходжи Нефеса, от того места на берегу Эмбы, где они переправлялись до Тюб-караганской крепости, расстояние было в две недели¹³. Переправившись, отряд Черкасского продолжил движение по старой караванной дороге, «которою издавна и поныне ходят купеческие корованы». Первой точкой старого маршрута, от которого они продолжили передвижение, стало урочище Багачата. Из путевых заметок горного инженера начала XX в. А.Н. Рябинина мы определяем данный топоним как «могила Бокачи». Вот как он описывает эти места. «Переход через реку Эмбу был сделан у могилы Бокачи. В это время года река несла обильную воду, пресную на вкус». Про ширину же реки в этом месте его данные сопоставимы с показаниями Ходжи Нефеса «...ширина 12 саженей, а разливы доходили в данном месте до 1х/2 саж»¹⁴. «Могила» означает наличие небольших захоронений на этом месте.

Оставив Бокачи, отряд через два дня достиг колодца «Дучкан». Здесь, вероятно, имеется в виду место под названием Ушкан или Учкан. О нем упоминали в начале XX в.. А.Н. Рябинин пишет о том, что это источники с соленовой водой и с пресной. Вся местность представляет

¹³ Материалы военно-учетного архива главного штаба. Т. 1. СПб., 1871. С. 331.

¹⁴ *Рябинин А.Н.* По Прикаспийским степям и Устюрту – от реки Урала до устья Аму-Дарьи // Горный журнал. СПб., 1905. С. 115.

собой «болотце с травянистой поверхностью». В месте, где находились пресные родники Ушкан, было казахское кладбище, но с памятниками, далеко не встречавшимися до сих пор в пройденной степи. «Этот город мусульманских мертвецов строился, вероятно с давних пор: в нем встречаются гробницы из раковинного известняка, обелиски с киргизскими (казахскими. – А.А.) надписями, раскрашенные различными красками, кирпичные надгробные склепы, отдельные камни с символическими значками и груды». В XIX в. эти места, действительно были закреплены за казахами Младшего Жуза, о том, кто здесь кочевал в тот момент когда шел отряд Александра Черкасского сейчас сказать трудно. Но колодцами которыми здесь были всегда пользовались караваны из Хивы¹⁵.

Далее по караванному пути отряд шел три дня до урочища «Мансулмас», в котором у склона гор был колодец. Подробное описание этого места также было составлено А.Н. Рябининым. Сейчас оно называется урочище Мынсуальмас, здесь обилие возвышенностей, но большинство имеющихся при них источников с соленой водой. По данным горного инженера вода здесь была не лучшего качества. Поэтому и в 1717 г. отряд князя Черкасского не стал здесь задерживаться; переночевав, он двинулся до колодца «званием Чилдан», у которого было вырыто сто колодцев, глубиной в пояс¹⁶.

В записках А.Н. Рябина не упоминается колодец под таким названием, зато фигурирует река Чиланд. На современных картах ее местонахождение трудно идентифицировать. По всей видимости, и в начале XX в. речь шла о высохшем русле, в верховьях которого были найдены два колодца. В этом месте князь Александр Черкасский отпустил проводника туркмена Манглай Кашку и его людей, нескольких калмыков и туркмен. Большая их часть, если верить показаниям Ходжи Нефеса, повернули назад в сторону кочевий Аюки-хана. Двое поехали в сторону Хивы, неизвестно с какой целью. Проводником становился теперь сам Ходжа Нефес, как хорошо знакомый со старым караванным путем.

Отряд продолжил движение и через два дня достигли колодца Сан, где остановились на три дня. Здесь по показаниям Нефеса «вода была хороша и конские кормы довольные». По версии М. Иванина, участника Хивинского похода второй половины XIX в., здесь речь идет о

¹⁵ *Идрисов Р.А.* Особенности кочевого хозяйства и расселения казахов в первой половине XIX в. (на примере населения Западного Казахстана) // *Материалы научной конференции 90 лет со дня рождения Ф.И. Каховского.* Кн. 1. Чебоксары, 2007. С. 232.

¹⁶ *Материалы военно-учетного архива главного штаба.* Т. 1. СПб., 1871. С. 331.

песках Сам, в этом месте судя по современным картам не так много колодцев. Далее в показаниях Нефеса следуют колодцы «Кос Шегозе», «Белавли», «Дурали», «Ялгы».

Из перечисленных четырех колодцев идентифицировать можно только «Белеули». И в XVIII в. это был не просто колодец, а настоящий караван-сарай. В местной топонимике он так и называется караван-сарай Белеули. Согласно известному археологу С.П. Толстому «этот великолепный памятник раннесредневекового хорезмийского зодчества и монументальной декоративной скульптуры» представлял собой укрепление X–XI в., выстроенное на рубежах Средневекового Хорезма¹⁷. Данное сооружение и в эпоху раннего средневековья служило местом отдыха для караванов, направлявшихся из Хорезма в Поволжье. Стены укрепления послужили местом отдыха и для отряда князя Черкасского.

К колодцу Ялгы в направлении Хивы был выслан астраханский дворянин Михаил Керейтов со смешанной сотней драгун и казаков. Князь Черкасский же еще оставался с остальными на привале три дня. Далее сообщается, что около тысячи казаков было оставлено на том месте по причине усталости лошадей. Этот момент в показаниях впоследствии не изучался подробно. Князь Черкасский, набрав воды про запас, выдвинулся и в два дня достиг колодца Шемшидун. От того колодца, как сообщает Нефес, в два дня перехода можно дойти до заброшенной крепости Алан и до озера. По всей видимости, имеется в виду озеро Судочье.

Если проследить линию передвижения отряда Черкасского, то до определенного момента они шли в сторону Аральского моря, затем, не доходя до него где-то день перехода, развернулись к югу и шли параллельно морю в поисках спуска с плато Устюрт. Остатки укрепления Алан или «Алан-кала» до сих пор есть на плато. В советское время здесь проводились археологические раскопки, была найдена серия неолитических стоянок. С.П. Толстов относит время создания укрепления к более раннему периоду нежели X в. Ссылаясь на топографический трактат Бируни, где напрямую говорится о роде аланов в Средней Азии, он связывает данный топоним с известным народом аланов¹⁸.

Далее по показаниям «не останавливаясь долго у колодца Шемшидун, пошли до реки Каракумет, которая вышла из Хивинской Дарьи реки и шла два дня». Данный топоним и упоминание реки требует

¹⁷ Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. Ч. II. М., 1948. С. 248.

¹⁸ Там же. С. 49.

дополнительных разъяснений. Е.А. Княжецкая пишет о том, что «на картах XVIII в. и XIX в. нет реки с таким названием»¹⁹. Ссылаясь на мнение Л.С. Берга, она справедливо отмечает, что это не название реки, – это искаженное слово «Кара-Гумбет» и так называется восточный спуск с плато Устюрт²⁰. Сейчас в этом месте существует два спуска с плато Устюрт: старый и новый Карагумбет. Старый сейчас не действующий по причине того, что засыпан и пришел в негодность. Новый же в расстоянии тридцати километров от старого спуска.

В течение двух дней к югу от озера Судочье отряд князя Черкасского дошел до урочища реки «Аккуль». «Куль» означает озеро на тюркских языках. Согласно мнению Е.А. Княжецкой это название одного из рукавов Амударьи²¹. В этой связи можно предположить, что речь, возможно, идет об озере Барсакельмес, представляющем собой остатки солей на многокилометровое пространство. В этом смысле название «Аккуль» – белое озеро, действительно оправдывается. Однако против этого предположения говорит то, что оно располагалось достаточно далеко от границ Хивинского оазиса.

Другой возможный пункт – это озеро «Кернай» при одноименном урочище, это западная окраина Хивинского оазиса. Расстоянием в два дня перехода от спуска с Караумбет. Столько же дней и упоминает Ходжа Нефес в своих показаниях. В этом месте отряд пробыл неделю. Послали верблюдов с погонщиками за оставленными у колодца Ялги казаками. В это же время к князю Черкасскому прибыл гонец от астраханского дворянина Кереитова, с ним же прибыли два посланника от правителя Хивы Ширгази-хана. Хан прислал с ними подарки для князя – коня и «кафтан изарбатной» (изорбаф, т. е. шелковая ткань с золотыми или серебряными нитями). Князь принял их не сразу, только после того как вернулись казаки. Таким образом, представители хана пробыли в отряде два дня. Можно предположить, что собрали необходимую информацию о численности и вооружении отряда. Им было сказано, что Александр Черкасский идет в Хиву «не войною, а послом от царского величества».

Далее в показаниях Ходжи Нефеса все чаще будут фигурировать названия рек. На самом деле, это будут каналы для орошения от реки Амударьи. В течение трех столетий они большею частью приходили

¹⁹ *Княжецкая Е.А. Судьба одной карты. М., 1964. С. 43.*

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

в негодность, часть засыпали, создавались новые. Из-за сложнейшей оросительной системы каналов в Хивинском оазисе сейчас практически невозможно используя топонимику из одного источника начала XVIII в. проследить дальнейший путь отряда Черкасского в направлении Хивы. Нам остается только предполагать, что все остальные действия проходили на территории современного Туркменистана.

После того как людей хана казаки проводили до реки «Богдату» и вернулись, отряд простоял на отдыхе еще два дня и вышел в направлении реки «Карагачи». Здесь шестьдесят человек отправились на рыбалку и были пленены хивинцами. Последние окончательно заняли враждебную позицию в отношении миссии князя Черкасского. Согласно версии Ходжи Нефеса, сам хан Ширгази подошел с войском. Согласно хивинским хроникам, как мы рассмотрим позже, Хивинский хан не принимал личного участия в сражении с российским отрядом. Вопрос о численности хивинцев тоже до сих пор остается открытым. Е.А. Княжецкая упоминает цифру в 20 000²². Ходжа Нефес называет «астрономическую» цифру в 100 000 человек, добавляя при этом, что туркмены ему позже говорили, что хивинцев было 60 000²³.

Отряд занял оборону, был сделан земляной вал с семью пушками (по версии Е.А. Княжецкой пушек было шесть) и попытка разбить отряд силой закончилась неудачей для хана. По словам яицкого казака Уразмета Ахметеева погибло казаков и драгун с десять человек²⁴. В первую ночь после штурма был прислан от хана хивинец Ишим Ходжа, передавший слова Ширгази о том, что нападение было без его ведома, поскольку сам хан еще не прибыл, и что если действительно Черкасский пришел послом, то хан не будет атаковать их. Обратного к хану с его представителем был послан татарин Алтын Усейнов. Ему было поручено еще раз донести до хивинского хана, что отряд представляет собой дипломатическую миссию. Алтын Усейнов вернулся и доложил, что до Хивинского хана его не допустили, а имел он разговор с «главным их полководцем» Кулунбеем.

В единственном источнике хивинского происхождения «Фирдав аль-Икбал» в месте, где повествуется о хане Ширгази, среди имен его сподвижников Кулунбей не упоминается. Тем не менее, хивинцы настаивали, чтобы князь Черкасский шел со всеми грамотами к хану сам. По возвращению Алтына Усейнова, хивинское войско окружило крепость.

²² Там же.

²³ Материалы военно-учетного архива главного штаба. Т. 1. СПб., 1871. С. 334.

²⁴ Там же. С. 316.

Если верить показаниям Ходжи Нефеса, требовали, чтобы или князь Черкасский шел с грамотами к хивинскому хану или чтобы его отряд покинул укрепление и принял бой.

Со слов туркмена-проводника, Черкасский лично отвечал им, что идет к хану послом, а отряд ему нужен для охранения, и если хивинцы отступят, а хивинский хан подойдет ближе, то он выйдет к нему с царской грамотой. В итоге, еще два дня обе стороны продолжали сражаться. Причем, если верить Нефесу, Черкасский отдал приказ стрелять над хивинцами, чтобы «никого не побить». Когда данная мера не принесла результатов, то начали стрелять по противнику. И под вечер хивинское войско отступило от них на версту. После этого был вновь прислан от хана Ишим Ходжа, вновь заявивший, что все нападения были без ведома хана и из-за неясности целей Черкасского и его статуса.

Обратно с ним были отправлены двое татар из отряда Черкасского, которым было поручено объяснить хану и его людям, что «которые де военные люди небольшое число с ним посланы, и те для охранения за дальностию в пути от Каракалпаков и от других народов». Судя по показаниям Нефеса, им удалось увидеть хана и последний заверил их, что нападали без его ведома. В доказательство хивинский хан велел наказать двух своих людей. Одному прокололи ухо, другому ноздрю и связав их вместе тонкой веревкой через указанные отверстия, водили и показывали всему войску. И было обещано выполнить просьбу князя Черкасского прислать ему двух хивинских сановников – Кулунбея и Назара Ходжи. Если про Кулунбея никаких сведений в хивинских источниках не содержится, то Назар Ходжи, вероятно, встречается в «Фирдавс аль-Икбал». Хивинский историк Мунис упоминает о Назаре Ходжи Инаке отце Аваза Инака повелителя найманов, который с пятью тысячами всадниками незадолго до похода князя Черкасского выгнал каракалпаков в сторону Аральского моря²⁵. Аваз Инак упоминается и в тех кратких сведениях в хивинской летописи о походе князя Черкасского: «И Амир (повелитель) найманов Аваз Инак, сын Назара Ходжи Инака, с хорошо вооруженным пятитысячным войском выступили защитить страну»²⁶.

Назар Ходжи Инак упоминается и в письмах хивинского посла Ашур Бека. Как известно, в период подготовки миссии князя Черкас-

²⁵ Firdaws al-iqbal: history of Khorezm / by Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi; translated from Chaghatay and annotated by Yuri Bregel. Leiden: Brill, 1999. P. 56.

²⁶ Ibid.

ского, Ашур Бек был задержан в Астрахани. Пытаясь понять происходящее, он отправляет четыре письма обер-коменданту М.И. Чирикову об отпуске его обратно в Хиву и одно письмо князю М.П. Гагарину. Все это были жалобы на его задержание. Прося разъяснений, он также требовал средств на содержание, поскольку был вынужден оставаться в России, но статуса посла он не потерял. За время его задержки в Хиве уже дважды сменился хан, и в 1715 г. к власти пришел Ширгази хан. Об этом ему сообщили два сановника из Хивы, одного звали Аталык Ишкар, другого Назар Ходжи Инак²⁷.

Ширгази сдержал слово и прислал к князю Черкасскому Кулунбея и Назара Ходжи. Князь и один из инициаторов похода астраханский купец Михаил Заманов вышли к ним на переговоры, по завершению которых хивинцы поклялись, что не будет больше нападений, поцеловали Коран и вернулись в лагерь Ширгази хана. После был прислан от хана Ишим Ходжа в качестве проводника. Князь взял с собой купца Михаила Заманова, «брегад-комиссара» Григория Волкова и других офицеров поехал к хану с подарками²⁸.

В крепости при пушках остались майор Фрокенберг, секунд-майор Григорий Пальчиков и сам Нефес. Приехав в ставку хана, они остались на ночлег, на утро от них в крепость был выслан татарин Абдурахман с драгунами и казаками. Они сообщили, что хан пока не встречался с князем Черкасским, что встречу перенесли еще на день. Вечером в тот же день в крепость вернулись денщик Черкасского Максим и дворянин Иван Званский, татарин Абдурахман и «черкашенин» Темир и еще тридцать человек. От них стало известно, что хан и князь провели переговоры, пришли к мирному соглашению.

В знак клятвы что не будет воевать хан Ширгази поцеловал Коран, а князь Черкасский поцеловал крест, поклявшись, что прислан от царского величества послом и подал хану царскую грамоту. После этого хивинский хан стал требовать выдать ему Ходжу Нефеса, знатного туркмена, проводника отряда, совершенно не скрывая своих намерений его убить.

Александр Черкасский повелел спрятать Ходжу Нефеса в телеге, накрыть епанчой и приставил к нему караул из четырех человек, там он

²⁷ *Ханыков Я.В.* Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями // Записки императорского русского географического общества. Т. 5. СПб., 1851. 56.

²⁸ Согласно показаниям выжившего после гибели экспедиции Алтын Усейнова, подарки, а именно дорогие ткани разорвал пополам князь Михаил Заманов. Ширгази отказался их брать.

и пробыл в течение трех суток. Далее хан со своей ставкой выдвинулся в направлении Хивы, князь Черкасский оставался при нем, а его отряд с артиллерией следовал за ними в окружении хивинских всадников. Так продолжалось в течение трех дней пока не вышли к речке Порсу-сунгуль. В этом месте была сделана остановка, и хивинцы предложили разделить отряд на пять частей.

Речка Порсунгуль находится в месте под названием Порсу. По мнению Е.А. Княжецкой, это произошло у озера Порсу, расположенного в 108 километрах от Хивы²⁹. Место последующей гибели отряда требует уточнения. В современном Туркменистане два знаменитых озера с одноименным названием: Западный Порсугуль и Розовый Порсугуль. Оба находятся ближе к Каспийскому побережью нежели к Хиве.

Относительную ясность в процессе определения последней точки маршрута вносит донесение начальника Аму-Дарьинского округа полковника Иванова, бывшего на этом месте 25 января 1874 г. во время карательной экспедиции против восставших туркмен. Его отряд пройдя к югу от населенного пункта Мангыт «перешел к Порсу и остановился на ночлег у озера Лар». На другой день 17 января полковник «с ротой пехоты, двумя сотнями казаков и взводом стальных орудий посетил старый Порсу, находящийся в семи верстах от расстояния места ночлега». В Старом Порсу, в котором «по преданию, изменнически умерщвлен и похоронен отряд Бековича-Черкасского, представляет в настоящее время груды развалин, никаких холмов, никаких кладбищ, которые бы напоминали собою грустный эпизод из истории наших военных действий с Хивой нет»³⁰.

Новый Порсу сейчас находится в Республике Туркменистан, и в советское время он был переименован в Калинин. В заброшенном Старом Порсу и произошла трагическая гибель участников экспедиции князя Черкасского. Обращаясь к показаниям выживших и вернувшихся из плена, рассмотрим детали этого печального финала последнего пути Александра Черкасского.

Черкасский, оставаясь при хане, велел посыльным передать остальным офицерам свой приказ о разделе отряда на пять частей и выдвижении на квартиры, которые им укажут хивинцы. Майор Франкенберг не поверил и лично прибыл в ставку хана, чтобы удостовериться. Получив повторно указание разделиться, он и остальные офицеры отряда стали

²⁹ *Княжецкая Е.А.* Судьба одной карты. М., 1964. С. 43.

³⁰ Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов). Ашхабад, 1960. С. 133.

его выполнять. Ходжа Нефес называет имена и области Хивинского хана, куда «определялись» на квартиры люди отряда князя. Их действительно разделили, и как только они покинули обоз, сразу же их всех обезоружили и начали избивать. Ходжа Нефес при разделе отряда «достался» туркменам. Его не стали выдавать хану. Позднее он сообщал, что палатка, где его спрятали туркмены, была близко к ханскому шатру и к палатке Черкасского. Поэтому он видел расправу над офицерами отряда. Как он описывает, сначала вывели перед ханом и казнили князя Михаила Заманова, астраханского дворянина Экономова. Потом вывели князя Черкасского и оставили в одной рубашке и «стоячего» рубили саблею. «Отсекли у троих головы»³¹.

После казни трех человек хан собравшись с войском, выдвинулся в направлении Хивы. Спасший Ходжу Нефеса туркмен Яганомет рассказал ему, что в Астрабаде собирает войско изгнанный Ширгази ханом его конкурент за хивинский престол Мусса хан. Ему помогают персы и что войска собрано «шестьдесят тысяч», и что они поддержали бы действия князя Черкасского, но от него «ведомости к ним не было».

Сопоставляя эти сведения с хивинскими хрониками, мы видим, что Мусса хан был младшим братом Хивинского хана Шахнияза. Пытаясь бороться за престол, он проиграл Йадгар-хану, предшественнику хана Ширгази и бежал в Астрабад. К сожалению, в коротких сведениях о нем не содержится каких-либо дат. Только упоминание о том, что «амиры Хивы» решили его убить, и ему пришлось вскоре скрываться в Мерве, там его настигли и казнив, отослали его голову в Хиву³².

Очевидно, что не имея представлений о сложных внутривнутриполитических перипетиях в регионе, князь Черкасский не понимал причин враждебного отношения хивинцев к его миссии.

Значительную часть отряда порубили на месте. Ходжа Нефес сообщал, что на обратном пути из Хивы он видел «полтораста» трупов. Знатному туркмену удалось откупиться; за него поручились. Он вернулся в Тюб-караганскую крепость и все изложил подполковнику Анненкову. Он не стал скрываться никоим образом, не считая себя виновным в гибели экспедиции.

Информация о судьбе остальных участников экспедиции содержится в показаниях Алтына Усейнова. Он попал в плен к узбекам. По прибытию в Хиву его и всех остальных «татар и черкес из разных

³¹ Материалы военно-учетного архива главного штаба. Т. 1. СПб., 1871. С. 341.

³² Firdaws al-iqbal: history of Khorezm / by Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi; translated from Chaghatay and annotated by Yuri Bregel. Leiden: Brill, 1999. P. 54

мест и двух человек русских гребенских казаков да Турченина новокрещена, который назывался басурманом, всего тридцать девять человек» собрали на площади и хотели рубить. За них заступился «ахун», оправдывая их тем, что взяты все были обманом клятвы на Коране и казнить их, поэтому нельзя³³. Ширгази хан не стал настаивать и их всех отпустили.

Уже будучи свободным, Алтын Усейнов видел место, где были вывешены головы казненных. И он упоминает, что опознал только Заманова и Экономова, и что головы князя Черкасского, который «волосы по черкасски брил» он не увидел. От хивинцев он слышал, что живы остались астраханский дворянин Михаил Кереитов, шурин Михаила Заманова, «черкашенин Сара-мурза», капитан Семичев и многие другие. Ширгази хан публично на площади объявил, что отпустит всех пленных, в случае если Петр Первый пришлет ему посла.

Послом таковым окажется совершенно для себя неожиданно знаменитый Флорио Беневени. При всей относительной благорасположенности к нему Ширгази хан пленных даром не отдал. Посланнику на востоке удалось вернуть в Россию 92 человек, двое из них были драгуны, но ему пришлось их выкупить³⁴.

Поскольку в задачу реконструкции пути отряда не входит выяснение причин гибели экспедиции, здесь мы уклонимся от суждений на сей счет. Однако укажем на одно обстоятельство. На наш взгляд, капитан лейб-гвардии Преображенского полка упрямо выполнял указ Петра Первого, данный ему в Либаве. В пунктах царского указа значилось: «склонить хана хивинского к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего предоставлять ему гвардию к его службе, и чтоб он за то радел в наших интересах». При этом в целях экономии было предусмотрено, чтобы гвардейцы, в случае успеха, содержались за счет ханской казны, также было дано задание «проведать о бухарском хане, не мочно ли его в подданство»³⁵.

Хивинский хан вполне естественно негативно отреагировал на продвижение отряда и на факт появления у своих границ российских крепостей. Есть также сведения, что данные об экспедиции были переданы Ширгази калмыцким ханом Аюкой, которой во всей этой истории

³³ Материалы военно-учетного архива главного штаба. Т. 1. СПб., 1871. С. 350.

³⁴ Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневини в Персию и Бухару в 1718–1725 гг. М., 1986. С. 26.

³⁵ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 585.

вел двойную игру. Разгром миссии А. Черкасского стал громким событием не только в России, но и в европейских странах.

Помимо прямого выполнения указа Петра, второй причиной гибели следует обозначить отсутствие представлений о сложившейся комплексной системе взаимоотношений между народами, племенами и государственными образованиями. Наличие проводников обеспечило лишь продвижение от пункта к пункту, но не давало возможности приобрести союзников среди местного населения, сплотившегося вокруг хивинского хана.

КУРУЦЫ И ХАДЖРЕТЫ: К (НЕ) КОНТРАПУНКТИЧНОСТИ СЮЖЕТОВ

Выстраивание исследовательской ситуации вокруг опыта борьбы за независимость некоторых политических акторов Восточной и Юго-Восточной Европы в Новое время, оказавшихся на путях экспансионистского продвижения крупнейших государств Старого Света, позволяет обнаружить разительные сходства в реализованных региональными политиями формах сопротивления имперскому напору.

Ознакомление с возникновением и развитием антигабсбургской борьбы куруцев в Венгрии¹ (вторая половина XVII – нач. XVIII вв.) и хаджретского Сопротивления в Черкесии (конец XVIII – сер. XIX вв.) сподвигает к сопоставительному анализу некоторых существенных черт этих исторических феноменов. (Рассуждая в русле этого посыла все же имеет смысл обозначить, что во избежание методологического заблуждения мы намерены не допускать в повествовании отождествления аналогии с доказательством).

При выяснении истоков коллективистских действий рассматриваемого типа представляется правомерным обратить внимание на наличие зримых параллелей между теми геополитическими и международно-правовыми трансформациями, наблюдавшимися во взаимоотношениях между крупнейшими политическими игроками накануне зарождения данных движений.

В первом случае речь идет о Вашварском договоре от 10 августа 1664 г. по которому венгерские земли были расчленены между Габсбургами и Османами. Ввиду того, что мадьяры были фактически преданы австрийским домом «Венгрия в буквальном смысле была шокирована происшедшим»². Признание итогов Вашварского мира означало

¹ История Юго-Восточной Европы Нового времени являет немало разнообразие деятельного сопротивления имперскому продвижению сопряженного с массовыми миграциями. Это относится к феномену греческих клефтов, сербских и болгарских гайдуков и хорватских ускоков. Но именно венгерский кейс показался наиболее оптимальным для рассмотрения в сравнительной перспективе с хаджретским движением в Черкесии.

² *Гусарова Т.П.* Австрийские Габсбурги и проблема борьбы с османами в Европе в 50–70-е гг. XVII в. / Османская империя и страны Центральной,

конец венгерской государственности. Вследствие этого неудивительно, что политическая элита страны в поисках средств для «спасения нации» пришла к идее о консолидированном противодействии Вене. Вытекавшая из нее программа была сформулирована в соглашении высших венгерских сановников (М. Зриньи, Ф. Вешшеленьи, Ф. Надашди), оформившемся в течение 1664–1666 гг. и известным в историографии как «заговор Вешшеленьи». Так, «5 апреля 1666 г. в Штубне... между Ференцем Вешшеленьи и Петером Зриньи было заключено соглашение о совместных действиях против Вены... 23 августа в замке Вешшеленьи в Мурани состоялось совещание заговорщиков»³. Затем последовало несколько лет подготовки к выступлению. Весной 1670 г. «в Венгрии началось восстание, которое, однако, вскоре закончилось, еще толком не начавшись»⁴.

В силу того обстоятельства, что именно «венгерская аристократия» изначально возглавляла недовольных и «движение оппозиции переросло рамки заговора и охватило широкие массы дворянства» множество из них, «а также некоторые представители знати бежали в Трансильванию...»⁵. «Скитальцами (или куруцами, как называли воюющих с оружием в руках противников Габсбургов) стали как мелкие и средние дворяне, участвовавшие в антигабсбургском восстании, профессиональные воины, так и крупнейшие венгерские магнаты (например, князь Имре Тёкёли, сыгравший впоследствии важную роль в движении куруцев)»⁶. «Дворяне-беженцы (скитальцы), укрывшиеся на территории Трансильвании, создали новый очаг напряженности...»⁷.

Рассматривая данные обстоятельства в перспективе сравнительного сопоставления с зарождением и этапами эволюции хаджретского Сопrotивления в Черкесии на рубеже XVIII–XIX вв., в отношении, по крайней мере, некоторых черт, можно отметить принципиально сходные в типологическом плане параллели.

Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. С. 168.

³ История Венгрии. В трех томах. Т. I. М., 1971. С. 318.

⁴ Гусарова Т.П. Указ. соч. С. 174.

⁵ Там же.

⁶ Медведева К.Т. Трансильванское княжество между Османской империей и Габсбургами в конце XVII в. / Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. С. 330.

⁷ Гусарова Т.П. Указ. соч. С. 175.

Внешнеполитическими детерминантами генезиса кабардинского хаджретства в Черкесии, также как и в случае с венграми, послужили существенные изменения геополитической конфигурации между крупнейшими державами. На этот раз речь идет о положениях двух трактатов (Кючук-Кайнарджийского 1774 и Ясского 1792 гг.) которыми подводились итоги русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1792 гг. соответственно. Не в последнюю очередь их имплементация касалась и Черкесии. Как известно, первый из договоров открывал для России широкие возможности для интенсификации захвата территорий трех восточночеркесских княжеств, оставив без внимания собственно пространственные параметры этих политий⁸. Территориально дистинктивное расчленение (в рамках отношений османов и русских) Черкесии, и в частности ее ведущего княжества – Большой Кабарды декларируется в Яссах. Тогда линией разграничения двух империй была объявлена р. Кубань⁹. Разумеется, такое решение не могло быть воспринято благожелательно в Черкесии и вскоре нараставшее раздражение становилось все более очевидным. И все же в Петербурге чувствовали себя настолько уверенными, что в следующем 1793 г. решились на введение в Талостанеевском и Джиляхстанеевском княжествах, а также на правобережной (р. Кубань) части территории Большой Кабарды т.н. «родовых судов и расправ»¹⁰ направленных на «умножение зависимости» восточных черкесов.

В случае, как и с реакцией венгров на изменение ситуации в дунайском регионе очередная российская инициатива вызвала негодование политической элиты Кабарды. Однако имперского ресурса хватило на то чтобы упредить зарождение массового движения посредством нейтрализации наиболее активной части недовольных в 1794 г. Лишь в течение 1799 г., как неоднократно описывалось в историографии, после бегства Хатокшоко Адильгирея¹¹ из России, черкесы Кабарды приступили к формулированию и реализации эффективного модуся

⁸ Весьма казуистическим способом определяя политический статус Кабарды, великие державы в тексте договора не обозначили ее территориальных параметров. Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией 10 июля 1774 г. // www.hist.msu.ru/ER/Text/FOREIGN/kuchuk.htm

⁹ Юзефович Т. Договоры России с Востоком: политические и торговые. СПб., 1869. С. 45. // [kavkaz.sfedu.ru / sites / de fault / files /](http://kavkaz.sfedu.ru/sites/de_fault/files/)

¹⁰ Туганов Р.У. Шариатское движение в Кабарде против царизма в 1799–1807 гг. // Живая старина. Нальчик, 1991. № 1. С. 10.

¹¹ В соответствии с узусом черкесского языка фамилия идет впереди имени.

противодействия имперским устремлениям. Воплощая основной императив своей программы он «возвратясь побегом... в свое отечество, мстительным голосом рассеивал здесь мысли свои о возвращении отечеству своему вольности»¹². В связи с ситуацией здесь, командующий российскими войсками на Кавказе генерал Кнорринг докладывал царю о том, «что девять ветренных владельцев (пши. – Т.А.) и много узденей быв руководимы советами его, [Хатокшоко] Адильгирея скопились в одно место и взяли дерзкое намерение установить в Кабарде духовный суд... и который бы совершенно ослаблял действие учрежденных Императорским Величеством в Кабарде родовых судов и расправ, до сего времени с довольным успехом... умножающих зависимость их к Высочайшему Вашего императорского Величества Престолу»¹³.

Как справедливо констатировал В.Х. Кажаров призывы Хатокшоко Адильгирея и его единомышленников «нашли широкую поддержку среди дворян»¹⁴. Однако реализация программы князя с самого начала оказалась под угрозой. Российское командование пристально следило за развернувшимися перипетиями на востоке Черкесии. Оно также предприняло мероприятия направленные «на пресечение затей их в самых оных начале и навести страх на дерзких, а благонамеренных подкрепить»¹⁵. Ввиду данного обстоятельства лидер кабардинского Сопротивления перенес свою «операционную базу» в закубанскую часть Кабарды. Он основал новое поселение в «весьма крепком месте при речке Малый Зеленчуг» и, согласно сведениям П.Г. Буткова в 1802 году при нем находились 200 кабардинцев, причем «партия его... ежедневно умножалась разбойниками»¹⁶.

Отныне и практически до конца российско-черкесского противостояния имперское командование именовало кабардинцев переселявшихся на запад страны, с целью продолжения Сопротивления «беглыми». Касаясь семантики подобного эпитета, нам уже приходилось обращать внимание на то, что данная аттестация подразумевала «преступников,

¹² Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. II. СПб., 1869. С. 560.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 50. Л. 365. (Далее – РГВИА). Цит. по: Кажаров В.Х. Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 41.

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ Туганов Р.У. Указ. соч. С. 11.

¹⁶ Бутков П.Г. Указ. соч. С. 561.

избежавших возмездия имперских законов»¹⁷. Вместе с тем, в попытке осмысления характера и содержания переселенческого движения кабардинцев нельзя игнорировать и другой его аспект. Прежде всего, следует иметь в виду, что миграция из центра Кабарды в Закубанье произошла по причинам, не связанным с внутрикабардинскими противоречиями. «Этот процесс носил экзогенный характер и являлся реакцией, ответом на внешнюю причину каковой являлась российская агрессия против Кабарды. О том, что переселение носило в буквальном смысле характер «бегства» говорит то, что оно происходило без подготовки, в спешке, в условиях постоянной опасности нападения со стороны русских войск, когда многие материальные ценности уничтожались из-за невозможности их транспортировки»¹⁸. Несмотря на это в основу нового самопозиционирования кабардинских переселенцев легли не факторы драматических обстоятельств сопровождавших их исход. О том, чем же оно подпитывалось и как апроприируа сюжет из священной истории о мухаджир-

¹⁷ Алоев Т.Х. Вопрос о закубанских территориях Кабарды в контексте миграции кабардинцев в первой четверти XIX века // Исторический вестник. Вып. III. Нальчик, 2006. С. 269.

¹⁸ Там же. Источники весьма красноречиво описывают условия переселения. Российский «пристав» в Кабарде генерал-майор Дельпоццо писал в 1805 г.: «В прошлом годе чрез Каменный мост кабардинский возмутитель, владеец... Росланбек Мисостов бежал за Кубань и увел с собой кабардинских узденей и черного народа 275 семей...» «...а что Росламбек Мисостов и прочие уздени с ним бежавшие не иначе могли пробраться горами за Кубань, как только оставя все свое имущество... в одной одежде способной увезть на верховых лошадях» – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1868. Т. II. С. 971, 969 (Далее – АКАК). Генерал Ермолов о кабардинской эвакуации 1822 г. вспоминал: «Отсюда (с долины р. Баксан. – Т.А.) генерал-майор Вельяминов 3-й с частью войск, к каким присоединился с отрядом полковник Победнов, отправлен на Кубань к Каменному мосту для воспрепятствования кабардинцам при побеге за Кубань увлечь подвластных их с семействами и имуществом. Лишь скоро узнали они о движении войск, поспешили перейти за Кубань, но некоторых застали еще войска наши, отбили стада их и преследовали спасающихся вверх по Кубани, где места неприступные могли служить им убежищем» – Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. М., 1991. С. 378–379. Военный историк В.А. Потто, суммировав сведения об этом событии, рисовал следующую картину: «...неприятель бежал, и по высотам, в отдалении, можно было видеть спасающиеся семейства кабардинцев и угоняемые стада. Майор Якубович со своим батальоном преследовал бегущих» – Потто В.А. Кавказская война: В 5 т.; Ермоловское время. Ставрополь, 1994. Т. II. С. 373.

стве кабардинцы его универсалистский пафос агрегировали к решению партикулярных (с религиозной точки зрения) задач, а также мотивах, которыми руководствовалась чуть-ли не половина кабардинцев в своем нелегком выборе вдумчиво рассуждал В.Х. Кажаров. «Во времена Кавказской войны, – писал он, – деяния пророка Мухаммада и его сподвижников, воспевавшиеся в закирах, служили для адыгов нравственными примерами, которым они стремились подражать в своей повседневной жизни. Далекое не случайно, что «беглые» кабардинцы, продолжавшие сопротивляться России, стали называть себя «ха[д]жретами». Переселившись за Кубань, они как бы совершили «хиджру», временно оставив свой край во власти неверных. Они намеренно не пользовались адыгским словом «хэхэс» (переселенец), предпочитая сравнивать себя с первыми мусульманами, переселившимися из Мекки в Медину в результате обрушившихся на них гонений. Тем самым «ха[д]жреты» подчеркивали религиозный аспект своего переселения и неизбежность возвращения в [центральную] Кабарду, как и первых мусульман в Мекку»¹⁹.

Примечательно, что возникшие вместе с рассматриваемыми здесь движениями и для обозначения их участников наименования при соотношении друг с другом являют своеобразное перекрестное взаимоотражение. В обоих случаях вокруг каждого из интересующих нас массовых движений складываются свои лексические маркеры, отражавшие их сущностные характеристики, тем самым идентифицируя каждый из феноменов. Каждое из этих «лексико-идентификационных полей» отличается своеобразной динамикой структуры и траекторией семантических изменений его компонентов. Как выше отмечалось, черкесы Кабарды вовлеченные в движение под руководством Хатокшоко Адильгирея (а после его смерти и других кабардинских пши) сами обозначали себя хаджретами исходя из политических и этических мотивов своего исхода. Российская же сторона предсказуемо исходила из своего отношения к ним и имманентного ей категориального аппарата. Соотношение между этими двумя компонентами структуры хаджретского «лексико-идентификационного поля» на протяжении периода их актуального функционирования оставалось дистантным (хотя каждая из них в ходе более чем полувековой эпопеи претерпевала определенные, порой существенные метаморфозы)²⁰.

¹⁹ Кажаров В.Х. Указ. соч. С. 77.

²⁰ В российских документах превалирует эпитет «беглые», отражая, как отмечалось, имперскую квалификацию кабардинских мигрантов. Также нередко в российских источниках они именуются «абреками» тем самым

Опыт венгров в этом плане насыщен несколько иным содержанием. Так, источники сообщают о том, что первоначально участники антигабсбургского выступления называли себя *bujdosók* (беглецы, скитальцы). В своих текстах они, в частности, обозначали себя как «различные беглые отряды – бароны, знать, конница... – кто борется за материальную и духовную свободу венгерской родины»²¹. Хотя есть сведения, что уже в 1671 г. для обозначения «благородных беженцев из Королевской Венгрии» использовалось название *куруцы*, лишь со временем (во второй половине 1670-х гг.) это наименование, апеллировавшее к героике венгерского «крестоносного» движения начала XVI в.²² вытеснило наименование скитальцы/беглецы. Следовательно, венгерским патриотам понадобилось некоторое время для агрегации нового «старого» названия в систему актуальной самоидентификации. Черкесам подобная фаза самоопределения не понадобилась не в последнюю очередь, и потому что не было нужды переосмысливать понятие двухсотлетней давности и наполнять его новым смыслом. Хаджретская (само)идентификация сложилась в рамках стремительной интенсификации исламского прозелитизма в Кабарде на фоне жесткого имперского давления вскорости реверсировавшего к парадигме неприкрытой военной агрессии (после периода относительной стабилизации, наступившего вслед за поражением кабардинцев в военной кампании 1779 г.).

подменяя содержание индигенного понятия. («Несколько кабардинских семейств с подвластными перешли разновременно в долины двух Зеленчуков и составили отдельную усадьбу в соседстве с абадзехами. Они известны у нас под именем абреков»). – *Люлье Л.* Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адыге), абхазцами (азеги) и другими смежными с ними горскими народами // *Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века.* Нальчик, 2004. С. 51. Встречаются источники акцентирующие внимание на географической локализации хаджретов, описывая их, к примеру, как «за-Лабинских кабардинцев». – *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию – следствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 91. Подчеркнутой нейтральностью отличается аттестация швейцарца Жилия писавшего о «переселившихся кабардинцах». – *Жиль Ф.А.* Письма о Кавказе и Крыме. Составление и перевод с французского языка К.А. Мальбахова. Нальчик, 2009. С. 139. Артикулируя ключевую характеристику хаджретов, Ростислав Фадеев в конце войны называл их «вольными кабардинцами». – *Фадеев Р.А.* Кавказская война. М., 2005. С. 162.

²¹ Куруцы//<https://ru.wikipedia.org/wiki/куруцы>.

²² *Арский И.* Восстание «куруцев» в Венгрии в 1514 году // *Борьба классов.* 1936. № 7. istmat.info/files/uploads/32411/cs_1936_hungaryarski.pdf.

В любом случае симптоматично, что венгры и черкесы в поисках формулы противодействия нарастающему стремлению соседних континентальных империй (в чем также можно усмотреть схожесть ситуаций)²³ в которых оказались мадьяры и адыги) расширить свое могущество за их счет пошли по пути возведения эффективной (в первую очередь с военной точки зрения) национальной идеологии на базе актуализации религиозной идентичности. И там, и там арифметическое большинство населения уклонилось от радикального деятельного противостояния напору заведомо превосходящих сил. Определенная часть населения избрала пассивное сопротивление оккупационным властям, многие просто выжидали, а некоторые пошли по пути открытого содействия имперским усилиям.

Рассуждая о структуре идентичности новообразованных в ходе радикальной резистенции сообществ нельзя говорить о ее полноте, если не учитывать, что сознательное и форсированное (по историческим меркам) формирование новой идентичности с необходимостью предполагает лексическую (часто в уничижительном ключе) маркировку альтернативных, а порой и антагонистичных стратегий социальной активности/пассивности. Рассматриваемые здесь ситуации определенно подтверждают данную закономерность. Так, в случае с венграми антиподами куруцев выступали сражавшиеся против них на стороне Габсбургов *лабанцы*. Термин «*labanc*» (от венгерского слова «*lobonc*», буквально «длинные волосы», относящиеся к парикю, носившемуся австрийскими солдатами) широко распространился после 1678 г. Как явствует из одного обобщающего труда по венгерской истории «*лабанцами – сторонниками Габсбургов являлись главным образом магнаты и патрициат саксонских городов*»²⁴.

Принятые в Черкесии названия коллаборационистов отличались не меньшей определенностью, а в эмоциональном плане ярче выраженной пейоративностью характеристик. Так, в песне посвященной одному из виднейших лидеров закубанских кабардинцев князю Ажджеруюко Кушуку антагонисты хаджретов определяются как «*мылицэ гуцэурэ кхэу-эцхэр зыгъэкI*» («милиция, что свиную щетину отращивает») ²⁵. В другой песне, в которой повествуется о мести молодого человека выжившего

²³ Которые некоторыми исследователями относятся к единой «макросистеме континентальных империй». См. например: *Миллер А.И.* На границах Европы: ансамбль континентальных империй // *Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений XII–XX вв.* Отв. ред. А.С. Стыкалин. СПб., 2009. С. 27.

²⁴ История Венгрии. В 3-х томах. М., 1971. Т. I. С. 416.

²⁵ Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Под ред. Е.В. Гиппиуса. М., 1990. Т. III. Ч. II. С. 70.

при разорении родного аула захватчиками, соплеменники причастные к злодеянию названы «кхъуэ пашэ» («дикие свиньи») ²⁶. На этом фоне совсем неслучайна бытующая в черкесской диаспоре Турции пейоративная оценка, адресованная кабардинцам, оставшимся безучастными к хаджретской Альтернативе. Она звучит так: «ТуашIэдэсым кхъуашхъэрэ кхъуакIэрэ япытц» («у жителей междуречья, т.е. центральной части Кабарды, свиные головы и хвосты») ²⁷. Также показательна и следующая полная диффамативного содержания фольклорная формула: «Си быным кхъуэлрэ мылицэрэ фIэКIа ямышхаи мы дунейм теткым» («И нет на свете ничего, чтобы не ели мои дети, кроме свинины и милиции») ²⁸.

Принимая во внимание подобную тернарную композицию идентичности у рассматриваемых коллективов, все же следует указать, что в плане понимания ее дальнейшей эволюции определяющее значение имеет именно диспозиция элементов ее структуры. Зримые различия в траекториях исторического бытования двух соционимов вполне объяснимы из данного посыла (при этом, конечно же, не игнорируя конкретных военно-политических обстоятельств). И здесь важно обратить внимание на сугубо эпистемологический момент довольно характерный для процесса гуманитарного исследования. Как часто бывает при описании тех или иных сюжетов лексическая оснастка заимствуется у объекта исследования. Тем самым она становится инструментом исследовательского метаязыка. В каждом конкретном случае со всей непреложностью возникает необходимость выяснения соотношения между словом – категорией метаязыка и понятием, приписываемым какому-либо субъекту в качестве актуального для его исторической ситуации. В этой связи представляются значимыми такие обстоятельства, что согласно некоторым данным представители сообщества, обозначавшиеся как *кигис* «себя так никогда не называли» ²⁹. Их же антагонисты – лабанцы со временем «переформатировались» чуть-ли не в легитимную альтернативу куруцкому движению. Такая пластичность, вернее зыбкость идентификационной платформы впечатляющего по хронологии (1671–1711), накалу и драматизму венгерского антигабсбургского движения в некоторой степени объясняет

²⁶ Басхэгъ Гъариб и уэрэд // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 331.

²⁷ Информант Шигалуга (Шыгъэлыгъуэ) Хаджи-Хайдар, житель г. Пынарбаши, ил (провинция) Кайсери, Турецкая республика. Запись 1993 г. Из личного архива Думанишева Ауладина.

²⁸ Сказания о Жабаги Казанок. Составление, подготовка к печати, комментарии и приложения З.М. Налоева, А.М. Гутова. Нальчик, 2001. С. 270.

²⁹ Куруцы // <https://ru.wikipedia.org/wiki/куруцы>.

(наряду с военными поражениями, исчерпанием социальной базы и т.д.) его финал, в котором отмечаются черты со знаком полярно противоположным изначальной «скитальческой» идеологии. В качестве иллюстрации можно привести пример того, как вскоре после 1711 г., вслед за окончательной пацификацией движения «много бывших куруцких воинов присоединились к габсбургской армии»³⁰. Примечательно также, что вслед за этим на протяжении первой половины XVIII в. слово *куруцы* уже «использовалось для обозначения венгерских кавалеристов (гусары), служащих в габсбургской армии, особенно во время войны за австрийское наследство (1740–1748)»³¹. С учетом столь резкой реверсии, если не сказать инверсивного перехода в семантике понятия *куруц* неудивительно, что оно вскоре, к концу XVIII в. вовсе вышло из широкого употребления³². Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что в «современном венгерском языке [слово] *kuruc* иногда используется, для обозначения патриотических людей, которые готовы бороться за интересы венгерских людей»³³. Чем бы этот факт ни был; реминисцирующим проблеском в современном историческом сознании венгров или же результатом особых усилий мадьярской интеллектуальной элиты направленных на ревитализацию канувшего в Лету два столетия назад понятия он определенно представляет собой элемент конституирования идентичности.

При взгляде на историческую динамику хаджретского «лексико-идентификационного поля» его устойчивость просматривается особенно зримо. Вышеуказанная дистантность элементов структуры хаджретской знаковой системы обусловили устойчивость её синтактики на длительный период. Это обстоятельство существенно облегчает лишенное смысловых aberrаций восприятие соответствующего нарратива, что позволяет выстроить прагматически корректную оптику при рассмотрении знаковой системы хаджретов. Вполне объяснимо, в связи с этим, что семантическая динамика концепта хаджрет (являющегося центральным в системе) отличается существенно от смысловых трансформаций термина *куруц*. Однако прежде чем обратиться к главным вехам, ознаменовавшим направление и особенности этой динамики, принципиально важно обозначить перманентный на протяжении нескольких десятилетий фактор, через который преломлялись грани хаджретского самосознания и которым, так или иначе, определялась

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

вся палитра смысловых оттенков сопровождавших хаджретскую идентичность.

Речь идет о военно-политических параметрах присутствия кабардинцев в зоне российского продвижения в бассейне р. Кубань. Занятую новым сообществом позицию, которая позволяла выступать в качестве долговременного фактора этнополитического развития в субрегионе «оказывая значительное влияние на расстановку здесь военно-политических сил» неизменно подтверждают российские источники. Так, в мае 1823 г. спустя лишь несколько месяцев после завершения второй и самой масштабной волны эвакуации восточных черкесов из центра Кабарды генерал Ермолов отмечал: «Из сведений, доходящих о нападении Закубанцев, известно, что беглые кабардинцы не только участвуют в оных, но всячески стараются возбуждать против нас разбойников и, зная места, служат провожатыми партиям». Проистекавший из этого положения приказ, гласивший о том, что «в случае если кто из бежавших за Кубань кабардинцев достанется в руки наши, таковых... наказывать смертью»³⁴, думается красноречиво характеризует значимость хаджретского присутствия в бассейне р. Кубань. Военный историк Потто отмечал в связи с этим: «Покорение [центральной части] Кабарды создало новую причину вечных тревог на правом фланге, на верхней и средней Кубани. Беглые кабардинцы стали за Кубанью новым элементом, постоянно возбуждавшим к непрерывным и мстительным набегам. Под их влиянием выходили тогда на линию все крупные шайки»³⁵. Весьма симптоматично в этом плане то обстоятельство, что в начале очередной российско-османской войны, командующий Кавказской линией генерал-лейтенант Емануель обращаясь с прокламацией к «закубанским народам» из всей их палитры упомянул лишь хаджретов. Он писал: «От беглых кабардинцев, находящихся за Кубанью, один раз навсегда я требую, чтобы они от хищничеств удержались; в противном же случае, добычами не заменятся им потери, которые понесут они, если привлекут на себя русское оружие. К тому же и сами жители закубанские, давшие им убежище, должны за стыд почитать следовать их легкомысленным советам, а того еще более – терпеть в них своих притеснителей и им повиноваться»³⁶.

Представленный текст высвечивает три принципиальных момента в позиции России по отношению к «беглой Кабарде». Во-первых, сам

³⁴ АКАК. Т. VI. Ч. I. Тифлис, 1875. С. 473.

³⁵ Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. II. С. 456.

³⁶ Филонов С. Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. Тифлис, 1894. Т. XV. С. 446–447.

факт персонификации только «беглых» кабардинцев из всей совокупности феодальных и республиканских политий Закубанья, некоторые из которых обладали людскими ресурсами в десять раз превышавшими хаджретские, косвенно говорит о значительно более «качественном» ведении хаджретами военных действий против России, нежели акторы Западной Черкесии. (Вместе с тем следует принять во внимание то обстоятельство, что «беглые» кабардинцы рассматривались российским правительством в качестве мятежных подданных империи, в отличие от остальных черкесов, чье благожелательное отношение в условиях войны с Портой было весьма необходимым для России. Этим и объясняется тон неприкрытой враждебности, с которым обращались к хаджретам). Во-вторых, требование Емануеля к кабардинцам, чтобы те «от хищничеств удержались» характеризуют отношения России и хаджретов как перманентно антагонистичные независимо от внешне-политической конъюнктуры.

В-третьих, в заключительном предложении к хаджретам, констатируется наличие политической подчиненности одних сообществ Закубанья (карачаевцы, абазины) «беглым» кабардинцам и значительное влияние последних на другие черкесские политии (Абаздехия, Бесленей). Тем самым обнаруживается несостоятельность сделанного в свое время генералом Ермоловым «предостережения» о том, что переселение кабардинцев за Кубань поставит их в положение «зависимости» и «подчиненности» от жителей Закубанья³⁷.

Те же позиции относительно хаджретов были подтверждены и после драматичной военной кампании в субрегионе хронологически приходящийся на период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Показателен в этом плане рапорт составленный генерал-майором Бекевич-Черкасским и полковником Гасфортом от 17 сентября 1830 г. адресованный Паскевичу. В нем отмечалось, что в Закубанье «Кабардинцы продолжают пользоваться уважением между другими племенами, давшими им пристанище». Авторы документа рассматривая возможность их возвращения в центральную Кабарду мотивировали свою инициативу тем обстоятельством, что «оставаясь доле между Закубанскими народами, они не могли вновь вооружать их против России, ибо замечено, что до сего времени кабардинцы всегда были там первыми зачинщиками и участниками грабежей, произведенных в пределах наших, увлекая обыкновенно примером своим и те колена, которые изъявляли прежде к нам благонамеренность»³⁸.

³⁷ АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. I. С. 467.

³⁸ АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 905–907.

В последовавшие десятилетия хаджретский фактор не терял своей значимости в субрегионе. В 1851 г. российские военные специалисты аттестовали кабардинцев как «самое доблестное и храброе племя на правом фланге»³⁹. Значительно позднее, в 1860 г. о них говорилось, что «беглые кабардинцы составляли самую крепкую защиту и оплот абадзехов со стороны верховьев рек Ходзи и Белой»⁴⁰. И, наконец, в год завершения векового противостояния (1864), анонимный российский автор охарактеризовал наблюдаемых им уже «за-Лабинских кабардинцев (бежавших назад тому 45 лет из Кабарды)» как «наиболее воинственных, на которых лежала вся тяжесть прежней войны с горами, так как они составляли авангард неприязненного нам населения и которые наиболее нам вредили...»⁴¹. Видимо эти обстоятельства были приняты во внимание, когда выдающийся кавказовед М.М. Ковалевский, окидывая интеллектуальным взглядом давно переставшие быть злобой дня перипетии Кавказской войны заключал, что «самые опасные наши противники на западе [были] – кабардинцы, и самые упорные защитники национальной независимости на востоке – горцы Дагестана и чеченцы...»⁴².

Столь значимое положение массива кабардинских переселенцев в воюющей Черкесии на протяжении целой эпохи было также неразрывно связано с его упрочением в качестве все более нарастающего источника референтных символов в масштабах всей страны. Этот аспект их позиции в конфигурации этнополитического взаимодействия в регионе требует более детального разъяснения.

В конце 1840-х гг. К.Ф. Сталь, имевший возможность непосредственного и длительного изучения ситуации в Черкесии отмечал, что погибшие к тому моменту черкесские пши Болотоко Джамбулат, Хатокшоко Магомет-Аш(е), Каноко Айтек и «старшина» Харциж Аля «были хаджиретами»⁴³. Здесь также было отмечено, что лишь «с 1835 года

³⁹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 1. Ставропольская губерния // Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. М., 2008. С. 103.

⁴⁰ Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья XIII–XIX в.: Сборник документов и материалов / Сост. С.Х. Хотко. Майкоп, 2009. С. 370.

⁴¹ *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию – следствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 91.

⁴² *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. В двух томах. Майкоп, 2006. Т. I. С. 249.

⁴³ *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. XXI. С. 124.

хищники приняли название хаджиретов»⁴⁴. Упоминание в качестве рубежной вехи в хаджретской эпопее именно этой даты (а, к примеру, не 1822 г.) вкупе с представленной галереей «эталонных» хаджретов в которой значился лишь один-единственный кабардинец, при поверхностном взгляде на ситуацию как-бы подводит к эффекту когнитивного диссонанса. В данном случае готовность к коррекции исследовательской оптики и допущение динамичности парадигмы изучения хаджретской проблематики позволяют снять кажущиеся противоречия и реализовать эвристический потенциал, заложенный в этих «нестандартных» сведениях.

Реализуя данный посыл, будет уместно привести пассаж автора, которым он иллюстрирует формы проявления представленной им «социальной инновации». Он указывал, что принятие названия хаджретов в 1835 г. сопровождалось тем, что «воровство приняло религиозный характер. Хищничество и набеги в наши пределы считаются делом душевспасительным, а смерть, понесенная на хищничестве в русских пределах, дает падшему венец шагида или мученика»⁴⁵. Однако данные характеристики не являются чем-то новым для кабардинцев; ровно эти идеи были актуализированы в Кабарде в 1774 г. когда восточные черкесы штурмовали Моздок «во главе со своими духовными»⁴⁶, атаковали 10 крепостей нововозведенной имперской передовой линии в военную кампанию 1779 г.⁴⁷, столкновениях с русскими на нижнем Притеречье в 1785 г. и в ходе всех сражений первой трети XIX в. Да и для населения кяхской части Черкесии понятие о гибели «за святое дело» было вполне укорененным за десятилетия до сер. 30-х гг. XIX в.⁴⁸

Прояснению ситуации способствует авторская нюансировка, последовавшая в другом месте, где обозначается другой хронологический репер – время «около 1837 года» в качестве рубежной вехи, индицирующей качественный сдвиг в социальных процессах запада Черкесии.

⁴⁴ Там же. С. 125.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Архив внешней политики Российской империи. Кабард. дела. Ф. 115. Оп. 115/2. Д. 21. Л. 39.

⁴⁷ Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Под ред. Е.В. Гиппиуса. М., 1986. Т. III. Ч. I. С. 226.

⁴⁸ У Хан-Гирея имеется описание того, как убитого жанеевского князя «предали земле, как тело человека, погибшего за святое дело (шагод)», ввиду того, что убийцы схватили его во время совершения намаза. Данное событие произошло где-то во второй половине в 10-х годах XIX в. – *Хан-Гирей*. Избранные произведения. Подготовка текста и вступительная статья Р.Х. Хашхожевой. Нальчик, 1974. С. 249–250.

Исходя из представленного контекста, следует понимать, что не позже этого времени «появилось сословие хаджиретов или хищников за веру; воровство приняло священный характер, надело маску религии»⁴⁹. Таким образом, становление хаджретства в качестве сословия надевшего «маску религии» т.е. вооружившегося религиозной идеологией К.Ф. Сталь определенно относит к периоду 1835–1837 гг.

В свете подобных сведений выяснение авторской трактовки и соответствующей ей семантики хаджретства, а также объяснение столь значимого социального сдвига претендовавшего, по меньшей мере, на коррекцию общественной структуры и в рамках которого переопределялся «онтологический статус» довольно привычной к тому времени для подавляющего большинства черкесов исламской доктрины приобретает примарный характер.

Представляется, что наиболее приемлемой точкой отсчета в выстраивании объясняющего контекста данных процессов выступает Адрианопольский трактат 1829 г. которым ознаменовалось начало открытого завоевания закубанской Черкесии Российской империей. Нами уже отмечалось, что радикальная смена привычной геополитической конфигурации в регионе, вызванная условиями завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг. ввергла кяхские феодальные владения и главных носителей сопротивления Западной Черкесии – абадзехов, натухайцев, убыхов и шапсугов (правда последних ненадолго), в состояние «растерянности»⁵⁰. Один из активнейших политиков страны шапсугский аристократ Абат Бесленей признавал, что «ровесникам его, пользовавшимся некоторой известностью, оставалось тогда избрать одно из следующих трех предположений: первое – удалиться в Турцию, в «землю мусульман» и там, в служении богу, ждать смерти; второе – поселиться в ущельях, отдаленных от обеспокояемых гор... и третье – предаться покровительству России... (впрочем, черкесов которые «уверились, что судьба их края предоставлена России» согласно даже пророссийски настроенному Хан-Гирею все же числом было «незначительно»)»⁵¹. Несмотря на масштаб новой угрозы основные акторы западночеркесского политического процесса с трудом преодолевали такой разброд. Так, к примеру, в документе, датированном 1831 г.

⁴⁹ Сталь К.Ф. Указ. соч. С. 165.

⁵⁰ Алов Т.Х. Особенности динамики военно-политического положения хаджретской Кабарды в условиях трансформации международного статуса Закубанья (середина 1829–1830 годы) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2011. № 2 (162). С. 26.

⁵¹ Хан-Гирей. Указ. соч. С. 261.

отмечается, что «абадзехи и натухайцы присылают непрерывно нарочных с просьбой о начатии военных действий о занятии Российскими войсками бухт Суджук-кальской и Геленджикской, которые служат ключом покорения черкесов...»⁵².

Между тем «лидеры хаджретской Кабарды (до этого не раз демонстрировавшие наличие консолидированной субъектности) не имели иллюзий насчет вероятных сценариев дальнейшего взаимодействия»⁵³. Хотя к этому времени на театре военных действий уже достаточно давно было привычным, что «кабардинцы эти считали себя независимыми от России и, вместе с другими черкесскими племенами, вели упорную борьбу с русскими войсками и казачеством» повышенная (в сравнении с другими центрами силы воюющей Черкесии) устойчивость к первоначальным вызовам последовавшим вслед за кардинальной сменой международно-правовой парадигмы в регионе, и ортодоксальная приверженность изначальной мотивационной платформе хаджретской Альтернативы («бежавшие кабардинцы, озлобленные покорением их земли, дали обет, пока живы мстить русским⁵⁴, «...выходцев из Кабарды... мест покоренных русскими, которые, посвятив себя на постоянную, беспощадную войну с нами, носили черкесское название гаджерет...»⁵⁵) обеспечивали им статус индпендистского бастиона в глазах всего населения страны адыгов. Этому, несомненно, способствовал и режим постоянного наращивания военного прессинга со стороны России по всему периметру закубанской Черкесии.

Так, по окончании войны с османами иницируется крейсерское патрулирование черкесского побережья и предпринимается попытка установления сухопутной связи между Сухумом и находившейся теперь в руках России Анапой (1830). Закладываются сразу несколько укреплений в низовьях Кубани, и в том же году опираясь на них, здесь оперирует корпус российских войск под началом командующего на Кавказе Паскевича. В 1831 г. в дополнение к Анапе российские войска закрепляются и в районе Геленджика. В последующем цель обеспечения сообщения нижней Кубани с Геленджиком и соображения по отсечению шапсугов от части «плодородной равнины расположенной между Кавказским хребтом и Кубанью» сподвигают командование

⁵² АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 910.

⁵³ Алоев Т.Х. Особенности динамики... С. 26.

⁵⁴ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 183.

⁵⁵ Там же. С. 181.

Отдельного Кавказского корпуса начать ежегодные крупномасштабные военные экспедиции. Задействовав значительные ресурсы, российские войска с лета 1834 г. приступили к планомерному решению поставленных здесь задач. Особенно серьезные силы были сконцентрированы в руках генерала Вельяминова в кампанию 1835 г. Тогда на крайнем западе Черкесии оперировала группировка войск численностью более чем 11 тысяч человек⁵⁶. (Для сравнения отметим, что за несколько лет до этого, для взятия сильнейшей на восточном побережье Черного моря турецкой крепости Анапа россиянам понадобилось чуть более 5 тыс. человек⁵⁷; с войсками в 9 тыс. человек в ноябре 1853 г. главные силы турецкой Анатолийской армии в 36 тыс. были разгромлены при Башкадыкларе⁵⁸.) Походы подобных масштабов и интенсивности были организованы и в последующие годы.

В определенном смысле их можно рассматривать в качестве квинт-эссенции имперских усилий на начальной стадии новой фазы продвижения в Черкесии индуцированного радикальным изменением геополитической конфигурации в регионе с 1829 г. Видимо, в том числе и поэтому в фокусе ретроспективного взгляда (длиной в полтора десятка лет) данные события предвосхищают, а судя по авторскому контексту прямо предопределяют возникновение хаджретства как общечеркесского феномена. «Первые экспедиции наши за Кубанью были очень удачны: огромная баранта и табуны попадали в наши руки, и до сих пор закубанский край не может оправиться от своих потерь. Экспедиции генерал-лейтенанта Вельяминова были чрезвычайно важны...»⁵⁹. Именно после такого живописания следует вышеупомянутая авторская констатация того, что «в это время появилось сословие хаджиретов»⁶⁰. При соотнесении подобного видения с фактологической канвой относящейся к данной ситуации можно убедиться, что авторские суждения невозможно отнести к известной логической ошибке *posthoc, ergo propterhoc*.

Воздействие таких факторов как перманентное нахождение на переднем крае борьбы в условиях систематического осложнения военно-политической обстановки, референтность и престижность аристократических

⁵⁶ *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 466.

⁵⁷ Там же. С. 461.

⁵⁸ *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2003. С. 344–345.

⁵⁹ *Сталь К.Ф.* Указ. соч. С. 165.

⁶⁰ Там же.

восточночеркесских культурных форм в предыдущий исторический период⁶¹ и востребованность проповедуемой кабардинцами Альтернативы к середине 1830-х гг. достигло критической планки вслед за которым началось систематическое вовлечение в их «программу» «пассионариев» кяхтской Черкесии. Успешной индоктринации в хаджретскую «программу» и «аноблирование» (пользуясь приемлемой для Стая категорией, увидевшего в них новое сословие) в ряды ее приверженцев, способствовала, т.о., вся сумма военно-политических факторов на Северо-Западном Кавказе.

В рамках этого движения складывается совершенно отчетливый культурно-исторический тип хаджрета. Не удивительно, что культурная рамка предшествующего периода базировавшаяся на характерных представлениях об эталонном рыцаре («шууфI») в новых условиях крайнего напряжения социальных сил в процессе резистенции все нараставшему имперскому натиску детерминировала конгруэнтную ситуации знаковую систему с соответствующими этическим кодексом, костюмом, телесностью, стилем поведения и т.д. «Хеджрет – это открытый, доброконный, иногда закованный в кольчугу наездник; это лев набега», – констатировалось в тексте, посвященном осмыслению опыта векового противостояния с черкесами⁶². Непосредственный участник этой коллизии, словно пытаясь красочно проиллюстрировать подобную характеристику, записал в своем дневнике посвященном походу в Шапсугию в 1837 г. следующее. «При занятии аула несколько конных черкес были от нас не более как на $\frac{1}{2}$ ружейного выстрела, мы бежали за ними и стреляли, но они, ни мало не конфузясь, удалялись от нас шагом и меленькою рысью; приостанавливая лошадь в удобных местах, они по нас стреляли. Мы засыпали их пулями, но ни одного не могли ранить, ибо это были панцирники, одеты, как я еще не видел: все почти на серых лошадях, черкески обшиты серебром, опушки шапок белые и молодцы собою, но это, верно, не здешние сапсуги, а, верно, кубанские... которые на сражение надевают самое лучшее платье, какое у них есть»⁶³. Буквально в это же время, другой пристрастный наблюдатель войны в регионе Дж. Лонгворт пребывая

⁶¹ «Кабардинцы в то время, когда присваивали себе господство над соседственными племенами, были и законодателями вкуса для других черкесских поколений; в одежде и вооружении, в обычаях и нравах, на войне и мире – все ставили их в пример». – *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Вступительная статья и подготовка текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. Нальчик, 2008. С. 192.

⁶² *Потто В.А.* Указ. соч. С. 341.

⁶³ *Гордин Я.А.* Кавказ. Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000. С. 415.

у черкесов побережья, удостоверился, что «истинный тип черкесского рыцаря» «невозможно найти нигде в другом месте в настоящее время, кроме как на равнинах Кубани»⁶⁴. Итогом внутренней трансформации понятия хаджрет явилось замещение им центральной позиции в аксиологической сетке черкесского языкового сознания (о чем, в частности свидетельствуют и фольклорные данные!)⁶⁵. «Хаджрет» этого времени для черкесов это как *καλός καγαθός* («калос кагатос») для древних греков, или же «*honnêtehome*», «*gentleman*» для европейцев Нового времени. Однако, если последние смысловые единицы сложились в больших и стабильных обществах посредством длительной эволюции внутрисоциальных процессов, то черкесский референт сформировался по историческим меркам молниеносно в условиях предельного напряжения социальных сил под напором имперского колосса. Поэтому неудивительно, что его профиль отмечен отчетливыми милитаризированными чертами. Особенно зримы они были для заинтересованного противника подчеркивавшего, что «безотчетною храбростью, смелыми набегами и хищничеством в наших пределах хаджиреты сделались знамениты за Кубанью»⁶⁶. Для того чтобы вернее судить о прочности новой семантической доксы относительно концепта хаджрет позволим себе еще одну цитату. Российские военнотружущие, переброшенные с усмирненного Восточного Кавказа, в ходе знакомства с реалиями на западе перешейка усваивали, в частности, и лексические новшества. Так, вовлеченный в эту ситуацию российский офицер вспоминал: «Джигит – принесенное с левого фланга и из Дагестана, оно мало знакомо здешним горцам, у которых есть слово «хаджирет», также как и джигит, означавшее наездника, молодца»⁶⁷. Очевидно, что такая слава зиждилась не только на традиционной рыцарской аксиологии, но и на относительно недавно воспринятых понятиях о религиозной аскезе. По крайней мере, сведения о том, что имела место практика когда «по обету для своего душеспасения считают необходимым пойти на несколько лет в Хаджиреты»⁶⁸ позволяют трактовку в этом ключе. Таким образом, к середине 1830-х гг. хаджретская Альтернатива,

⁶⁴ Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов. Перевод с английского В. М. Аталикова. Нальчик, 2002. С. 370.

⁶⁵ Адыгэ хьыбархэр. Зэхэзыльхьар, пэублэ тхыгъэр, комментарийхэр зытхар Мыжей Михаилш. Черкесск, 1986. Н-ці 182.

⁶⁶ Ольшевский М. Я. Указ. соч. С. 493.

⁶⁷ Гейнс К. Пшехский отряд (с октября 1862-го по ноябрь 1864 года) // Материалы для истории покорения Западного Кавказа. Нальчик, 2013. С. 280.

⁶⁸ Сталь К. Ф. Указ. соч. С. 78–79.

зародившаяся и десятилетия реализовывавшаяся как преимущественно кабардинская «программа» эволюционировала в феномен общечеркесской значимости. Вместе с тем следует подчеркнуть, что порожденный ею культурно-исторический тип и в последующем продолжал нести в себе отчетливые родовые черты кабардиноцентричности. «Их соотечественники, поселившиеся между абадзехами, были всегда во главе всех предприятий. Щегольством наряда и модами они служили примером всем черкесам, живущим за Кубанью», – отмечал Сталь, характеризуя кабардинских мигрантов в Закубанье⁶⁹. И далее, у него рефреном звучала убежденность, что «Беглые кабардинцы за Кубанью служат теперь примером мод и обычая»⁷⁰. В очередной раз отмечая, что «дворянский обычай кабардинцев (уорк-хабзе) сделался обычаем для всех черкес. Черкесы характеризуют кабардинское дворянство прежних времен двумя словами – намазыра зауеныра, т.е. благочестивое и рыцарское»⁷¹ он был предельно компетентен в своих суждениях⁷².

Вглядываясь в траектории становления мигрантских коллективов, возникших в процессе активной резистенции имперским территориальным приобретениям/уступкам, следует признать, что они в значительной степени обуславливались модальностями самопозиционирования новых сообществ. Его идейный субстрат и превалирующий вектор динамики наиболее зримо демонстрируются решимостью с их стороны презентироваться в качестве самостоятельных политий и степенью идиосинкратичности в отношении имперского присутствия. Эти качества наиболее отчетливо проявлялись в институциональном строительстве (внутриполитический аспект) и в реализованных стратегиях в отношении права оптации (внешнеполитический аспект).

Считается, что куруцы «пробовали организовать себя как независимое сообщество, названное «universitas» или «communitas»⁷³. Более того, «universitas» скитальцев/беглецов выступал как субъект и равноправный (по крайней мере, с формальной точки зрения) контрагент в переговорах с Францией в мае 1677 г. завершившихся подписанием союзного

⁶⁹ Там же. С. 82.

⁷⁰ Там же. С. 91.

⁷¹ Там же.

⁷² О компетентности и объективности этих суждений можно судить по следующему признанию их автора: «Заметки свои я составил в 1849 году после трехлетнего пребывания моего за Кубанью. Ныне я решился привести их в порядок и дополнить при помощи подпоручика Омара Берсева, абадзехского уроженца» – *Сталь К.Ф.* Указ. Соч. С. 62.

⁷³ Куруцы // <https...>

договора⁷⁴. Вместе с тем обстоятельства возникновения «заговора Вешшеленьи» и заявленные его участниками приоритеты, а также последующая траектория движения куруцев показывают, что данный феномен изначально был «ксеноцентричным». В литературе по данной тематике отмечается, что программа действий «заговора Вешшеленьи» с самого начала была ориентирована на «переговоры с иностранными державами с целью сохранения Венгрии»⁷⁵. Более того обращение «за помощью к могущественным державам» рассматривалось венгерской политической элитой курсом не имеющим альтернативы⁷⁶.

«Непосредственно после заключения Вашварского мира заговорщики сделали в своих планах ставку на Францию»⁷⁷. Чуть позднее (1666) в связи с переменами международной европейской конъюнктуры произошла смена политической ориентации; теперь она стала протурецкой⁷⁸. Симптоматично, что при этом «заговорщики» «были согласны на то, что Венгрия перейдет под власть Османской империи в статусе вассала...»⁷⁹. (Собственно эта установка и была реализована позже, в начале 1680-х гг., когда в Верхней Венгрии (современная Словакия) куруцы во главе с Имре Тёкёли создали самостоятельное княжество под протекторатом Порты)⁸⁰.

Существенная роль в этой ситуации выпала и на Трансильванское княжество. Его представители активно участвовали сначала в «заговоре»⁸¹, затем княжество приняло тысячи скитальцев и возложило на себя тяжелое бремя содержания войск и оплаты их военных операций⁸². Примечательно также, что согласно вышеуказанному договору французского короля и куруцев последние выставляли свое

⁷⁴ Гусарова Т.П. Указ. соч. С. 177.

⁷⁵ Там же. С. 169.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 170.

⁷⁸ Там же. С. 171, 185.

⁷⁹ Эта позиция, наряду с прочими, объясняется тем обстоятельством, что режим османского присутствия в Альфёльде, установленный со второй четверти XVI в. отличался устойчивым и все нарастающим либерализмом в отношении мадьярского населения. Такая тенденция проявилась, в частности, в фискальной политике и судопроизводстве. См.: Хеди К. Место и положение венгерской провинции в составе Османской империи // Средние века. Вып. 59. М., 1997. С. 165–167.

⁸⁰ Медведева К.Т. Указ. соч. С. 334.

⁸¹ Гусарова Т.П. Указ. соч. С. 171, 173.

⁸² Медведева К.Т. Указ. соч. С. 330–331.

15 тысячное войско под командованием канцлера Трансильвании Михая Телеки⁸³.

Мощное геополитическое присутствие османов в регионе и историческая детерминированность вовлечения Трансильвании в венгерские дела объясняют имманентность апеллирования мадьярской оппозиции к Порте и вассальному ей княжеству. Однако, пожалуй, именно в специфике консонирующего развертывания антигабсбургских интенций скитальцев с французскими инициативами в регионе, наиболее отчетливо проявилась политическая экстравертированность куруцкого движения. Одним из значимых вех в этом направлении стало «...заключение 28 апреля 1675 г. Фогарашского соглашения о военном сотрудничестве двух сторон и материальной помощи Людовика XIV скитальцам»⁸⁴. Даже не будучи ратифицированным со стороны короля это соглашение привело к тому, что по наблюдению одного из современников «Венгерские мятежники уже успокоились, когда полученные от французов деньги снова ободрили их»⁸⁵. Последствия новой фазы взаимодействия обозначившегося в ходе реализации Варшавского договора венгров с французским королем (май 1677) еще зримее обнаружили роль внешних сил в динамике движения куруцев. Кроме того, что «Людовик XIV обязался ежегодно выделять по 100 тыс. талеров на поддержку походов куруцев в Венгрию»⁸⁶ он оперативно направил французский военный контингент в 2 тыс. человек в помощь союзникам. «В мае следующего года к «повстанцам» присоединился отряд наемников, набранный в Польше на деньги Франции, которым командовал французский полководец Форвал»⁸⁷. Символическим признанием определяющей роли в куруцком движении внешних центров силы, видимо, можно признать приказ его лидера – Имре Тёкёли «выбить медаль, на одной стороне которой был изображен он сам, на другой – Людовик XIV как «Defensor Hungariae»⁸⁸.

Сопоставительный взгляд на опыт институционального строительства и рассмотрение устойчивости индпендентского императива у хаджретов, пожалуй, будет правомерно предварить указанием на то обстоятельство, что кабардинская миграция на левобережье Кубани

⁸³ Гусарова Т.П. Указ. соч. С. 177.

⁸⁴ Медведева К.Т. Указ. соч. С. 331.

⁸⁵ Гусарова Т.П. Указ. соч. С. 176–177.

⁸⁶ Медведева К.Т. Указ. соч. С. 332.

⁸⁷ Гусарова Т.П. Указ. соч. С. 178.

⁸⁸ Там же. С. 179.

в течение длительного периода, в основном, не выходила за границы Большой Кабарды. Согласно российским источникам даже к началу 1830-х гг. массив кабардинского населения в Закубанье в целом продолжал локализоваться в рамках исторических границ Кабарды несмотря на давление с востока (Зеленчукская укрепленная линия) и возможность дальнейшей миграции западнее бассейна р. Уруп⁸⁹. Качественные изменения эта ситуация начала претерпевать лишь в начале 1840-х гг. с началом эффективного функционирования Лабинской линии.

Представляется оправданным полагать, что такая устойчивая позиция иллюстрирует стремление хаджретского социума отстаивать свою независимость в максимально полном объеме. Вместе с тем следует указать, что значительная часть закубанских кабардинцев уже в первое десятилетие XIX в., и, особенно, со времени наиболее массовой эвакуации в 1822 г. оказывалась на территориях других черкесских политий. В особенности это касается Бесленевского, Махосhevского княжеств и Абадзехии. При этом совершенно очевидно, что мигранты пользовались здесь правом экстерриториальности. Находившийся в течение двух лет в плену у хаджретов Ф.Ф. Торнау так описывал эту ситуацию: «Кабардинские абреки находились в чужой стороне, занимая земли уступленные им абадзехами, среди которых они составляли отдельные общества, управляемые по их собственным обычаям»⁹⁰. В свете столь очевидно высокого уровня самоорганизации несколько удивляет относительно поздняя фиксация в российских источниках результатов целенаправленного институционального обустройства хаджретского социума. «Народное собрание кабардинцев на р. Марухе 1846 года. Беглые кабардинцы учредили у себя народный суд. Главным деятелем и языком народа был здесь Хаджи-Трам», – сообщает источник⁹¹. В данном тексте предлагается и более подробная информация о структуре этого учреждения. Об этом говорится следующее: «В марте месяца 1846 года беглые кабардинцы учредили также мегкеме и избрали себе кадия, валя и наиба. Целью устройства мелгеме (так в тексте. – Т.А.) положили они – «возстановление падающей веры, уничтожение воровства, разбоя, измены, обмана и зависти»⁹².

Не вдаваясь в детали структуры и механизма функционирования «мегкеме», а также условий его возникновения именно в указанной

⁸⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 242. Л. 6.

⁹⁰ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 296.

⁹¹ Сталь К.Ф. Указ. соч. С. 156–157.

⁹² Там же. С. 160.

пространственно-временной ситуации представляется существенным, прежде всего, артикулировать эндогенность интенций детерминировавших подобный итог усилий со стороны хаджретов. В контексте компаративного рассмотрения с опытом институционального дизайна мигрантского сообщества у венгров данное обстоятельство имеет существенное значение. В еще большей мере характер созданной закубанскими кабардинцами политической агрегации оттеняет устойчивость хаджретской стратегии относительно принципа оптации. В этом плане примечательно следующее наблюдение: «Народы (с точки зрения современной номенклатуры вернее локально-этнографические группы. – Т.А.) черкесские, живущие за р. Лабою и по берегу Черного моря, признают... турецкаго султана своим халифом, главою религии, и во всех переговорах с нами ссылаются на мнимое покровительство султана... **Беглые кабардинцы, бесленеевцы и абазины не упоминают никогда о покровительстве турецкаго султана; о покровительстве этом толкуют только абадзехи, шапсуги, натухайцы и народы черкесские, живущие на восточном берегу Черного моря (выделено нами. – Т.А.)**»⁹³.

Для основных носителей военного потенциала страны декларации о «покровительстве» со стороны Порты были лишь элементом политики имперского сдерживания и не выходили за рамки «военно-дипломатической» риторики адресованной Петербургу. Об этом можно судить хотя бы по аттрактированному обозначению их позиции в связи с «уступкой» османами черноморского побережья по Адрианопольскому договору 1829 г. Отвергая права султана в стране, черкесы заявляли, «что он не есть и не был их государем никогда, а что он только глава религии»⁹⁴. Показательно, что кабардинцы (вместе с устойчиво находившимися под их влиянием бесленеевцами и вассальными абазинами) реализовывая свою политическую программу под «маской религии» уклонялись от доминирующего тренда в кяхской Черкесии апеллировавшего, по крайней мере, к конфессиональной солидарности с могущественной Портой. Это тем более удивительно, что совокупный военный потенциал акторов Западной Черкесии во много раз превосходил ресурсы хаджретской Кабарды, а вероятность того, что словесные экзерциции по манифестированию своей приверженности османам могло впоследствии быть использовано последними при «потенциальной» (ре)экспансии, уже давно и прочно была очень низкой.

⁹³ Там же. С. 162.

⁹⁴ Там же.

Такой зримый выбор категоричного неприятия каких-либо проявлений внешних источников легитимации со стороны хаджретов обнаруживает, по меньшей мере, высокую самооценку, опирающуюся на укорененном в историческом сознании представлении о своей значимости в регионе так или иначе предполагавшего собственный политический проект. Думается, что предельное напряжение и выбор крайней Альтернативы в условиях столкновения с колоссальной мощью Российской империи не могли быть мотивированы амбициями меньшего порядка. В этом плане не случайно жители побережья на пике своей военной активности все-таки продолжали рассматривать кабардинцев как «главную часть черкесов»⁹⁵.

Ознакомление с историческим опытом индпендистских проектов реализованных в Новое время в Венгрии и Черкесии позволяет обнаружить, что потенциал сравнительного изучения этих ситуаций далеко не исчерпан. За пределами исследовательского фокуса оказался целый спектр позиций с высоким «коэффициентом» компаративности. В частности, за рамками соотносительной перспективы оказались вопросы о детерминированности/случайности, в целом, однопорядковых параметров продолжительности асимметричного конфликта на Дунае и Кавказе (около 40 и 60 лет соответственно). Представляют интерес причины и формы широкого вовлечения в эти процессы иноэтничных элементов (словаков Парциума и абазин Восточного Закубанья). «Контрапостное» рассуждение выстраивается и вокруг всадничества как воплощенного «габитуса» антиимперской Альтернативы в обоих регионах (более выраженного, разумеется, у черкесов). Даже такая частность как ранний возраст вовлечения в Соппротивление будущих лидеров «инсургентов» (Имре Тёкёли и Бесланок Аслангирей) отдельным штрихом дополняет объект исследования, повышая стереометричность его восприятия. Однако, разумеется, прояснение этих и ряда других существенных аспектов рассмотренных феноменов требует приложения дополнительных исследовательских усилий.

⁹⁵ *Бэлл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В 2-х томах. Перевод с английского К.А. Мальбахов. Нальчик, 2007. Т. I. С. 141.

ВТОРИЧНОЕ ЗАКРЕПОЩЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КАБАРДИНЦЕВ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Сословная структура кабардинцев была и остается одной из центральных и актуальных тем в общей проблематике исторической науки о народах Северного Кавказа. Ее разработка дает возможность по-новому осветить ряд проблем социально-политической и экономической истории изучаемого народа в 20–60-е гг. XIX века, так как именно в это время в результате колониальной политики Российской империи в Кабарде значительно сократилась численность населения, здесь была существенно ограничена власть князей, упразднена традиционная система управления, деформированы структура вассалитета и прежнее ее стратификационное устройство. В работе по-новому исследуются социальные трансформации, происходившие в структуре традиционного кабардинского общества после установления в Кабарде колониального режима, подробно анализируется вторичное закрепощение вольноотпущенников, как специфическое явление социальной истории Кабарды во второй четверти XIX века.

Сословие крепостных крестьян и рабов в Кабарде было известно под названием пшитлей. Эту группу кабардинского общества составляли оги, лагунауты. Большая часть этой категории населения в Кабарде в 20–60-е гг. XIX века являлась потомками пленников, захваченных на чужих территориях в ходе военных экспедиций, либо купленных у соседей. Обособленное положение занимали безобрядные холопы – унауты.

Имперские чиновники в официальных документах неоднократно отмечали, что кабардинская аристократия в силу сложившихся веками обстоятельств считала приобретение холопа единственным средством для обеспечения своего существования. Этими мотивами они во многом объясняли и наличие сложной и многоступенчатой иерархической структуры у кабардинцев. Власти считали, что «понятие о возможности безбедной и спокойной жизни, только при условии владения холопами, сделалось в Кабарде не только достоянием высших сословий, но и распространялось по всей народной

массе и выработало исключительное право – право холопа владеть холопом»¹.

В адатах Ф.И. Леонтовича записано, что «каждому чагару дозволяется иметь у себя холопьев, но по народным правам он не может их продать или подарить без согласия на то господина; на других такого же состояния применять ему не воспрещается, однако же, не иначе, как с дозволения своего господина»².

Большая часть крепостных крестьян и рабов в Кабарде в 20–60-е гг. XIX века принадлежала незнатным уоркам и вольноотпущенникам, а не князьям, тлекотлешам и дыжыныго³. В этом отношении трансформация сословной структуры кабардинцев привела к тому, что люди «низших классов и бывшие холопы, выкупившиеся на волю, сделались едва ли не самыми значительными рабовладельцами»⁴.

Категория крепостных крестьян в Кабарде была представлена огами и лагунаутами. Оги традиционно происходили от лаганаутов. Прежде всего дифференциация статуса огов и лагунаутов закрепились различиями в их поземельных правах. Де-юре право пользования землей лагунаутами не было закреплено в нормах обычного права кабардинцев⁵.

Оги получали «такое наименование по собственному распоряжению владельца, за что, однако, сей последний берет с них часть из имущества, обыкновенно это бывало потому, что у владельца оказывалось много лагунаутов и он затруднялся их содержать; тогда он предоставлял некоторым из них звание ога с тем, что они, работая на себя, скоро богатели и не только не требовали чего-либо от господина, но и сами нередко поддерживали его в нужде»⁶. Жена и дочери ога освобождались от работ на своего владельца⁷. согласно нормам кабардинского обычного права, ог, не исполняющий «условных

¹ Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде 1867 г. (собрал и составил Г.А. Кокиев). Нальчик, 1947. С. 76.

² *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 63.

³ Крестьянская реформа... С. 241.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Цит. по: *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев... С. 98.

⁶ Крестьянская реформа... С. 84.

⁷ Там же. С. 85.

обязанностей по отношению к своему господину, мог быть обращен в лагунаута»⁸.

Численность «оброчных» крестьян в Кабарде по «Спискам» 1825 г. составляла 1302 человека мужского пола. В середине 60-х гг. XIX в. в Большой Кабарде их оставалось всего 15 семей. А в Малой Кабарде к этому времени их уже не было⁹.

Феноменальным явлением социальной истории Кабарды второй четверти XIX в. выступал перевод крестьянина из одной сословной категории в другую взамен на освобождение от крепостной зависимости его родственника, причем, когда откупная плата не вносилась.

Самой многочисленной группой закрепощенного крестьянства в Кабарде были лагунауты. Согласно кабардинским адатам, лагунаутами назывались крепостные крестьяне, живущие «во дворе своего хозяина особым двором и семейством, которые обязаны исполнять во всякое время всякие занятия по сельским и хозяйственным работам своего господина с таким, однако, распределением времени и средств, чтобы и себе мог приготовить для пропитания семьи все необходимое»¹⁰.

В середине XIX в. в Кабарде все еще сохранились различия между крепостными крестьянами, принадлежащими князьям и занимающими такое положение в феодальной иерархии дворянских крестьян. А исследования этих явлений легче всего проводить через изучение нарушений тех или иных форм кабардинского обычного права, регулировавших сословные отношения, особенно когда у крепостных менялись хозяева, принадлежащие к разным социальным группам. Например, в 1848 году кабардинская княгиня Кабахан Наурузова жаловалась в Кабардинский временный суд на неповиновение своих «холопов». Это неповиновение выражалось в отказе крепостных выполнять некоторые ее поручения, спрашивать ее позволения при выезде за пределы Линии для продажи леса или на заработки и т.п., и со своей стороны требуют соблюдения «каких-то неизвестных ей порядков».

При этом члены Кабардинского временного суда полагали, что подобное несогласие возникло из-за того, что крепостные попали во владение Кабахан Наурузовой незадолго до конфликта и поэтому не знали ее требований. Принимая решение по этому делу, судьи руководствовались нормой кабардинского обычного права, согласно которой «холопья всех кабардинских князей не подлежат тому обряду, которым

⁸ Там же. С. 84.

⁹ Цит. по: *Кокиев Г.А.* Классовая структура ... С. 208.

¹⁰ Крестьянская реформа... С. 83.

пользуются холопья кабардинских узденей; холопья княжеские должны исполнять все требования своего князя, но и сей последний в таком случае не обременяет их своими налогами»¹¹. В результате было решено «подтвердить холопам неприкосновенное повиновение княгине Наурузовой, а сей последней предложить не употреблять власть свою чрезмерно и не делать трудных налогов, обходиться с ними снисходительно, как и прочие в Кабарде князья»¹². В.К. Гарданов, комментируя материалы этого дела в 1957 году усмотрел, что «такая формулировка открывала неограниченный простор княжескому произволу в эксплуатации крепостных, и если прежде патриархально-натуральное хозяйство ставило естественные преграды эксплуатации князем своих крепостных, то в первой половине XIX в., когда под влиянием развивающегося российского феодализма в Кабарде началось разложение натурального хозяйства, эти преграды все более и более слабели, а традиционные нормы эксплуатации нарушались»¹³.

Согласно древним кабардинским обрядам, владельцам не разрешалось «разбивать семейства лагунаутов, разве тех, кои подверглись большому за важнейшее преступление наказанию, да оные служат до тех пор владельцу своему, когда произойдет от них или кого-либо несогласие, или ссора, или по бедности владелец их может по правам кабардинским продать, не разрозняя семейство»¹⁴. Продавая своего лагунаута, владелец оставлял при себе данное ему ранее имущество.

В этой связи следует отметить, что накануне отмены крепостного права в Кабарде (1867 г.) практически полностью исчезла прослойка «чагарских холопов» (лагунаутов), т.к. в этот период, как было упомянуто ранее, в Большой Кабарде самих огов оставалось 15 семейств, а в Малой Кабарде их вообще уже не было.

Неоднозначно решались вопросы и в отношении беглецов, которые самовольно покидали своих хозяев. Бежавшие за пределы Кабарды крепостные крестьяне, в отличие от своих хозяев, подлежали обязательному возвращению домой.

Для крестьян, получивших вольность во второй четверти XIX в., а также для любого, кто бежал от своих хозяев, вблизи крепости Нальчик по распоряжению генерала Ермолова был выделен земельный участок

¹¹ *Гарданов В.К.* Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX в.). Нальчик, 1956. С. 311.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ ЦГА КБР. Ф. И.-16. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 78.

для их поселения. Это был, так называемый, «остров свободных крестьян» в Кабарде¹⁵. В официальных документах он получил название Вольный аул, в обиходе – Брамтэ¹⁶.

В докладе комиссии по разбору личных и поземельных прав горцев от 2 февраля 1865 года отмечается: «Вольный аул образовался во времена генерала Ермолова из разного рода холопей, освобожденных от рабства правительством за государственную измену тех лиц, которым они принадлежали. Аул этот, водворенный близ укр. Нальчик, в административном отношении подчинен был ведению воинских начальников и, таким образом, выходит из общего управления Кабардою. Вероятно, цель такого распоряжения начальства состояла в оказании защиты вольноаульцам от возможных притеснений их бывших господ»¹⁷.

Образование Вольного аула вблизи Нальчикской крепости мотивировалось необходимостью «ограждения силою от неблагоприятных покушений против них остального населения, смотревшего враждебно на вольноаульцев»¹⁸. По разным сведениям земли, на которых был возведен аул, принадлежали «бежавшим за Кубань узденям Багирзовым»¹⁹, либо также «беглым» узденям Шавапцовым²⁰.

Несмотря на официальное объявление свободы переселенным в Вольный аул кабардинцам, нередко случалось, что некоторые из них «добровольно уплачивали за себя выкуп и только с внесением этого добровольного выкупа считали себя вполне свободными»²¹.

Колониальный режим, введенный в Кабарде с 1822 г., в значительной степени отразился на положении категории кабардинских вольноотпущенников (азатов). Социальные трансформации в этой сфере выражались в удвоении их количественного состава в течение 40 лет, а также их имущественном расслоении.

Общую картину дифференциации крестьянства дополняют процессы «вторичного закрепощения». Сущность этого процесса сводилась к

¹⁵ *Бейтуганов С.Н.* Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993. С. 223.

¹⁶ От барамта (баранга) – древний обычай захвата имущества другого лица в компенсацию, за нанесенный от него в результате преступления ущерб.

¹⁷ ЦГА КБР. Ф. И.-40. Оп. 1. Ед. хр. 4. Т. 2. Л. 157. Цит. по: *Бейтуганов С.Н.* Кабарда и Ермолов... С. 223.

¹⁸ *Крестьянская реформа...* С. 106.

¹⁹ *Бейтуганов С.Н.* Кабарда и Ермолов... С. 222.

²⁰ *Думанов Х.М.* Социальная структура и обычное право кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX в.). Нальчик, 1990. С. 180.

²¹ *Крестьянская реформа...* С. 106.

тому, что обнищавшие азаты попадали под крепостную зависимость к их бывшим владельцам. Интересно, что имперские чиновники и члены кабардинского временного суда видели в этих процессах благоприятное и прогрессивное значение для терявших личную свободу «вольных нищих». В.Х. Кажаров в одной из своих работ приводит цитату из судебного постановления о том, что если обедневший азат Цюка будет возвращен прежнему владельцу, то через это полезен для семейства своего и для общества, чем был бы вольным нищим»²².

Вторичное закрепощение по своим социальным функциям должно было сбалансировать (или прекратить) увеличение численности свободных крестьян и тем самым «упрочить пошатнувшиеся основы феодално-крепостнической эксплуатации»²³. По словам В.Х. Кажарова «в социально-экономической жизни дореформенной Кабарды увеличение числа вольноотпущенников и обратная тому тенденция их вторичного закрепощения являются двумя органически взаимосвязанными процессами, возникшими в результате кризиса в ней традиционного феодализма»²⁴.

Наиболее ярким примером «вторичного закрепощения» является дело Кабардинского временного суда «о закрепощении узденем Бекмурзою Созаевым сына принадлежащего ему холопа Али Таашева, получившего в свое время свободу». Суть этого дела сводится к тому, что в начале 20-х гг. XIX в. в бытность оброчным крестьянином второстепенного узденя Бекмурзы Атласкирова А. Таашев перешел в разряд лагунаутов взамен внесения выкупной платы за предоставление свободы его сыну Ахмету. Спустя некоторое время князь Кучук Джанхотов, чьим вассалом был Б. Атласкиров, лишил последнего прав на обладание семейством лагунаута Таашева и передал его на правах уорктын узденю Бекмурзе Созаеву. Так как, согласно нормам кабардинского обычного права, владельцам не разрешалось разрозненно продавать или дарить семейства обрядных крестьян, то малолетний вольноотпущенный сын Таашева Ахмет тоже входил в состав обозначенного уорктын.

Спустя 20 лет, Созаев начал требовать от Ахмета Таашева исполнения обязанностей лагунаута. Это, в свою очередь, вызвало недовольство

²² Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 80; См. также: Кажаров В.Х. Адыгская вотчина. К проблеме основной социальной единицы адыгского феодального общества. Нальчик, 1993. С. 55.

²³ Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 196.

²⁴ Там же. С. 197.

в семье Таашевых, что впоследствии привело к острым конфликтам. В результате одной из ссор, закончившейся дракой с применением оружия, Созаеву было нанесено несколько ножевых ранений. Члены Кабардинского временного суда, изучая обстоятельства этого дела, «приняли» сторону Созаева, мотивируя это тем, что «этот пример для всех других холопов может служить гибелью владельцев и посрамлением чести их»²⁵. В результате разбирательства было найдено компромиссное решение, согласно которому уздень Созаев должен был отпустить «сына холопа Алия – Ахмета – с взносом ему, Созаеву, откупной суммы сто семьдесят пять рублей серебром сроком на два с половиной месяца, т.е. по 25-е число мая; если же он, Таашев, к означенному сроку не выплатит, то должен оставаться в рабстве»²⁶.

Таким образом, парадокс этой ситуации заключается в том, что Ахмету Таашеву дважды в своей жизни пришлось пройти процедуру освобождения, причем каждый раз это сопровождалось тяжелыми материальными затратами для его семьи. Все это лишний раз доказывает кризис, охвативший все области кабардинского феодального общества, в том числе и основы сословной структуры.

В большинстве случаев, процессы вторичного закрепощения в Кабарде, участвовавшие в 40–50-е гг. XIX в., возникали по причине материальной несостоятельности азатов, а иногда и незнатных дворян. Зачастую, в это время бывшие хозяева использовали каждый удобный случай для возобновления утраченных, пусть даже на законных основаниях, крепостнических отношений. Мотивация для предъявления исков была самой разнообразной, хотя в большинстве своем сводилась к невозможности вольноотпущенников доказать обоснованность приобретения своего статуса. В.К. Гарданов установил, что «такие дела часто рассматривались в Кабардинском временном суде и если у крестьянина не было документов, подтверждающих его свободу, то Кабардинский временный суд признавал такого крестьянина крепостным»²⁷. Этой категории дел соответствует случай, когда 27 марта 1842 г. кабардинец Магомет, житель аула Куденетова, жаловался на Кабардинский временный суд на то, что «его присваивает в холопство уздень Усман Адигеунов, тогда как ему была дана свобода. Члены Кабардинского временного суда, разбирая это дело, определили, что «кабардинец Магомет предоставил документ, удостоверяющий вольность, поэтому

²⁵ Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 91.

²⁶ Там же. С. 93.

²⁷ Там же. С. 35.

Адигеунов не вправе присваивать его»²⁸. Однако чаще случалось, что у отпущенных на волю кабардинцев не оказывалось на руках документов, подтверждающих их свободу, либо привлечение свидетелей, способных дать по этому вопросу клятву, не представлялось возможным. Этим, по словам В.К. Гарданова, широко «пользовались кабардинские крепостники и рабовладельцы, нередко по несколько раз получавшие выкуп с одного и того же человека или возбуждения в суде дела о закрепощении людей, которые десятки лет тому назад получили свободу, а теперь за давностью времени не имели никаких доказательств, свидетелей или документов, подтверждающих их вольность»²⁹.

Интересно разворачивались события в деле о закрепощении вольного кабардинца Огурли Ошнокова. Семья уорков Ошноковых погибла во время эпидемии чумы в Кабарде в начале XIX в. В живых осталась только Хоца Ошнокова, которая впоследствии вышла замуж за беслан-уорка Атажукиной фамилии Хамишха Шагабахова. После этих событий она «отпустила на волю» единственного своего крепостного по имени Огурли с условием внесения последним выкупной платы в размере 150 рублей серебром. Получив свободу, Огурли предпринял несколько попыток создать семью. От третьего брака с девушкой из рода Танашевых, проживавшей в ауле Коголкина, родился сын Джанхот. По истечении некоторого времени дворянин Асланбек Шагабахов, сын Хоцы, после смерти своей матери начал требовать с Огурли Ошнокова вторичного внесения выкупной платы либо стать его крепостным. В результате медиаторского разбирательства по нормам шариата с участием нескольких присяжных свидетелей было принято решение о признании за Ошноковым статуса вольноотпущенника. После этого на рассмотрение медиаторов поступила другая жалоба от Асланбека Шагабахова, в которой он просил взыскать с бывшего крепостного определенной суммы за пользование семейным имуществом своей владелицы, пока она не достигла совершеннолетия. В ходе медиаторского разбирательства аульный эфендий приказал Огурлию очистить себя присягою в невиновности или заплатить шестьдесят рублей серебром»³⁰. О. Ошноков уплатил эту сумму, после чего ему был вручен акт, подтверждающий его статус вольноотпущенника, заверенный подписью аульного эфендия Хамурзы в присутствии четырех свидетелей.

²⁸ Там же. С. 32.

²⁹ Там же. С. 351.

³⁰ Там же. С. 254.

В 1846 году после смерти Огурлия Ошнокова, А. Шагабахов подал иск в Кабардинский временный суд на Джанхота Ошнокова, в котором требовал взыскать с него плату за «предоставление вольности его отцу». В мотивационной части своего заявления А. Шагабахов писал следующее: «Назад тому около 35 лет как холоп Огурли с женою и 5 сыновьями отправились под покровительство валия народа князя Кучука Джанхотова, упросил Его Сиятельство понудить меня выпустить все это семейство с откупом на волю; поэтому, хотя господин Джанхотов приказал мне выполнить его желание, я долго не соглашался, впоследствии видя, что лишаюсь вовсе сказанных холопей, решился дать вольность за 1800 рублей серебром. На уплату ими мне этой суммы назначено было князем Джанхотовым 12 годов с той разницею, чтобы холоп Огурли уплатил через шесть годов 900 рублей серебром, остальные же 900 рублей еще через шесть годов, буде не уплатит всю сумму в течение двенадцати годов, оставаться ему с семейством в моем холопстве, без взыскания с меня всего полученного; но я по настоящее время выкупа не получил, исключая 50 рублей серебром»³¹. Члены кабардинского временного суда отказали А. Шагабахову в удовлетворении его иска. Такое решение было принято потому, что, во-первых, истек срок давности для предъявления подобных претензий; во-вторых, согласно нормам мусульманского права, дети не должны отвечать по обязанностям своего отца, если он после смерти не оставил никакого наследства.

Как видим, рассматриваемый пример еще раз подтверждает наши рассуждения обо всей неосновательности, а порой и абсурдности, предъявляемых исковых заявлений по вопросам вторичного закрепощения.

Несмотря на то, что имперские чиновники и суд, разбирая все эти претензии, оставались на стороне вольноотпущенника, материалы рассматриваемого дела подробно характеризуют вторичное закрепощение в Кабарде во второй четверти XIX века.

Ввиду особой специфики процессы, связанные с вторичным закрепощением у кабардинцев, носили затяжной характер. Во-первых, между первым освобождением и повторным закрепощением иногда проходило не одно десятилетие. Во-вторых, сами судебные тяжбы, возникавшие по этим вопросам, могли длиться несколько лет. Так, например, из материалов дела «о неповиновении семьи Нагоевых узденям Аджиевым» видно, что семья огов, освобожденная за выкуп в 1834 году, была вторично закрепощена в середине 40-х гг. XIX в. В 1846 г. Кабардинский

³¹ Там же. С. 256.

временный суд по этому делу постановил внести семье ответчика еще 1000 рублей серебром в пользу своих бывших хозяев»³².

Помимо обращения в суд кабардинские уорки прибежали и к другим способам «закрепощения» некогда отпущенных на волю крестьян. Например, обращаясь в Кабардинский временный суд с иском об обращении в «чагарство» вдовы узденя Мосеева Амальхужан, князь Бекмурза Докшукин получил отказ. Тогда, пытаясь устранить вдову, Докшукины стали подстрекать дворян Желетежевых к разжиганию кровной вражды на том основании, что в 1834 г. сын Мосеева Пако убил Жалгана Желетежева³³. Единственным способом избежать закрепощения для вдовы Мосеевой в данном случае было обращение в суд.

Все это говорит о дестабилизации межсословных отношений на фоне стремительного расслоения крестьянства у кабардинцев в дореволюционный период.

Таким образом, вторичное закрепощение вольноотпущенников их бывшими владельцами (либо их прямыми наследниками или родственниками по боковой линии) во второй четверти XIX в. было нередким явлением. Не имея документа, подтверждающего вольность («отпускную»), кабардинские азаты находились под постоянной угрозой вторичного закрепощения. Тогда как в исследуемое время акты, выдаваемые крестьянам при освобождении их от крепостной зависимости, уже приобрели устоявшуюся форму.

Нередко за непослушание и неповиновение владельцам крепостным по решению суда назначались телесные наказания и заключение под стражу.

Согласно п. 17 «Наставлений Кабардинскому временному суду», наказание розгами предусматривалось за проступки, не заключающие особой важности». К числу такого рода проступков следующая статья анализируемого документа относила «оскорбление владельцам или узденям от подвластных их холопов, превышающие меру домашнего исправления»³⁴. Однако в быту часто встречались и некоторые отклонения от этого правила. Так, например, крепостной узденя Магомета Абукова Бекир Шануков в 1846 г. был наказан 50 ударами розгами, содержанием на гаупвахте и ссылкой в арестантские роты без разбирательства в Кабардинском временном суде, а

³² Там же. С. 216.

³³ ЦГА КБР. Ф. И.-23. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 41, 41 об.

³⁴ *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 228.

лишь по просьбе его владельца, направленной начальнику Центра Кавказской линии³⁵.

Одним из ярко выраженных показателей кризиса кабардинского феодализма в 20–60 гг. XIX в. выступало интенсивное расслоение крестьянства. Социальная мобильность внизу сословной лестницы привела к увеличению количественного состава одних прослоек на фоне уменьшения других. Естественно, сокращение числа оброчных крестьян, и, как следствие, увеличение вольноотпущенников, не могли не нарушить привычное функционирование системы крепостнических отношений. По мнению В.Х. Кажарова, «присвоение всего имущества крепостного в виде выкупа за его освобождение лишь временно улучшало экономическое положение феодала. Но с предоставлением холопу свободы, из системы феодального хозяйства выпадал главный элемент – непосредственный производитель»³⁶. Для князей и дворян сокращение численности их крепостных явилось невосполнимой потерей, так как пошатнувшаяся система межсословных отношений в это время предполагала несколько иные по своему содержанию взаимоотношения с вольноотпущенниками.

³⁵ Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 132–141.

³⁶ Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 195.

**ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Интеграция Кабарды и Балкарии в политическую и социально-экономическую систему Российской империи сопровождалась трансформацией традиционной культуры. Решающее воздействие на это оказывали принадлежность кабардинцев и балкарцев к исламскому миру и нахождение их в подданстве Российской империи. Результатом этих процессов стало формирование альтернативных направлений народного просвещения и новых форм культуры, основанных на идеях сосуществования традиционализма и модернизации, ориентированной на европейские и мусульманские ценности.

Одной из ключевых задач просвещения в Кабарде и Балкарии в XIX века становится создание национальной письменности. Начало этого процесса было связано с двумя источниками иноязычного влияния. С одной стороны, это исламская культурная традиция, которая вместе с религией принесла также письмо на арабском и тюркских языках. С другой – Россия, которая после своего утверждения на Кавказе занялась систематическим введением в крае элементов европейской цивилизации в ее русском выражении.

Поскольку арабская письменность пришла к кабардинцам и балкарцам раньше, вместе с исламом, она получила распространение в делопроизводстве. Едва ли не каждый сельский мулла обучал детей в примечетских школах¹. Известно, что письмом на основе арабского алфавита пользовались черкесы, служившие в Кавказско-горском полужескадроне в Петербурге².

В 1840-х гг. Ш. Ногмов при помощи ученых Петербургской академии наук П. Шармуа и академика Шегрена предпринял попытки разработать письменность на кабардинском языке, сначала на русской графической основе, а затем на арабской³.

¹ Живая старина. 1991. № 1. С. 57.

² История многовекового содружества. Нальчик, 2007. С. 287–288.

³ *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Т. 1. Нальчик, 1956; Т. 2. Нальчик, 1959.

В начале 1860-х годов К. Атажукин составил кабардинский алфавит на основе кириллицы. Он придерживался мнения, что «алфавит из русских букв облегчит народу изучение русской грамоты и этим ускорит сближение кабардинцев с русскими и их просвещение»⁴. С использованием этого алфавита в 1860-х гг. были выпущены первые книги на кабардинском языке, которые служили основой преподавания на педагогических курсах, организованных К. Атажукиным для подготовки местных учительских кадров.

В конце XIX века другой вариант кабардинского алфавита на русской графической основе был создан П. Тамбиевым совместно с Л. Лопатинским. В начале XX века изданная ими азбука использовалась в преподавании родного языка в сельских школах округа и Нальчикском реальном училище⁵. Однако эти успехи носили ограниченный характер, поскольку создававшаяся письменность использовалась только в практике отдельных учителей и учебных заведений. Наряду с этим, распространению русской графики, как основы кабардинского алфавита, способствовали представители российской академической науки, которые занимались изучением языков и культуры Кавказа, многочисленные публикации фольклорных и этнографических материалов на русском языке и на языке оригинала с переводом на русский, достаточно большое число представителей горской интеллигенции, получивших образование в российских учебных заведениях.

В 1870 году А.-Г. Кешев, размышляя о более подходящей графической основе, отмечал недостатки мусульманского образования. И, тем не менее, он отдавал предпочтение арабской графике, потому что она «пустила между горцами слишком прочные корни». Он писал, что «если посредством письменности на горских языках желают достигнуть первоначального образования массы горцев, то нельзя ни минуты колебаться в выборе между двумя системами письменности, из которых одна имеет за собою все шансы проникнуть в народ без всякого затруднения», имея ввиду «арабско-горскую письменность»⁶.

В августе 1906 г. «уполномоченные от кабардинского народа и горских обществ подали заявление о разрешении выработки кабардинского алфавита на основе арабского языка». В июне 1907 г. по итогам

⁴ Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик, 2002. С. 206–207.

⁵ Паго Тамбиев: к 110-летию со дня рождения / Под ред. Р.Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 230.

⁶ [Кешев А.Г.]. Библиография // Терские ведомости, 1870. № 30.

десятимесячной переписки из Терского областного правления поступил циркуляр, где было сказано, что попечитель Кавказского учебного округа и начальник Терской области не видят препятствий в удовлетворении просьбы⁷. В начале XX века собственные варианты кабардинской азбуки на арабской графической основе создают М. Фанзиев, Б. Пачев, Н. Цагов. Алфавит последнего сыграл видную роль в развитии национальной культуры, получив широкое использование в преподавании в новометодных мусульманских школах Нальчикского округа и национальной издательской деятельности. Усилиями А. Дымова литература на родном языке начинает издаваться отдельными книгами, сначала в типографиях Казани и Темир-Хан-Шуры, а затем и Баксанского просветительского центра (1917–1918 гг.)⁸. После Февральской революции в 1917 году на основе алфавита Н. Цагова стала издаваться газета «Адыгский голос».

Созданием письменности на родном языке занимались многие карачаево-балкарские просветители конца XIX – начала XX века. Первая попытка была предпринята С. Урусбиевым в 1879 году⁹. В 1908 г. И. Урусбиев не успел довести свое начинание до конца в связи с преждевременной смертью¹⁰. Письменность, созданная И. Крымшамхаловым и А. Батчаевым, не получила широкого распространения в связи с невозможностью наладить издательское дело на национальном языке.

В 1908 году в типографии Темир-Хан-Шуры была издана «Книга наставлений» на основе арабского письма¹¹. Значительным достижением стало создание старшим эфенди Тебердинского аула и учителем сельской школы И. Акбаевым первого печатного учебника по родному языку – «Родная речь», вышедшего в 1916 году, а также еще нескольких учебных пособий. Их графической основой стал аджам – национальный алфавит на основе арабицы¹².

⁷ ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 699. Т. 2. Л. 73.

⁸ *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение ... С. 393.

⁹ Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Нальчик, 1996. Т. 2. С. 73.

¹⁰ *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарская публицистика рубежа веков и ее представители // Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Нальчик, 1993. Т. 1. С. 14.

¹¹ *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарская публицистика рубежа веков и ее представители. С. 9.

¹² Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Нальчик, 1996. Т. 2. С. 73–75.

Пути становления национальной письменности во многом отражали сложные процессы развития национального просвещения кабардинцев и балкарцев.

Со времени вхождения Кабарды и Балкарии в социокультурное пространство Российской империи были предприняты меры по организации обучения детей местной знати с целью приобщения их к просвещению и русской культуре, воспитания в них верноподданнических чувств. С этой целью в Нальчике действовали аманатская (20–50-е годы) и Кабардинская дворянская школы (50-е годы XIX в.)¹³.

В 1860 году была открыта Нальчикская горская школа, которая состояла из четырех классов и по статусу приравнивалась к уездному училищу. Выпускники школы могли поступить в 4-й класс российской гимназии, а также получали право работать учителями сельских школ. Горские школы должны были служить проводниками новых понятий и реформ на Кавказе, сближая коренное население с русской культурой. Однако ограниченность программы Горской школы и слабая оснащенность учительскими кадрами во многом были причиной малого числа интеллигенции в Кабарде. После нескольких обращений доверенных сельских обществ с 1880-х гг. только в 1909 г. Нальчикская окружная горская школа была преобразована в Реальное училище¹⁴.

В целом, царская администрация оказывала минимальное содействие протекающим культурным процессам, в частности, просвещению коренного населения, оставляя их заботам местных энтузиастов и финансовому попечению Кабардинской общественной суммы, находившейся в распоряжении сбора доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ. Созданные на общественные средства в 1875 году три начальные школы уже в 1878 г. по решению сбора доверенных прекратили финансироваться и были закрыты в связи с неэффективностью обучения и нехваткой средств¹⁵.

Новый этап в развитии начального образования начался только с конца 1890-х годов. По инициативе сборов доверенных деятельность сельских школ была возобновлена. К 1902 году министерские школы действовали уже в 25 кабардинских селениях¹⁶. Однако в них многие

¹³ *Саблиров М.З.* Кабардинская дворянская школа // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2003. № 4.

¹⁴ Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX – начале XX вв. Сб. документов / Сост. М.З. Саблиров. Нальчик, 2001. С. 217.

¹⁵ Там же. С. 94–100.

¹⁶ *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение ... С. 358.

представители местного населения находило больше недостатков, чем достоинств. В начале XX века министерские школы рассматривались как средство «...обрусить и охристианить питомцев...», что, разумеется, только усиливало неприязнь к ним¹⁷. С критикой сельских школ выступали и представители светской интеллигенции. Размышляя о причинах «бесполезности» этого вида образования, П. Коцев подчеркивал «совершенное несоответствие и неприспособленность начальной школы к местным условиям». Более предпочтительной основой начального обучения он считал «преподавание предметов на родном языке с постепенным переходом к изучению на русском»¹⁸. В 1907 г. сбор доверенных ходатайствовал о закрытии сельских школ и замене их четырьмя участковыми¹⁹. Один из «депутатов кабардинского общества», подпоручик Темирбулат Анзоров особым мнением не поддержал эту идею, предложив уделить больше внимания материальному обеспечению школ, подготовке национальных учительских кадров и общественному контролю за их деятельностью, поручив его авторитетному и опытному педагогу И. Кармову²⁰. Попытки начальника округа С. Клишбиева директивной политикой популяризировать русскоязычное обучение²¹ не дали положительных результатов. Несмотря на то, что школы упразднены не были, переменить к ним отношение так и не удалось. Тем не менее, вплоть до 1910-х годов все попытки ввести обучение на родном языке не удавались.

Отличительной чертой пореформенного периода стало увеличение численности кабардинцев и балкарцев, знающих русскую грамоту²². Однако их уровень владения языком, освоенный в одноклассных школах, был не высок, поэтому количество знающих русских язык можно рассматривать как признак медленной адаптации кабардинцев и балкарцев к пореформенной социокультурной ситуации, в которой вся официальная сторона их общественного быта оформлялась на русском языке. В этом же направлении с Шоры Ногмова, преподававшего в аманатской

¹⁷ *Сухов С.* Избранное. Нальчик, 1997. С. 296.

¹⁸ *Коцев П.* Народное образование в Кабарде // *Адыгская публицистика конца XIX – начала XX века (Избранное)* / Сост. Р.Х. Хашхожева. Нальчик, 2005. С. 175–177.

¹⁹ ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 723. Т. 1. Л. 6.

²⁰ ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 723. Т. 2. Л. 160–161.

²¹ ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 858. Л. 34–35.

²² *Посемейные списки населенных пунктов Нальчикского округа. 1886. Т. 2.* Нальчик. С. 459–468.

школе, и К. Атажукина, который в 1866 году открыл педагогические курсы для подготовки сельских учителей, начинается формирование светской учительской интеллигенции. В конце XIX – начале XX века ее видными представителями были И. Кармов, Т. Кашежев, Х.-М.Б. Тавкешев, З.-Г. Керефов, К. Кудашев, Б. Хуранов, И.А. Урусбиев, А. Джабоев.

Если в официальной сфере прочно установилось господство русского письменного языка, то в неформальной сфере сохранялось значительное влияние арабской грамоты. По данным 1886 года среди грамотных жителей многих селений преобладали лица, знающие арабский язык²³, на котором по-прежнему оформлялись отдельные судебные решения, большинство брачных договоров, завещаний и т.п. Это объяснялось сохранением значительной роли мусульманского образования в деле народного просвещения.

Интерес к духовному образованию в Кабарде резко возрос еще в конце XVIII века. В 1841 г. Ш. Ногмов, как секретарь Кабардинского временного суда в рапорте начальнику Центра Кавказской линии писал, что «назад тому более 60 лет, после принятия магометанской веры, некоторые кабардинцы начали заниматься науками на арабском диалекте и по магометанскому обряду устроили для моления мечети и при оных [медресе], т.е. общественные особые сакли для обучения арабскому языку малолетних детей: княжеских, узденских и прочих, желающих читать и писать»²⁴. До конца XIX в. школы при сельских мечетях оставались наиболее доступной формой начального образования в Нальчикском округе. В середине XIX века, по словам К. Атажукина, несмотря на низкий уровень получаемого образования, «... каждый кабардинец поставляет в обязанность себе отдать сына своего в медресе на учение, почему аульный мулла никогда не имеет недостатка в учениках»²⁵. Появление сельских школ общероссийского типа создало конкурентную среду в сфере начального образования.

В этих условиях позицию интеллигенции в процессах взаимодействия традиционной и российской культуры точно выразил адыгский просветитель С. Сиюхов: «...народ желает воспринять от русской культуры... все хорошее, полезное, нужное, практически ценное и

²³ Посемейные списки... Т. 2. С. 459–468.

²⁴ Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX – начале XX века. Сборник архивных документов / Сост. М.З. Саблиров. Нальчик, 2001. С. 19.

²⁵ *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение... С. 388.

сохранить строго религиозную и национальную физиономию»²⁶. Реализация этой программы стала возможна только в рамках новометодного исламского просвещения начала XX века. Оно проявилось в качестве активной субкультуры, достигло ведущих позиций в просветительском движении и оказало ощутимое влияние на формирование мировоззрения немногочисленной еще национальной интеллигенции. В его рамках наглядно проявились возможности органичного взаимодействия традиционной культуры с исламской цивилизацией.

Просветительские тенденции этого направления в Кабарде и Балкарии, также как и в других мусульманских районах Северного Кавказа²⁷, развивались в русле новометодного исламского просвещения («Усуль ал-джадид» (от арабского «джадид» – новый)), сложившегося на рубеже XIX–XX веков. Его основоположником был Исмаил-бей Гаспринский, который выдвинул идею сочетания светских и религиозных предметов и перевода обучения с арабского на родной язык на арабской графической основе²⁸. У мусульманских народов Поволжья и Крыма джадидизм значительно расширил сферу, в которой он добивался обновления, охватил художественную литературу, искусство и культуру в целом, и даже быт, семейные отношения и т. д.²⁹ «Стратегической целью джадидов... было приобщение мусульман к достижениям передовой европейской науки и культуры, средством ее достижения – создание «новометодных школ», в которых молодое поколение мусульман могло получать соответствующее, пригодное для восприятия новаций образование»³⁰.

²⁶ Там же. С. 342.

²⁷ *Мамедов С.М.* Становление и развитие народного просвещения в дореволюционном Дагестане. Дисс. ... канд. пед. наук. Махачкала, 1998. С. 62–69; *Бузаров А.К.* Отклики джадидизма на Северном Кавказе и генезис черкесской новометодной школы // Информационно-аналитический вестник АРИГИ. История, этнология, археология. Майкоп, 2002. С. 302.

²⁸ *Беннигсен А.И.* Гаспринский (Гаспдали) и возникновение джадидизма в России // Этнографическое обозрение. 1992. № 6; *Исхаков Д.М.* Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань, 1997; См. также. *Жестовская Ф.И.* Джадидизм в отечественной историографии//<http://www.tisbi.ru/science/vestnik/2003/issue1/Kult4.php>

²⁹ См.: *Юлдашбаев Б.Х.* История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). Уфа, 1972. С. 263.

³⁰ Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России: Сб. статей / Под. ред. А.Б. Юнусовой и А.В. Малашенко; Моск. Центр Карнеги. М., 1998. С. 11–12.

В 1910-х годах в Нальчикском округе создаются новометодные медресе, где наряду с религиозными преподавали общеобразовательные дисциплины. В составе учащихся были представлены широкие слои кабардинского и балкарского общества. Крупнейшее из медресе действовало в сел. Кучмазукино (ныне г. Баксан) под руководством Н. Цагова и А. Дымова. В большинстве селений действовали медресе, где обучались не только мальчики, но и девочки, привлекая учеников из светских министерских школ. В 1915 году учитель М.Г. Варлыгин из сел. Атажукино II писал начальнику Нальчикского округа: «Обучение в медресе началось, как видно, с большим рвением, так как привлекаются туда дети из наших школ... самые знатные люди оторвали своих детей из русских школ и послали изучать арабскую грамоту»³¹.

Царское правительство³² и Кавказская администрация³³ настойчиво относились к новометодному образованию. Несмотря на это, начальник Нальчикского округа С. Клишбиев, по крайней мере, не препятствовал становлению в Кабарде и Балкарии системы новометодного мусульманского образования. Последнее являлось одним из свидетельств поступательной интеграции кабардинского общества в социокультурное пространство «российского мусульманства», феномен которого сложился в значительной мере под влиянием идей джадидизма.

Наряду с доминировавшим прежде российским влиянием, мусульманско-реформаторское просветительство становится важным стимулятором культурных процессов в Нальчикском округе. Новометодное мусульманское образование оказалось в большей степени соответствующим традиции и потребностям социокультурного развития кабардинцев и балкарцев в рамках Российской империи, нежели образование, получаемое в начальных школах общероссийского типа, базирующихся на изучении русского языка. Однако в наибольшей степени, но на непродолжительное время, оно получило развитие уже после Февральской революции, когда сложились новые социально-политические условия.

Важнейшим результатом включения кабардинцев и балкарцев в культурное поле России стала возможность получения среднего и высшего образования и приобщения к русско-европейским и мировым культурным достижениям.

³¹ *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение... С. 374.

³² Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006. С. 470–475.

³³ Адыгская энциклопедия. М., 2006. С. 610.

Среднее образование получали в Ставропольской (А.-Г. Кешев, К. Атажукин) и Владикавказской гимназиях (М. Абаев), Закавказской горькой учительской семинарии (П. Тамбиев, С. Клишбиев, А. Джабоев). Высшее образование оставалось доступным в основном представителям кабардинской и балкарской знати. В XIX – начале XX века кабардинцы и балкарцы обучались в Харьковском технологическом институте (Т. Блаев, М. Муллаев и Т. Шакманов); в Санкт-Петербургском университете (М. Абуков, Г. Сохов, Х. Чежоков, П. Коцев), в Санкт-Петербургском политехническом институте (И. Алтудоков, М. Паштов, Л. Хуранов), в Киевском университете (М. Кудалиев, А. Кармов, И. Шаков, Б. Шогенов), в Московском университете (Д. Кодзоков, К. Жогишев, В. Кудашев и М.-Г. Шипшев)³⁴, Петербургском институте инженеров путей сообщения (Б. Шарданов) и др.

Мусульманское образование в Дагестане, Крыму и Поволжье, а при особо благоприятных условиях – и в религиозных центрах мусульманского зарубежья получили А. и Г. Дымовы, Н. Цагов, М. Гугов, И. Тлигуров, А. Тамбиев, И. Купов, Т. Губашиев, Х. Хаконов³⁵, Л. Асанов³⁶, И. Эфендиев, С. Чабдаров, А. Энеев, Д. Шаваев и др.³⁷ В 1916 – 1917 гг. в школе «Усул-Джедит-мектебе», основанной в Бахчисарае И. Гаспринским, учился основоположник кабардинской литературы А. Шогенцуков³⁸. Учеником этой же школы был один из основоположников карачаево-балкарской филологии и педагогики Исмаил Акбаев³⁹, просветители и общественные деятели У. Алиев, С. Шахмурзаев.

Привлечение к службе в военной и гражданской администрации выходцев из привилегированных сословий способствовало формированию национальной, разносторонне образованной интеллигенции и бюрократии. Ее представители к началу XX века стали играть ведущую роль в

³⁴ *Саблиров М.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XX – начале XX вв. Нальчик, 2001. С. 125–126.

³⁵ Живая старина. № 2. 1992. С. 124; *Кумыков Т.Х.* Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик, 1996. С. 270.

³⁶ *Биттирова Т.Ш.* Из истории религиозного просвещения в Балкарии и Карачае. С. 110.

³⁷ *Биттирова Т.Ш.* Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев. Карачаевск, 1999.

³⁸ *Шогенцуков А.* Страницы биографии / Предисл., составл. и комментарии М.К. Шаковой. Нальчик, 1994. С. 5.

³⁹ *Биттирова Т.Ш.* Из истории религиозного просвещения в Балкарии и Карачае. С. 111.

общественной и духовной жизни своего народа, принимая активное участие в деятельности региональных просветительских организаций. «Таким образом налаживался диалог местных этносоциальных общностей со светскими формами российской культуры»⁴⁰. В Кабарде и Балкарии появились профессиональные юристы, инженеры, медики и педагоги, которые вывели культуру кабардинцев и балкарцев на новый уровень, аккумулируя в ней этнические и религиозные традиции, в сочетании с культурными заимствованиями.

Все это способствовало формированию слоя региональной интеллигенции, включавшей образованную часть привилегированных сословий и средних слоев горского общества и русского населения края. Она выступала движущей силой национального просветительства, осуществлявшегося через работу в сфере образования и различные формы пропаганды просветительских идей, представляла интересы народа в органах администрации, правосудия и общественного самоуправления, развивала национальную полиграфию и журналистику.

Развитие сельских форм начального образования, более активное обучение в региональных учебных заведениях способствовали появлению в сельских обществах Кабарды и Балкарии небольшого, но достаточно влиятельного слоя сельской интеллигенции, преимущественно состоявшей из мусульманского духовенства, а также грамотных должностных лиц сельского правления и преподавателей министерских школ. Возникновение в 1910-х годах новометодного просвещения сделало образование национальным и общедоступным не только для представителей привилегированных сословий, но и для выходцев из крестьянской среды. В начале XX века к образованию приобщается и женское население.

Повышение уровня образованности кабардинцев и балкарцев (прежде всего среднего и высшего уровня) в существенной степени обеспечивалось благодаря обучению за пределами Нальчикского округа. В содействии просвещению наиболее талантливых кабардинцев и балкарцев большое значение имел Съезд доверенных и находившаяся в его ведении Кабардинская общественная сумма, за счет которой финансировалось обучение и выплачивались стипендии обучающимся в Нальчикской горской школе⁴¹ и за пределами Нальчикского округа⁴². Еще в начале 1870-х гг. выдавались ежегодные пособия в сумме 300 руб.

⁴⁰ *Боров А.Х.* Северный Кавказ... С. 25.

⁴¹ *Кумыков Т.Х.* Культура, общественно-политическая... С. 215–216.

⁴² Там же. С. 381–383.

для обучения Фузы Шакмановой в «заведении св. Нины» в Тифлисе⁴³. В ноябре 1889 г. в ознаменование «высочайшего пожалования» кабардинцам и горцам Зольских и Нагорных пастбищ из кабардинской общественной суммы были учреждены следующие ежегодные расходы: «на содержание проектируемого училища в память дарования кабардинцам запасных земель – 6100 р., на четыре стипендии в средних и высших училищах имени Их Величеств – 1200 р., на стипендию имени кн. Дондукова-Корсакова – 450 р.; на стипендию – имени гр. Лорис-Меликова – 450 р.»⁴⁴

Видную организационную и финансовую роль сыграли общественно-просветительские благотворительные организации Терской области⁴⁵ и «Общество распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа»⁴⁶, созданное в 1907 году. Весомой поддержкой в деле новометодного просвещения являлись связи Баксанского центра со своими единомышленниками в Дагестане, Поволжье и адыгской диаспорой в Турции⁴⁷.

В начале XX века процессы обновления, прогрессивные тенденции и веяния в духе джадидизма объединили мусульманских реформаторов-просветителей из числа «нового духовенства» и представителей светской интеллигенции, которым были близки идеи национального возрождения⁴⁸. Баксанские просветители представляли собой подлинно народную интеллигенцию, возникшую на местной почве и выражавшую глубинные потребности этноса в сохранении своей идентичности. Баксанские просветители видели смысл просвещения в синтезе традиционной культуры с исламской цивилизацией. Оценивая деятельность этой части кабардинской интеллигенции,

⁴³ ЦГА КБР. Ф.51. Оп.1. Д.7. Л.50.

⁴⁴ *Максимов Е., Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Вып. 1. Осетины, ингуши, кабардинцы. Владикавказ, 1892. С. 163.

⁴⁵ История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. М., 1967. С. 421–422; *Туаева Б.В.* Роль общественной благотворительности в развитии народного образования в городах Северного Кавказа (конец XIX – начало XX в.) // Бюллетень Владикавказского Института управления (выпуск № 11, 12. 2004).

⁴⁶ Учредителями этого общества были действующий начальник округа В.А. Тизенгаузен, будущий начальник Нальчикского округа С.К. Клишбиев, И.М. Кармов, М.-Г. Шипшев, И.И. Мулаев, Б.Б. Шарданов и др.

⁴⁷ *Налоев З.М.* Из истории Баксанской учительской семинарии // Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик, 1985. С. 177–180.

⁴⁸ Адыгская энциклопедия. М., 2006. С. 607.

С. Сиюхов отмечал, что благодаря её заботам кабардинцы, «нисколько не утратив своей самобытности, далеко ушли по пути экономического и культурного развития среди других мусульманских народов России»⁴⁹.

К сожалению, значительная часть деятелей Баксанского просветительского движения, как и многие из представителей светской и духовной интеллигенции, сформировавшейся до 1917 года, с приходом к власти большевиков оказались вынуждены покинуть Россию или были репрессированы Советской властью⁵⁰.

С окончательным включением Кабарды и Балкарии в состав российского государства основной проблемой общественной мысли становится выработка условий органичной интеграции кабардинцев и балкарцев в новую социокультурную систему. В этой связи характерным выражением общественной мысли становятся коллективные и индивидуальные обращения к представителям царской администрации, в которых содержался перечень вопросов, актуальных в изменяющихся условиях жизнедеятельности традиционных обществ. Авторами проектов были офицеры и чиновники из коренных жителей.

У истоков этой традиции стоял Измаил-Бей Атажукин⁵¹, который сформулировал просветительское понимание условий интеграции. В его «Записках...» и прошениях, обращенных к представителям высшей власти в Российской империи, проявилось «патриотическое стремление облегчить положение кабардинского общества в условиях надвигающейся колонизации и достижение этого мирными средствами»⁵².

В замечаниях С. Хан-Гирея «о мерах и средствах для приведения черкесского народа в гражданственное состояние кроткими мерами с возможным избеганием кровопролития» с пониманием особенностей общественно-политического строя «аристократических» и «демократических» адыгов представлены возможные меры по их «мирному включению» в состав Российской империи в составе специально образованных «махематств», действующих под контролем царской военной администрации⁵³.

⁴⁹ Цит. по: *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии... С. 47.

⁵⁰ См.: *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение ... С. 395–396; *Адыгская энциклопедия.* М., 2006. С. 612–613.

⁵¹ *Туганов Р.У.* Измаил-бей. Нальчик, 1972. С. 66–67.

⁵² *Дзамихов К.Ф.* Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 2008. С. 58–63.

⁵³ *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 306–318.

В 1829 году кабардинский князь на русской военной службе генерал-майор князь Тембот (Ф.А.) Бекович-Черкасский представил проект, в котором предложил комплекс мер по стабилизации общественно-экономической ситуации в Кабарде. Они включали: размежевание феодальных владений и наделение крестьян земельными участками, осуществление переписи зависимых сословий, упорядочивание феодальных повинностей, расширение состава и компетенции Кабардинского временного суда и основание около крепости Нальчик города⁵⁴. В рапорте гр. Паскевичу он писал: «... представляется величайшею пользою для возведения их [кабардинцев] на степень благородного образования основать город около Нальчикской крепости как пункт, составляющий средоточие всей Кабарды»⁵⁵. Основной смысл проекта сводился к тому, что город должен стать экономическим, политическим и культурно-просветительским центром, в котором, встретившись с более развитыми формами общественной жизни, княжеско-дворянская молодежь встанет на путь «перевоспитания», перестанет предаваться «сумбурной» и «разбойной» жизни, усвоит лояльность российской власти⁵⁶.

Детальный и просветительски настроенный проект Ф. Бековича-Черкасского представлял собой утопический план интеграции кабардинского общества в административно-судебное и социально-экономическое пространство Российской империи. В нем предлагались меры по конструированию новых идентичностей кабардинцев, как добропорядочных подданных, через приобщение их к оседлому образу жизни, комфорту и роскоши, стимулирующей престижное потребление. Также проект Бековича-Черкасского предполагал обеспечение в городе необходимых условий для сохранения и воспроизводства исламской идентичности кабардинцев.

Традиционализм проекта проявлялся в предложении организовать в городе деятельность уже исключенного из практики управления Кабардой духовного суда – мехкеме и интегрировать кабардинцев в конфессиональное пространство лояльных российских мусульман, «вызвав» в город «на первый раз до двух сот семейств из татар казанских и астраханских, равно в Кавказской области обитающих, охотно

⁵⁴ Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис (далее – АКАК). 1878. Т. VII. С. 871–872.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Айларова С.А.* Об одном урбанистическом проекте Ф.А. Бековича-Черкасского // Известия СОИГСИ. Вып. 3 (42). Владикавказ, 2009. С. 104.

на сие согласных»⁵⁷. Таким образом, культуртрегерские задачи городского проекта виделись Ф. Бековичу-Черкасскому в стимулировании подражательных стратегий через восприятие опыта адаптации других мусульманских народов к имперским условиям.

Проект Ф. Бековича-Черкасского остался достоянием только лишь административной переписки. Тем не менее, некоторые интеграционные стратегии, предложенные в нем, были реализованы по мере развития Нальчика, как административного центра Кабарды.

Просветительские взгляды на перспективы самосохранения кабардинцев в новых социально-политических условиях высказывались в «Истории адыгейского народа» Ш. Ногмова⁵⁸. В административной практике конкурировали взгляды членов Кабардинского временного суда Я. Шарданова и У. Шеретлокова на перспективы развития Кабарды в рамках российской государственной системы⁵⁹. Их полемика о роли шариата в общественной жизни во многом продемонстрировала сохранявшийся раскол в кабардинском обществе, наглядно проявившийся на фоне очередной активизации Кавказской войны в 30–40-х гг. XIX в.

Коллективные прошения как форма диалога с царской администрацией сопровождали едва ли не каждое ее нововведение и первоначально содержали просьбы о сохранении и даже восстановлении традиционных условий жизнедеятельности в поземельных, судебных, межсословных, религиозных и др. отношениях. В частности, это были обращения в связи с земельной реформой и отменой крепостного права, просьбы о предоставлении прав российского дворянства привилегированным кабардинцам и балкарцам и т.п.

С осуществлением реформ в 60–70-х годах XIX века проекты приобретают более конкретный характер и ориентируются уже на оптимизацию различных сторон хозяйственного и общественного быта. В документах Терской сословно-поземельной комиссии Д. Кодзочковым⁶⁰ предлагались проекты улучшения земледелия и скотоводства.

⁵⁷ АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 871.

⁵⁸ *Кажаров В.Х.* Альтернативы общественной мысли кабардинцев в первой половине XIX в. // ИВ КБИГИ. Нальчик, 2006. Вып. 4. С. 500–511; *Он же.* «История адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова и катастрофы его времени // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 2. С. 326–345.

⁵⁹ *Мукожеев А.Х.* Народный эфенди Умар Шеретлоков // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 1. С. 354.

⁶⁰ *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение... С. 181–181.

В историческом очерке М. Абаева⁶¹ и «Возражениях землевладельцев пяти горских обществ Нальчикского округа Терской области на проекты разрешения земельного вопроса», составленных юрисконсультom Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ Б. Шахановым⁶² обосновывалась необходимость сохранения в Нагорной полосе Нальчикского округа традиционных форм поземельных отношений. Предложения об улучшении судебно-административной организации края высказывали в региональной прессе К. Атажукин⁶³, а в докладной записке заместителю кавказскому графу Воронцову-Дашкову помощник присяжного поверенного М.-Г. Шипшев⁶⁴. Проблему реформирования кабардинского коневодства и пастбищного землепользования поднимал П. Коцев⁶⁵. Содержание этих документов, переданное средствами русского бюрократического языка, превращало преимущественно устные интерпретации проблем общественного развития кабардинцев и балкарцев в делопроизводственные факты, на которые ориентировались региональные власти при осуществлении управления краем.

Большое значение в общественной активности сыграла деятельность народных сборов, преобразованных в 60-е гг. XIX в. в сборы (съезды) доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ. Со второй четверти XIX в. они санкционировали обращения от имени народа к царским властям. С 1890-х гг. XIX в. от наиболее деятельных общественных доверенных исходят инициативы о реформировании поземельных и административно-судебных отношений (Т. Шипшев⁶⁶, М.-Г. Шипшев⁶⁷, Б. Шаханов⁶⁸). Регулярная деятельность сборов доверенных в Нальчикском округе послужила одним из важных аргументов в проектах введения земств на Северном Кавказе, подготовленных Г. Баевым⁶⁹ и М.А. Карауловым⁷⁰.

⁶¹ *Абаев М.К.* Балкария // Мусульманин. 1911. № 14–17.

⁶² *Возражения Абрамовской комиссии // Этюды о Балкарии. Сост. и комм. Т.Ш. Биттирова.* Нальчик, 2007. С. 286–349.

⁶³ *Кумыков Т.Х.* Кази Атажукин. С. 165–172.

⁶⁴ ЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 709. Л. 97–99.

⁶⁵ *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение... С. 329–331.

⁶⁶ *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение... С. 230–231.

⁶⁷ ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 723. Т. 1. Л. 48 об.

⁶⁸ *Шаханов Б.А.* Избранная публицистика. С. 119–121.

⁶⁹ *Караулов М.А.* Земство в Терской области // Терские Ведомости. 1914. № 17.

⁷⁰ *Баев Г.* О введении земского самоуправления в Терской области // Известия СОИГСИ. № 6 (45). 2011. С. 121.

Общественная мысль выходит на новый уровень с возникновением русскоязычной публицистики, в которой нашла отражение разносторонняя социальная активность первых представителей национальной интеллигенции. Они выступали в печати по различным проблемам социально-экономического и культурного развития кабардинцев и балкарцев, да и в целом, народов Северного Кавказа. Проблемной постановкой злободневных вопросов общественной жизни отличалось их художественное творчество. Не имея достаточного контингента читателей из среды носителей родного языка, до 1917 года они преимущественно писали на русском, ориентируясь на региональную и даже общероссийскую аудиторию.

Их творчество протекало в исторических условиях, сложившихся после окончания Кавказской войны. Признавая прогрессивное значение России и русской культуры в судьбах горцев, они, однако, осуждали колониальную политику царизма. От критики социальных противоречий горской действительности отдельные из них поднимались до критики общественно-политического строя в государстве⁷¹. В условиях имперской России представители интеллигенции были зажаты рамками подданнической политической культуры. В 1911 г., выступая на торжествах, приуроченных к закладке нового здания Нальчикского реального училища, юрисконсульт Кабарды и Пяти горских обществ Нальчикского округа Басият Шаханов, говорил: что «Белый царь» Николай II проявляет постоянное внимание к народам округа. «Чувствуя себя спокойно под защитой его твердой власти и только благодаря его просвещенному руководству, продолжал он, мы могли нормально развиваться и духовно и экономически... Не будь его высокого покровительства, мы вследствие своей малочисленности, может быть, давно уже были бы стерты с лица земли окружавшими нас более многочисленными народами. Сознавая это, мы чутко будем прислушиваться к желанию русского царя и не остановимся ни перед какими жертвами, которые окажутся нужны Его Величеству»⁷². Совершенно другая риторика, бродившая в умах национальной интеллигенции, проявилась в условиях, сложившихся после Февральской революции 1917 г. На I горском съезде 1 мая 1917 г. тот же Басият Шаханов, приветствуя революционные перемены, говорил: «Братья горцы! 50 с лишком лет тому назад тяжелый гнет царизма задавил свободу горцев Кавказа... отдание нас на растерзание отбросам русского общества, нахлынувшим жадной стаей на наивных и доверчивых

⁷¹ Адыгская энциклопедия. М., 2006. С. 750.

⁷² Терские ведомости. 24 июля. 1911.

горцев, из которых одних, к счастью ничтожное меньшинство, они развратили и обратили в своих приспешников и сотрудников, а других – озлобили и замкнули в глухом протесте против всего, что имело на себе штемпель русского правительства»⁷³.

В публицистике начала XX века было заметно влияние джадидизма. Ключевую роль в распространении этих идей сыграл издававшийся в Париже журнал «Мусульманин»⁷⁴, с которым сотрудничали П. Коцев и С. Озроков⁷⁵, Б. Хуранов, М. Абаев и др. В их статьях выражалось видение перспектив развития народов в рамках синтеза мусульманской и светской европеизированной культуры в социокультурной системе российского государства. После Февральской революции 1917 года эта традиция получила развитие в деятельности первой газеты на кабардинском языке «Аыгский голос». Ее создатель – А. Дымов по праву считается родоначальником кабардинской национальной журналистики⁷⁶.

Параллельно с литературным и публицистическим творчеством создавались первые обобщающие работы по истории кабардинцев (Ш. Ногмов «История адыгейского народа», В. Кудашев «Исторические сведения о кабардинском народе»⁷⁷, А. Мисостов⁷⁸, Б. Шарданов⁷⁹) и балкарцев (М. Абаев, «Балкария. Исторический очерк»). Сохранению историко-культурных традиций способствовали этнографические очерки и

⁷³ Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басиат Шаханов / Сост. Т.Ш. Биттирова. Нальчик, 2007. С. 347–348.

⁷⁴ *Бессмертная О.Ю.* Русская культура в свете мусульманства: мусульманский журнал на русском языке, 1910–1911 // Одиссей. Человек в истории. РАН. Ин-т всеобщ. истории / Гл. ред. А.Я. Гуревич. М., 1996. С. 268–286; *Бузаров А.К.* Отклики джадидизма на Северном Кавказе и генезис черкесской новометодной школы // Информационно-аналитический вестник АРИГИ. История, этнология, археология. Майкоп, 2002. С. 303.

⁷⁵ Адыгская публицистика конца XIX – начала XX в. / Сост. Р.Х. Хашхожева. Нальчик, 2005.

⁷⁶ *Ошиноква Ф.Ш.* Дымов Адам – педагог, первопечатник и журналист // Вестник КБИГИ. Вып. 10. Нальчик, 2003. С. 288.

⁷⁷ *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991.

⁷⁸ См.: *Жемухов С.Н., Мисостов А.А.*: у истоков адыгской историографии // ИВ КБИГИ. Вып. II. Нальчик, 2005. С. 302–325.

⁷⁹ Работа Б. Шарданова называлась «Черкесы и их прошлое» и отличалась типичной для историографии тех лет идеализацией «Золотого века» адыгского феодального общества. См.: *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение... С. 250–251.

художественные переводы фольклорных материалов Ш. Ногмова, К. Атажукина, А.-Г. Кешева, Т. Кашежева, Н. Урусбиева. Большое значение формированию исторического сознания придавали деятели Баксанского культурного центра. Исторические реконструкции Н. Цагова⁸⁰ содержат много неточностей и зачастую граничат с художественным вымыслом. Тем не менее, впервые национальная история писалась на адыгском языке и была включена через мусульманскую историческую традицию во всемирную историю в качестве ее органической составной части⁸¹.

Особое беспокойство в среде национальной интеллигенции вызывало продолжавшееся в конце XIX – начале XX века переселенческое движение в Турцию. В связи с ростом переселенческих настроений в годы русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов, Д.С. Кодзоков обратился к Кавказской администрации с просьбой «остановить готовящееся бедствие кавказскому племени, проявившимся снова направлением к переселению в Турцию». Переселенческие настроения он считал «вопросом жизни и смерти для Северного Кавказа»⁸². Н. Цагов, предостерегая соотечественников от роковой ошибки, писал: «...Не обманывайтесь и не соблазняйте мнимым благополучием тех, кто уже давно живет в Турции. Они и рады бы вернуться назад, но боятся людской молвы. Эти бедные мучаются всю жизнь, плачут по Родине...»⁸³.

В работах, издававшихся в журналах «Мусульманин» и «В мире мусульманства», «много места отводилось... раскрытию трагедии горцев в Турции»⁸⁴. Балкарский просветитель М. Абаев в 1910 году призывал горскую интеллигенцию, всех тех, «которым дорого благополучие своих племен», работать серьезно над выяснением и устранением причин переселения, ибо недостаточно, по его мнению, сказать: «не переселяйтесь»⁸⁵. С ними были единодушны представители зарубежной адыгской интеллигенции. В начале XX века Д.-Г. Хотокор (Хаджибей) предостерегал своих соотечественников: «...берегитесь, дорогие единоверцы, приезжать в Турцию, там неминуемо ждет вас холодная могила...»

⁸⁰ Цагов Н. Мусульманская история // Адаб баксанского культурного движения / Сост. З.М. Налоев (далее – Адаб...). Нальчик, 1991. С. 175–197; Он же. Адыгская история // Адаб... С. 216–233.

⁸¹ Кажаров В.Х. Исламское просвещение в Кабарде // Адыгская энциклопедия. М., 2006. С. 612.

⁸² Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение... С. 185.

⁸³ Цагов Н. Как мы, адыги, исчезаем // Трагические последствия Кавказской войны. С. 429.

⁸⁴ Хаишхожева Р.Х. Кази-Бек Ахметуков. Жизнь и творчество // Избранные произведения. Нальчик, 1993. С. 38.

⁸⁵ Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение... С. 259–260.

Крепко держитесь за свою родину, и никогда не бросайте ее»⁸⁶. Резко отрицательное отношение к переселению в Османскую империю проявляя в своем поэтическом творчестве основоположники кабардинской и балкарской литературы Б. Пачев и К. Мечиев⁸⁷.

В начале XX века в общественной мысли ставятся вопросы о том, что такое горская интеллигенция⁸⁸, какова ее роль в жизни своих народов и задачи, которые она должна решать в деле просвещения и улучшения материального положения соотечественников⁸⁹, предотвращения новых переселений в Турцию⁹⁰, урегулировании межэтнических противоречий в Терской области»⁹¹ и др. М. Абаев приветствовал реальные успехи активизировавшейся кабардинской и балкарской интеллигенции⁹². Не только в региональной прессе, но и в общероссийской «Мусульманской газете» обсуждались проблемы распространения образования среди кабардинцев и балкарцев. Причем, особые надежды в решении этих вопросов возлагались на возглавившего Нальчикский округ в 1910 г. С. Клишбиева⁹³.

В начале XX века, благодаря деятельности благотворительных и культурно-просветительских обществ, изданию региональной прессы и журнала «Мусульманин» происходит консолидация северокавказской интеллигенции, что являлось частью интеграционных культурных процессов в рамках северокавказских сообществ.

Баксанские просветители до 1917 года не декларировали свои политические взгляды, ограничивая свою деятельность культурно-возрожденческой проблематикой⁹⁴. Отстаивая духовный суверенитет народа, баксанские просветители, без сомнения, учитывали новые реалии, возникшие в ходе вовлечения народов России в процессы модернизации. Более того, они всячески пропагандировали необходимость усвоения

⁸⁶ Цит. по: *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Нальчик, 1991. С. 194.

⁸⁷ *Касумов А.Х.* Разные судьбы. Нальчик, 1967. С. 30–31.

⁸⁸ *Шаханов Б.А.* Избранная публицистика. С. 49–51, 116–119.

⁸⁹ *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение... С. 321.

⁹⁰ Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Нальчик, 1993. Т. 1. С. 171.

⁹¹ *Хаджетлаше М.-Б. (Ахметуков К.).* Наша обязанность перед народом // Адыгская публицистика конца XIX – начала XX века. С. 312.

⁹² *Абаев М.* Кабарда проснулась // Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басиат Шаханов / Сост. Т.Ш. Биттирова. Нальчик, 2007. С. 136–137.

⁹³ *Аджигитов И.* Мусульмане Северного Кавказа. Голос из Кабарды // Мусульманская газета. СПб., 1914. 8 июня. № 16–17.

⁹⁴ *Кажаров В.Х.* Исламское просвещение в Кабарде // Адыгская энциклопедия. М., 2006. С. 611.

достижений современной европейской цивилизации. В значительной степени это осуществлялось через адыгскую (черкесскую) диаспору в русле процессов обновления ислама в Османской империи, причем в лояльной к России форме. Это был своеобразный латентный период идеологического обоснования права народа на самоопределение, когда он через просвещение уяснял для себя свою самооценку и неотъемлемость прав на сохранение своей этнокультурной самобытности. В другом историческом контексте, возникшем после Февральской революции 1917 года, все это послужило основой для достижения определенных форм суверенитета, которые должны были обеспечить реализацию духовных ценностей, идеологически обусловивших основные вехи национально-государственного строительства в Кабарде и Балкарии в 1917–1920 годах.⁹⁵

Вместе с тем, важно отметить, что активизация интеллектуальной деятельности по осмыслению и претворению в жизнь интеграционных возможностей затрагивала очень незначительный слой кабардинского общества. Расширение сферы охвата происходит только на рубеже XIX–XX вв., когда увеличивается количество субсидируемых Кабардинской общественной суммой стипендий для обучения за пределами Нальчикского округа, более широко запускается система начальных сельских школ, налаживается работа Нальчикского реального училища и Баксанского просветительского центра. Существенным толчком к активизации деятельности последнего послужила Февральская революция 1917 г., но лишь непродолжительный период времени. Произошедшее впоследствии развитие революционных процессов и сопутствующих им деструктивных факторов периода Гражданской войны вывели проблемное поле интеллектуальной культуры в совершенно иные социокультурные условия.

Интеллектуальная рефлексия интеграционных процессов, проблем взаимодействия с российской и исламской культурными традициями, оказывала воздействие на гражданскую идентичность представителей кабардинской интеллигенции, приближала их к осознанию себя частью социально-политического и культурного пространства Северного Кавказа и России. Однако, представляя собой межцивилизационную прослойку духовной элиты, они в незначительной степени оказывали влияние на отношение к модернизационным изменениям подавляющего большинства кабардинцев и балкарцев. Их этнокультурная идентичность оставалась преимущественно традиционалистской, с настойчивостью и сопротивлением воспринимавшей социокультурные новации.

⁹⁵ См.: *Кажаров В.Х.* Исламское просвещение в Кабарде. С. 612.

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В XIX В.

История казачеств Северного Кавказа началась в XVI в., однако долгое время его численность была очень небольшой. В XIX в. она значительно увеличилась, появились десятки новых станиц, было образовано Терское казачье войско и определены его границы. В то же время многие вопросы истории казачества этого периода остаются недостаточно изученными, что заставляет вновь обратиться к этой теме.

Основными источниками исследования явились нормативные акты, опубликованные в многотомном издании «*Полное собрание законов Российской империи*». Дополняют содержащиеся в них сведения архивные документы из фондов Военно-исторического архива, архивов РСО-Алании и Ставропольского края, а также материалы, содержащиеся в Актах Кавказской археографической комиссии, в статистических сборниках и в некоторых нарративных источниках.

На рубеже XVIII–XIX вв. проживавшие на Тереке казаки служили в нескольких казачьих «войсках» и полках. В Кизляре размещалось малочисленное терско-кизлярское войско, имевшее сложный этнический состав, в трех станицах рядом с Кизляром – терско-семейное (потомки донских казаков, переселенных Петром I на Кавказ), выше по Тереку в пяти станицах – гребенское войско (известное с XVII в.). Между гребенскими станицами и Моздоком располагались пять станиц Моздокского полка (бывшие волжские казаки, переселенные Екатериной II). Рядом с Моздоком находилась еще одна станица – Луковская (донские казаки). На запад и северо-запад от Моздока тянулась Азово-моздокская Линия, вдоль которой жили казаки Волжского и Хоперского полков, также переведенные туда при Екатерине II.

В первые два десятилетия XIX в. новые станицы на Тереке не появлялись, кроме станицы Стодеревской Моздокского полка. Но, начиная с 20-х гг., быстро увеличивается как количество станиц, так и численность казачества. Это было связано с активизацией военных действий на Кавказе и с деятельностью генерала Ермолова. По его инициативе был создан целый ряд новых станиц. В декабре 1823 г. Александр I утвердил один из важнейших с точки зрения истории терского казаче-

ства документов – «Положение Кабинета министров», согласно которому образовывались новые станицы. В их числе были: станица «при Кислых водах», а также «при посту и речке Есентуке» и «у крепости Константиногорской». В эти станицы переселялись казаки из станицы Ставропольской Хоперского полка и Александровской Волжского полка. Кроме того, 100 семей из станицы Георгиевской переводились к Лысогорскому посту и должны были образовать там новую станицу. Еще одну станицу предполагалось основать в 7 верстах от Бабукова аула. Сам этот аул тоже преобразовывался в станицу, а его «жители Абазинцы и Кабардинцы, живя с 1783 г. на земле георгиевских казаков и не отправляя донине никакой службы и повинности, должны поступить в состав сего полка по примеру собратий их 85 человек, в казаки уже записавшихся»¹.

Согласно этому же «Положению», в состав новообразованного Горского казачьего полка предполагалось включить «две Осетинских деревни, одну на землях станицы Екатериноградской, а другую близ оной в числе 473 душ»². Так появились станицы Чернойрская и Новоосетинская. Кроме того, к Гребенскому войску причислялись «70 душ грузин, более 40 лет водворившихся в станице Новогладковской, но ни в какое состояние неприписанных». Терско-кизлярское войско выселялось из Кизляра в отдельную станицу и к нему присоединялись «окоченские татары» «в числе 351 души, кои прежде принадлежали к Терскому войску, но впоследствии...остались непричисленными ни в какой класс людей, платящих подати». Кроме того, 911 «казенных крестьян» селения Николаевского тоже превращались «по собственному их желанию, в казаки. Равным образом Моздокского уезда село Павлоградское, стесненное между земель казачьих и Осетинских; того же уезда селения Солдатское, Прохладное и Приближное, лежащие в самой границе Линии, и в Кизлярском уезде селение Александрию, в коих живут русские крестьяне, всего 1333 души, причислить к селениям казачьим, и жителей обратить в звание казаков»³.

Под селом «Павлоградским» в этом документе имеется в виду, видимо, Павлодольское, находящееся на Тереке, недалеко от Моздока. В нем жили пензенские дворцовые крестьяне, вологодские крестьяне «коронного ведомства», воронежские однодворцы. Все они тоже превратились

¹ Полное собрание законов Российской империи (Далее – ПСЗРИ). СПб., 1830. Собрание I. Т. 38. С. 1302 (№ 29682).

² Там же.

³ Там же. С. 1303.

в казаков⁴. В состав казачества также вошли экономические крестьяне-«малороссы» (ст. Прохладная), однодворцы (ст. Приближная и Солдатская), потомки отставных солдат (ст. Солдатская)⁵, а также осетины (ст. Черноморская и Новоосетинская), абазиньи кабардинцы (ст. Бабуковская), грузины (ст. Новоладковская), «окоченские татары» (ст. Кизлярская).

В 1829 г. был издан новый указ «О причислении казенных селений Кавказской области: Государственное и Курское, к сформированному Горскому Казачьему полку»⁶. Так появились еще две казачьи станицы. Казаками стали «малороссияне», а также потомки однодворцев и экономических крестьян⁷.

Поскольку государство в годы Кавказской войны было заинтересовано в увеличении численности казачества, то в 1820–30 гг. был принят ряд постановлений, облегчавших поступление в казаки. В 1827 г. было позволено зачислять однодворцев и других «казенных крестьян» в состав казачества Кавказской Линии⁸. В 1828 г. это разрешение подтверждалось⁹.

В 1829 г. были приняты сразу три указа. Первый из них упрощал прием крестьян и однодворцев в казаки¹⁰. Второй предписывал «бродяг здоровых, способных к работе и не старше 35 лет, отсылать на Кавказскую линию, для отдачи в работники к казакам»¹¹. Он же разрешал людей, проживавших в Кавказской губернии «без узаконенных видов» более 2 лет, «способных к казачьей службе, причислить навсегда и с имеющимися при них семействами в казачье сословие Линейных полков»¹².

Согласно третьему постановлению, если бродяги, отданные казакам в работники, окажутся «добропорядочными», то 3 года спустя их тоже можно было зачислять в состав казачества¹³. Государство в годы Кавказской войны было настолько заинтересовано в увеличении чис-

⁴ *Прозрителев Г.Н.* Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. Ставрополь, 1912. С. IV.

⁵ Краевой государственный архив Ставропольского Края. Ф. 235. Оп. 1. Д. 104. Л. 8–9.

⁶ ПСЗРИ-2. Т. 4. С. 127 (№ 2693).

⁷ *Прозрителев Г.Н.* Указ. соч. С. II.

⁸ ПСЗРИ-2. Т. 2. С. 854 (№ 1418).

⁹ Там же. Т. 3. С. 842 (№ 2301).

¹⁰ Там же. Т. 4 С. 692–693 (№ 3205).

¹¹ Там же. С. 109 (№ 2671).

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 110 (2672).

ленности казачества, что добивалось этого всеми возможными способами. Однако у такой крайней меры как зачисление бродяг в казаки нашлись, видимо, влиятельные противники. Уже в 1833 г. людей, не имевших документов и «не помнящих родства», решено было не принимать в казаки, а отдавать в солдаты¹⁴.

В 1831 г. еще раз повторялось разрешение принимать в казаки однопольцев и «казенных крестьян», а также и мещан¹⁵. В 1832 г. было принято «Положение о переселении Малороссийских казаков, однопольцев и прочих казенных поселян для поступления в Кавказские казачьи линейные войска и полки». Согласно этому документу, «для поступления в состав Кавказских казачьих линейных войск и полков, предоставляется переселяться Малороссийским казакам всем вообще, а из однопольцев и прочих казенных поселян только тем, у коих по числу ревизских душ состоит во владении, кроме лесов, менее пяти десятин земли на душу»¹⁶.

В 1832 г. вышел также указ «Об оставлении в казачьем сословии сыновей солдаток, вступивших в браки с казаками»¹⁷ и «О дозволении вольноотпущенным и получившим свободу по решениям судебных мест, записываться в казачьи Линейные войска»¹⁸. Эти постановления также способствовали увеличению численности казачества.

В 1832 г. был принят очень важный документ «Об усилении обороны Кавказской Линии посредством обращения в сословие Линейных казаков жителей некоторых ближайших казенных селений». Всего 32 селения были превращены в станицы, а их жители стали казаками¹⁹. Часть из этих станиц располагалась на Тереке, другая часть – на Кубани. Среди новых станиц были: Саблинская, Александрийская, Верхнеподгорная, Нижнеподгорная, Незлобная. В станицы были превращены также грузинские села Шелкозаводское и Парубачево, а также армянские – Дербентское, Каржалинское и Малахалинское, находившиеся рядом с Кизляром.

В 1834 г. жители «грузинской слободки Сосопло» при Кизляре также подали прошение: «Все без изъятия грузинское наше общество

¹⁴ Там же. Т. 8. Ч. 1. С. 96 (№ 5978).

¹⁵ Там же. Т. 6. Ч. 1. С. 387 (№ 4579).

¹⁶ Там же. Т. 7. С. 640 (№ 5630).

¹⁷ Там же. Т. 8. С. 233 (№ 6149).

¹⁸ Там же. С. 773 (№ 6647).

¹⁹ Там же. Т. 7. С. 883 (№ 5796).

имеет ревностное желание поступить в казачье сословие»²⁰. Их прошение было удовлетворено, они также вошли в состав казачества.

Но некоторые из жителей Кавказа, напротив, стремились избавиться от казачьей службы. В 1840 г. 19 грузинских и армянских семей станицы Парубачевской просили об «исключении их из казачьего сословия»²¹. К этому времени уже были отчислены из казачьего войска армянские общества Дербентское, Каржалинское и Малахалинское, которые очень недолго входили в состав казачества²².

Тем не менее, пополнение казачества за счет других групп продолжалось. Еще в 1819 г. к станице Бороздинской «были приписаны выведенные генералом Ермоловым из гор беглые солдаты, из казанских татар; в 1837 году сделано тоже с пленными тавлинцами генералом Фрезе...»²³.

В 1838 г. решено было основать 4 новые станицы вдоль Военно-Грузинской дороги: «первую на месте Пришибинского укрепления, вторую между Урухом и Минаретом, третью на Ардоне и четвертую на Архоне». В этих станицах предполагалось «поселить Малороссийский казачий №2 полк, переименовав его при начале водворения, согласно Высочайшей воле, во Владикавказский казачий полк»²⁴. Малороссийские казачьи полки были сформированы в 1831 г. в Полтавской и Черниговской губерниях и направлены в Польшу, а затем были переведены на Кавказ.

Между станицами этого полка были построены военные поселения, в которых жили женатые «нижние чины», прослужившие 15 и более лет в Кавказском корпусе²⁵. Такие поселения появились также рядом с Нальчикской и Грозненской крепостями.

В 1842 г. был принят указ: «Присоединить к Владикавказскому полку и военные поселения, на военно-Грузинской дороге водворенные, а именно Владикавказское, Николаевское, Котляревское и

²⁰ Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

²¹ ЦГА РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

²² Там же. Л. 3.

²³ *Бутова Е.* Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее – СМОМПК). Вып. 7. Тифлис, 1889. С. 4.

²⁴ ПСЗРИ-2. Т. 13. Ч. 2. С. 36 (№ 11446).

²⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 13454. Оп. 5. Д. 644. Л. 270 об. – 271.

Александровское, с переименованием военных поселян в казаки»²⁶. Численность казачества вновь увеличилась за счет отставных солдат. В 1849 г. у этой же дороги была основана еще одна станица – Змейская.

В состав терского казачества вошли «малороссийские казаки» и бывшие солдаты Кавказского корпуса. Новые станицы образовали укрепленную Линию вдоль Терека и Военно-Грузинской дороги. Они вклинивались между Большой и Малой Кабардой, разделяя их.

С 1832 г. казаков Кавказской Линии называли Кавказским Линейным казачьим войском, но только в 1845 г. было принято специальное положение об этом войске, которое занимало земли от границ Черноморского казачьего войска (от Усть-Лабинска) до Каспийского моря²⁷. Во главе войска стоял «Войсковой наказный атаман», который «определяется и увольняется Высочайшим приказом и указом Правительствующему Сенату». Он пользовался правами «по части военной – начальника дивизии, а по части гражданской – Гражданского Губернатора»²⁸. Во главе станиц стояли «станичные начальники», которые назначались Войсковым Наказным атаманом по представлению бригадного командира²⁹. Демократические традиции казачества к этому времени были забыты.

В 40–50 гг. в линейные станицы переселили тысячи украинских крестьян из Харьковской, Черниговской, Воронежской губерний. Их разместили и во вновь созданных, и в старых станицах. Вскоре всех переселенцев зачислили в состав казачества.

Во многих станицах эти переселенцы составляли значительную часть населения. Так, в станице в Пришибской их было 356 человек, в Котляревской – 128, в Александровской – 397 человек³⁰.

В станицу Прохладную в 1836 г. «были переселены 4 семейства из Полтавской губернии, а в 1849 г. – из Харьковской губернии 8 семейств в количестве 45 душ мужского и 31 души женского и из Воронежской губернии 34 семейства в количестве 175 душ мужского пола и 145 душ женского, а всего 46 семей в количестве 396 душ обо-его пола. Как прежние жители станицы, так и вновь переселенные были все малороссы»³¹.

²⁶ ПСЗРИ-2. Т. 17. С. 8 (№ 16058); РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 383. Л. 279.

²⁷ Там же. Т. 20. Ч. 1. С. 186 (№ 18739)

²⁸ Там же. С. 201 (18739).

²⁹ Там же. Т. 20. Ч. 1. С. 213 (№ 18739).

³⁰ РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 463. Л. 28 об., 29.

³¹ Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881. (Далее – Статмонографии). С. 419.

В станицу Екатериноградскую в 1834 г. переселили 12 семейств «малороссийских казаков», в 1847 г. – 52 семейства государственных крестьян Харьковской губернии, Сумского уезда, в 1848 г. – 50 семейств той же губернии, Изюмского уезда³².

К станице Георгиевской было приписано в 1836 г. «35 крестьянских семейств, потомков стародавних запорожских казаков из Полтавской и Черниговской губерний; в 1840 г. приписано еще 9 крестьянских семейств из Воронежской губернии, а в 1848 году еще 20 семейств из Полтавской губернии»³³.

Также «в 1848 и 1849 г. водворены в станице Николаевской переселенцы Харьковской губернии – 60 семей, Черниговской – 10, Киевской – 20 и Малороссийских казаков – 40 семей»³⁴.

В станицу Архонскую переселилось из Харьковской губернии 50 семейств и в 1849 году 10 семейств»³⁵.

Население станиц Эссентукской и Кисловодской тоже увеличивалось за счет переселенцев из Полтавской, Харьковской, Воронежской губерний³⁶. «Малороссы» Харьковской губернии вошли в состав почти всех гребенских станиц и станицы Бороздинской³⁷.

В станицу Шелкозаводскую тоже в 1848 г. «было переселено из Харьковской губернии еще 50 семейств Государственных крестьян с зачислением их в казаки»³⁸. Украинские крестьяне значительно пополнили численность терского казачества.

В середине XIX в. по-прежнему принимались указы, призванные способствовать увеличению численности казачества. В 1850 г. – «О дозволении переводить в казачьи войска регулярных нижних чинов для совместной службы с отцами их и братьями»³⁹. В 1851 г. – «О дозволении женатым нижним чинам регулярных войск, на Кавказе расположенных, водворяться в станицах Кавказского линейного казачьего войска, с зачислением в казачье сословие»⁴⁰.

³² *Сосиев А.* Станица Екатериноградская. Историко-статистический очерк // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 6.

³³ *Еловев.* Станица Георгиевская // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 83.

³⁴ Статмонографии... С. 20.

³⁵ Там же. С. 138.

³⁶ Там же. С. 161–162, 213.

³⁷ Там же. С. 236; *Бутова Е.* Указ. соч. С. 4.

³⁸ Статмонографии... С. 321.

³⁹ ПСЗРИ-2. Т. 34. Ч. 1. С. 402–403 (№ 34449).

⁴⁰ Там же. Т. 33. Ч. 1. С. 728 (№ 33280).

В 40 гг. XIX в. началось возведение станиц на Сунженской линии. Начало этой укрепленной линии положил еще генерал Ермолов, при нем на Сунже было построено несколько крепостей, в том числе Грозная, и ряд укреплений. Теперь же появилось несколько новых укреплений, и в 1845 г. на этой Линии были основаны первые пять станиц, куда переселяли казаков из терских, кубанских, донских станиц. В 1850 г. Грозненское военное поселение было превращено в станицу, его жители стали казаками⁴¹. Тогда же жители Нальчикского и Ларского военных поселений тоже были зачислены в казачество и переселены в станицы, а Железноводское военное поселение было причислено ко 2-му Волжскому казачьему полку.

В 1859 году планировалось создать семь новых казачьих станиц на Кавказе и переселить туда казаков и крестьян Северного Кавказа, Дона и внутренних губерний⁴².

В 1860 г. был принят указ об учреждении еще шести станиц⁴³. Среди этих станиц были Умахан-Юртовская, Галашевская, Алкуновская и Датыховская⁴⁴. В том же году, согласно другому указу, была основана также и станица Джалкинская⁴⁵. В том же году было решено «на реке Ассе у Нестеровского поста водворить новую станицу на первое время в 125 семейств, из охотников от 1 Сунженского казачьего полка»⁴⁶. В 1861 г. в Терской области планировалось основать еще 5 новых станиц⁴⁷.

В станице Галашевской поселились отставные солдаты, донские казаки и несколько «пришлых переселенцев из русских губерний». Затем туда же перевели еще 30 семей из станицы Фельдмаршалской⁴⁸.

Первыми жителями станицы Сунженской (Слепцовской) «явились выходцы с гребней р.Терека, из станиц, расположенных по этой реке: Наурской, Ищерской, Галюгаевской и Стодеревской. Одновременно с этим здесь было водворено несколько десятков семейств, пришедших заселять Сунжу с Дона и Кубани»⁴⁹. Первоначально в этой станице

⁴¹ Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 752 (№ 44473).

⁴² Там же. Т. 33. Ч. 2. С. 282 (№ 33641).

⁴³ Там же. Т. 35. Ч. 1. С. 369 (№ 35657).

⁴⁴ Там же. Т. 35. Ч. 1. С. 612 (№ 35833).

⁴⁵ Там же. Т. 35. Ч. 2. С. 201 (№ 36276).

⁴⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

⁴⁷ ПСЗРИ-2. Т. 35. Ч. 2. С. 203–204 (№ 36283).

⁴⁸ Статмонографии... С. 39.

⁴⁹ Семенов П. Станица Слепцовская, Терской области, Владикавказского округа // СМОМПК. В. 5. Тифлис, 1886. С. 172.

жили 258 семей, затем, в 1865 г., при упразднении станицы Датыховской отсюда переселили 41 семью, а в 1869 г. из упраздненной станицы Камбилеевской – 47 семей⁵⁰.

В 1861 г. была основана станица Фельдмаршальская⁵¹. Тогда же началось заселение станицы Аки-Юртовской «частью из Горско-Моздокского полка из линейного Терского казачьего войска, равно из жителей Курской губернии, которые приписались к казачьему сословию»⁵².

Продолжалось пополнение состава казачества в старых станицах. В 1861 г. туда переселили из гор Дагестана группу казанских татар, которые служили когда-то в кавказской армии, а затем попали к Шамилю: «Семейства пленных и беглых солдат, вышедших из гор при покорении восточного Кавказа, исповедующих Магометанскую религию, в Гребенской полк прибыли и водворены на жительство в станицах сего полка Щедринской 18 из Шаро-Аргунских, и Новогладковской 28 Эзель-Амских семей...»⁵³.

За период с 20 по 60 гг. XIX в. появилось больше станиц, чем за предшествующие два с половиной века пребывания казачества на Терреке. В состав казачества были зачислены многие тысячи людей – русских и украинских крестьян, отставных солдат, «малороссийских казаков», а также осетин, грузин, абазин, кабардинцев, татар и др.

На рубеже 50–60 гг. XIX в. произошли два события, которые определили границу между двумя периодами истории терского казачества. Это было окончание войны на северо-восточном Кавказе (1859 г.) и образование Терского казачьего войска.

8 февраля 1860 г. был принят указ «О том, чтобы правое и левое крылья Кавказской линии именовать Кубанскою и Терскою областями, а все пространство к северу от главного хребта Кавказских гор – Северным Кавказом»⁵⁴. Этот указ установил новое административное деление этого региона, что имело далеко идущие последствия, в том числе и для казачества.

19 ноября 1860 г. был принят еще один указ, сыгравший огромную роль в истории Северного Кавказа. Бывшее Черноморское казачье войско стало теперь называться Кубанским, и к нему присоединили «первые шесть бригад Кавказского линейного войска, в полном составе,

⁵⁰ Статмонографии... С. 1.

⁵¹ Там же. С. 75.

⁵² Там же. С. 101.

⁵³ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 57. Л. 7.

⁵⁴ ПСЗРИ-2. Т. 35. Ч. 1. С. 122 (№ 35421).

с землю, которую они доселе пользовались...». Также было предписано «из остальных бригад Кавказского линейного войска, также в полном составе, с землей, всем хозяйством и находящимися в районе их зданиями, образовать особое войско, которому принять название «Терского казачьего»⁵⁵. Таким образом, Кавказское линейное казачье войско было разделено на две части. Одна часть вошла в состав Кубанского казачьего войска, и служившие в нем казаки стали называться кубанскими, вторая превратилась в Терское казачье войско, и казаки этого войска получили наименование терских. Только с этого времени понятия «терский казак» и «кубанский казак» приобрели то значение, которое они чаще всего имеют в работах современных авторов.

Терское войско отделялось от Кубанского военно-административной границей. Она не основывалась на каких-либо этнических или культурных различиях. По обе стороны этой границы жили потомки донских казаков, русских и украинских крестьян, отставных солдат, однодворцев. В состав кубанского казачества входили потомки запорожцев, в состав Терского – «малороссийских казаков». В то же время как Терское, так и Кубанское войско были этнически неоднородными, включая в свой состав группы различного происхождения.

Границу между Кубанским и Терским войском с таким же успехом можно было бы провести и где-нибудь в другом месте. И далеко не все казаки признавали необходимость этой границы, о чем свидетельствует письмо генерал-майора Терского казачьего войска И.И. Сафонова известному историку казачества И.Д. Попко. Как сказано в этом письме, «последовавшее в 1860 г. неожиданное разделение Кавказского линейного казачьего войска вызвало недоумение среди казаков и расстроило их ожидания. Мера эта никого не удовлетворила, не принесла никакой существенной пользы ни казакам, ни правительству; напротив, отсутствие единства управления казаками повело лишь к приостановке их бытового роста, опасного одним врагам России»⁵⁶.

Но времена, когда казаки могли противиться царским указам, остались в прошлом. Разделение казаков Северного Кавказа на терских и кубанских сохранилось. И в XX в. граница, которую провели между ними чиновники, стала восприниматься как граница этническая. Созданные только в 1860 г. Терское и Кубанское казачьи войска некоторые ученые стали называть «этнографическими группами русского народа».

⁵⁵ Там же. Т. 35. Ч. 2. С. 391 (№ 36327).

⁵⁶ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Гребенское войско. Нальчик, 2001. С. 515–516.

В 1861 г., т.е. вскоре после создания Терского казачьего войска, оно включало в свой состав 107057 человек (войскового сословия)⁵⁷. Они были расселены в 77 станицах и 104 хуторах⁵⁸. Кроме того, к Моздокскому полку были причислены 3060 крещеных калмык⁵⁹.

После окончания Кавказской войны дальнейшее пополнение рядов казачества за счет других социальных групп стало ненужным. Если в годы Кавказской войны казаками легко могли стать государственные крестьяне, отставные солдаты, однодворцы, то, начиная с 60-х гг. доступ в казачье сословие был затруднен, хотя при некоторых условиях он был все же возможен.

Казаклом становился тот крестьянин или солдат, который женился на казачке. Причем, это было не только его правом, но и обязанностью. Еще в 1855 г. Военный совет постановил: «Вдовам нижних чинов Кавказского линейного казачьего войска, имеющим в войске прочную оседлость и детей мужеского пола, равно и девицам зажиточных отцов дозволять вступать в браки с посторонними лицами не иначе как с зачислением мужей их в казачье сословие, навсегда с потомством»⁶⁰. Сохранилось немало прошений казачек о разрешении выйти замуж за рядового солдата или унтер-офицера, который готов был стать казаклом⁶¹.

В состав казачества также могли быть приняты «нижние чины» регулярной армии, если у них были родственники-казаки и если в той станице, где они намеревались поселиться, было достаточно свободной земли. Но и при соблюдении всех этих условий прошение о зачислении в казачье сословие должно было пройти через множество инстанций, и окончательное решение принимал царь⁶².

Мог стать казаклом и крестьянин при условии, что он давно проживал на Кавказе, «свыкся с казачьим бытом», имел здесь «прочное хозяйство» и желал поступить в «малолюдный» полк⁶³. Но и в этом случае дело тянулось годами и решение принималось на высшем уровне власти. Один из примеров подобного дела, которое благополучно завершилось: «Государь Император повелеть соизволил: Государственного крестьянина Тамбовской Губернии Мирона Воробьева согласно

⁵⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1030. Л. 200.

⁵⁸ Там же. 205 об.

⁵⁹ Там же. Л. 200 об.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 15. Д. 152. Л. 6–7.

⁶¹ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 38. Л. 2, 5–5 об, 12–12 об, 16, 108–108 об.

⁶² РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 26.

⁶³ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 78. Л. 9.

его желания зачислить с семейством состоящим на рекрутской очереди в Терское казачье войско»⁶⁴.

Новые станицы в этот период возникали значительно реже, чем прежде, и их жителями чаще всего становились казаки существовавших ранее станиц. Например, в 1866 г. хутор Надтеречный (недалеко от Моздока) был преобразован в станицу Терскую. Туда переселялись казаки из станиц Слепцовской, Троицкой, Карабулакской, Михайловской, Ассинской, Магомет-Юртовской, Павлодольской⁶⁵. В 1869 г. в станицу Терскую переселилось 100 казаков из упраздненной станицы Камбилеевской, а в 1884 г. – казаки из станицы Галашевской⁶⁶.

В то же время жители ряда станиц исключались из состава казачества. В октябре 1860 г. был принят указ «О упразднении Бабуковской станицы Кавказского линейного казачьего войска с предоставлением жителям оной из горских выходцев водвориться в Большой Кабарде»⁶⁷. Бабуковцы неоднократно подавали прошения об отчислении их из казачьего войска. Кавказская администрация, в свою очередь, считала их «неблагонадежными». В 1858 г. 15 семей «беглых бабуковских казаков» даже выселили с Кавказа в Тамбовскую губернию⁶⁸. К середине 1861 г. все жители станицы Бабуковской покинули ее. Большая часть из них переселилась в Кабарду, а 45 семей уехали в Турцию⁶⁹. На место станицы Бабуковской перевели казаков станицы Незлобной⁷⁰.

Но отчисляли из казачества не всех желающих. Жители станицы Кизлярской тоже подавало прошение об отчислении из казачьего сословия, но их оставили в составе войска⁷¹. Только в 1869 г. был принят указ, согласно которому, право «совершенного выхода из войскового сословия» предоставлялось «всем вообще мужеского пола лицам войскового сословия, не состоящим в служебном разряде»⁷². То есть только с этого времени отставные офицеры и казаки при желании могли выйти из состава казачества.

⁶⁴ Там же. Л. 26–26 об.

⁶⁵ Там же. Д. 621. Л. 14–34.

⁶⁶ Там же. Д. 801. Л. 49; *Афанасьев М.* Станица Терская, Сунженского отдела, Терской области // СМОМПК. Вып. 16. Тифлис, 1893. С. 101.

⁶⁷ ПСЗРИ-2. Т. 35. Ч. 2. С. 164 (№ 36204).

⁶⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 41. Л. 28–32.

⁶⁹ Там же. Д. 12. Л. 41.

⁷⁰ АКАК. Т. 12. С. 1252.

⁷¹ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 544. Л. 2 об.

⁷² ПСЗРИ-2. Т. 44. Ч. 1. С. 356 (№ 49998).

Происходили изменения и в размещении казачества. «В 1864 г. станица Промежуточная переселена на другое место с наименованием оной Фельдмаршальскою, а бывшая этого последнего имени станица совершенно упразднена, с расселением жителей ее по другим станицам»⁷³. В 1865 г. также была расформирована ст. Датыхская, в 1867 г. – Алкунская, а в 1868–69 г. – Камбилеевская⁷⁴. Эти станицы были неудобно расположены, им не хватало земли.

Станица Горская, в которой, как и в станице Бабуковской, жили казаки-кабардинцы, тоже прекратила свое существование, но ее жители остались казаками: «В 1868 году к Луковской станице присоединена упраздненная «Горская» станица, состоящая из 150 семей туземцев: большею частию черкесов (кабардинцев, принявших православие) и нескольких осетин; но впоследствии почти все эти горцы Луковской станицы переселились постепенно на Эристовский канал и дальше, где и устроили 4 большие хутора дворов в 20–50 каждый; кроме того они разсыпались почти по всей Луковской степи до самой Куры небольшими хуторами в 2–3 двора, между хуторами Моздокских жителей, оставаясь в тоже время казаками Луковской станицы»⁷⁵.

Но если казаки этих станиц остались казаками и расселились по другим станицам и хуторам, то станица Железноводская в 1869 г. «обращалась» в «гражданское состояние» и поступала в состав Ставропольской губернии⁷⁶.

Из состава казачества исключали не только целые станицы, но и отдельных казаков. Так, в 1861 г. ставился вопрос об отчислении из Терского казачьего войска «45 человек холостых нижних чинов... происходящих из малороссийских казаков по старости их лет и одиночеству»⁷⁷. Командование Владикавказского полка хотело исключить их «вовсе из казачьего сословия на что они изъявляют свое согласие с предоставлением права отправиться им на родину, где они имеют родственников, при помощи которых и могут иметь необходимое к жизни...»⁷⁸.

Численность терского казачества в конце XIX в. увеличивалась преимущественно за счет естественного прироста и составляла в 1897 г. 167301 человек, что на 56,3% больше, чем в 1861 г. Материалы

⁷³ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 801. Л. 86.

⁷⁴ Там же. Л. 13–49, 76 об.

⁷⁵ Статмонографии... С. 381.

⁷⁶ ПСЗРИ-2. Т. 44. Ч. 2. С. 416–417 (№ 47849).

⁷⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 135. Л. 1.

⁷⁸ Там же. Л. 6 об.

переписи населения показывают сложный этнический состав терского казачества. Хотя подавляющее большинство терских казаков были русскими («великороссами»), но почти 10% терских казаков говорили на «малорусском» языке, а были также и казаки-осетины, казаки-кабардинцы, казаки-грузины, казаки-татары. Лезгинами тогда называли многие народы Дагестана, под черкесами имеются в виду моздокские кабардинцы.

Таблица 1

Этнический состав терского казачества
(распределение по родному языку)
по материалам переписи населения 1897 г.⁷⁹

№	язык	численность	в % к итогу
1.	великорусский	145508	87,0
2.	малорусский	16329	9,8
3.	осетинский	1511	0,9
4.	лезгинский	1278	0,8
5.	черкесский	1083	0,6
6.	грузинский	557	0,3
7.	татарский	252	0,2
8.	другие	783	0,5
9.	Итого	167301	100

Материалы переписи также доказывают, что разные этнические группы не только принимали участие в формировании терского казачества – об этом писали многие авторы, но эти группы еще в конце XIX в. сохраняли свои языки и особенности культуры.

Но и казаки, у которых родным языком был русский, также имели разное происхождение. Среди них были гребенские казаки, издавна проживавшие на Кавказе, а также потомки донских казаков, переселенных Петром I, волжских и хоперских казаков, переселенных Екатериной II, а также отставных солдат, однодворцев, крестьян, зачисленных

⁷⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. LXVIII. Терская область. СПб., 1905. С. 209–210.

в казаки при генерале Ермолове и позднее. К тому же некоторые из казаков украинского или кавказского происхождения к концу XIX в. уже успели ассимилироваться и забыть родной язык.

Источники показывают, что важнейшую роль в формировании терского казачества в XIX в. играло государство. Именно государство зачислило тысячи людей в состав терского казачества, но оно же могло и отчислить целые станицы из казачьего войска. Оно образовало десятки новых станиц, объединяло отдельные группы казачества и разъединяло их по своему усмотрению.

Формирование терского казачества тесно связано с Кавказской войной. Создание новых казачьих станиц укрепляло военные силы России на Кавказе, увеличивало численность лояльного властям населения, разделяло народы Северного Кавказа, что облегчило их подчинение. Казаки несли своего рода пограничную службу, охраняя свои станицы и расположенные за ними русские крестьянские села, казаки принимали активное участие в военных действиях на Кавказе. Именно по этой причине в годы Кавказской войны численность казачества быстро увеличивалась, появлялись все новые и новые станицы, а после ее окончания дальнейшее пополнение казачества стало ненужным и резко замедлилось.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНОГОРОДНИХ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Изучение проблем социальной истории Терской области второй половины XIX – начала XX в. невозможно без анализа правового положения иногороднего населения. Освещая историю региона, исследователи традиционно сосредотачивают свое внимание на казачестве, зачастую оставляя лиц невойскового сословия вне поля зрения. Не стоит забывать, что иногороднее население сыграло значительную роль в экономических, политических и социокультурных процессах, происходивших в Терской области. Но, если в Кубанской области, и в целом в Предкавказье, роль иногороднего населения изучается системно, то этого нельзя сказать о Терской области. Содержательные и глубокие статьи Н.Н. Великой не снимают всех проблем изучения данного вопроса¹.

Распространение капиталистических отношений в регионе в пореформенный период во многом зависело от темпов переселения русского крестьянства из центральных и южных губерний Российской империи, политики правительства и местной администрации в отношении иногородних, взаимоотношений казаков и невойскового сословия. Эти аспекты мы и попытаемся рассмотреть в данной статье.

Одной из особенностей пореформенной колонизации края было то, что поток переселенцев хлынул в Предкавказье. Это было связано, с одной стороны, со стремлением «освобожденных» крестьян найти лучшие условия для жизни, а, с другой стороны, с желанием государства освоить просторы края, увеличить производство сельскохозяйственной продукции, получить товарную продукцию, которую можно было бы экспортировать за границу. Пытаясь решить эти стратегические во-

¹ *Великая Н.Н.* Казачье и иногороднее население Терка: парадигмы развития (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей.* Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2008. С. 120–129; *Великая Н.Н.* Модернизационные процессы второй половины XIX века и терское казачество // *Модернизационные процессы в истории России XVIII–XX вв.: политика, экономика, культура.* Армавир, 2003. С. 118–127. URL: http://www.cossackdom.com/articles/v/velikaya_modernizatsiya.html (дата обращения 19.08.2016).

просы, правительство разрешило крестьянам селиться и приобретать земельную собственность на территории казачьих войск.

После отмены крепостного права на Кавказ устремились тысячи крестьянских семей, не желавших нести феодальные повинности и платить огромные суммы за выделяемые помещиками наделы. К тому же крестьянская колонизация стимулировалась указами царя и нормативными актами правительства, разрешившими постоянное жительство в области подданным невоинского сословия.

Еще в ходе Кавказской войны рескриптом Александра II от 24 июня 1861 г. на Кубани позволялось приобретать в собственность землю «людям стороннего звания» и предписывалось наказному атаману составить проект Положения о заселении Закубанья. 10 мая 1862 г. было опубликовано Положение «О заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России»². В соответствии с законом главную часть переселенцев составляли казаки, но допускался и «свободный прием во вновь водворяемые станицы». Закон 1862 г. упорядочил крестьянскую колонизацию региона и впервые дал иногородним некоторые имущественные права. Лицам не казачьего сословия впервые давалась возможность приобретения земли в частную собственность, что создавало условия для мирного сосуществования иногородних и казаков.

Закон 29 апреля 1868 г. разрешал лицам невоинского сословия селиться и приобретать недвижимую собственность на казачьих землях без согласия войскового начальства и станичного общества³. Принятый закон ставил задачу поднять экономику Кавказского края, создать правовые условия для развития товарно-денежных отношений. Он предоставлял некоторые льготы переселенцам, которые, однако, впоследствии были сокращены. Например, возведение иногородними новых построек на войсковой, городской или станичной земле, бывшие по закону 1868 г. свободными, позднее допускались только с разрешения войскового начальства или согласия городских и станичных обществ⁴.

² *Беликов А.В.* Иногороднее население Кубани во второй половине XIX века. Автореф. дис. канд. ист. наук. Майкоп, 2002. URL: [HTTP://WWW.DISSERCAT.COM/CONTENT/INOGORODNEE-NASELENIE-KUBANI-VO-VTOROI-POLOVINEXIX-VEKA](http://WWW.DISSERCAT.COM/CONTENT/INOGORODNEE-NASELENIE-KUBANI-VO-VTOROI-POLOVINEXIX-VEKA) (дата обращения 22.05.2016).

³ Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (далее – ЦГА КБР). Ф. И.-6. Оп. 1. Д. 206. Т. 1. Л. 16.

⁴ ЦГА КБР. Ф. И.-6. Оп. 1. Д. 107. Л. 4.

Но, несмотря на это, закон от 29 апреля 1868 г. вызвал волну миграции на Северный Кавказ, рост населения которого за 30 лет превысил естественный прирост почти вдвое. Так, в 1860 г. на территории Терского войска проживало иногородних 4978 человек, а на 1 января 1897 г. проживало оседло 46360 иногородних и лиц, не имеющих оседлости – 57 597 человек⁵.

В пореформенный период большинство переселенцев устраивалось в станицах на положении иногородних, поскольку после окончания в 1864 г. Кавказской войны пополнение рядов казачества за счет других социальных групп стало ненужным. В связи с прекращением приписки в станичные общества неказачье население, служившее раньше источником пополнения казачества, превратилось теперь в «иногороднее» сословие, занимавшееся трудом по вольному найму, арендой и обработкой земли, торговлей, различными промыслами и т.д. Лица, приобретавшие в собственность усадебные постройки в пределах казачьих станиц с правом потомственного пользования находящейся под этими постройками земель и обязательством уплачивать за это посаженную плату, стали именоваться «иногородними, имеющими оседлость». Все лица невойскового сословия, проживающие в станицах на квартирах или на частновладельческих землях в качестве арендаторов, стали именоваться «иногородними, не имеющими оседлости» и были основным элементом, составляющим рабочую силу среди пришлого населения

Социальный состав переселенцев был неоднороден: крестьяне, мещане, отставные солдаты, зажиточные арендаторы, крупные скотопромышленники.

Из колонистов Терской области первое место занимали уроженцы Харьковской губернии – 11,45%, затем Воронежской – 11,33%, Полтавской – 9,37%, Саратовской – 6,64% и др.⁶

По данным Н.П. Гриценко, в конце XIX в. менее всего хуторов иногородних было в Кизлярском отделе (42), а больше всего в Пятигорском (108), где иногородние составляли 35–45 % всего населения⁷. Например, в станице Горячеводской на 4460 казаков приходилось 3782 иногородних, в станице Ессентукской на 8503 казака – 5110 иногородних, в станице Незлобной на 3172 казака – 1271 иногородний⁸.

⁵ *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 267, 268.

⁶ *Гальцев В.С.* Из истории колонизации Северного Кавказа // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XIX. Орджоникидзе, 1957. С. 113.

⁷ *Гриценко Н.П.* Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972. С. 80.

⁸ Там же. С. 82.

Иногородние селились также и в казачьих станицах. Обычно казак сдавал переселенцу часть своей усадьбы на срок от 12 до 60 лет, о чем составлялся форменный документ, который скреплялся станичным правлением⁹.

Постепенно иногородние все больше сосредоточивали в своих руках казачьи наделы, покупали усадебные постройки, и при таких условиях бедные, а преимущественно нерадивые и ленивые казаки, быстро растратив деньги, полученные за продажу или аренду земли, попадали к ним же в кабалу и не имели никакой возможности снарядиться на службу собственными средствами. Поэтому правительство пыталось ограничить приток иногородних в станицы, поставить их в зависимость от казачьей общины, сократить все предшествовавшие льготы переселенцам. Пришлое население даже не имело права голоса на сходах. С 1870 г. иногородним дали это право, но они допускались только к решению дел, непосредственно их касающихся. Местная администрация действовала в большинстве случаев в интересах казачества. Наказной атаман Терского казачьего войска совмещал должность и начальника области. Административно-полицейская власть на местах возлагалась на начальников отделов и станичных атаманов¹⁰.

По мнению Государственного Совета, утвержденного 13 мая 1883 г., иногородние обязаны были исполнять все земские повинности, связанные с постоянной оседлостью¹¹.

С начала 80-х и до конца 90-х годов XIX века возобладали ограничительные тенденции в переселенческой политике российского правительства. Правительство признало потребность в переселении «весьма ограниченной» и основную задачу видело в том, чтобы «скорее сдерживать переселение, нежели поддерживать и поощрять его»¹². В условиях относительно благоприятных для России изменений в международной обстановке, укрепления экономики и начавшейся модернизации, отношение к переселенцам стало более жестким: правительство

⁹ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 11. Оп. 10. Д. 132. Л. 2, 3.

¹⁰ *Великая Н.Н.* Модернизационные процессы второй половины XIX века и терское казачество // Модернизационные процессы в истории России XVIII–XX вв.: политика, экономика, культура. Армавир, 2003. С. 118–127. URL: http://www.cossackdom.com/articles/v/velikaya_modernizatsiya.html (дата обращения 19.10.2016).

¹¹ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 7. Д. 5140. Л. 97.

¹² *Брусникин Е.М.* Переселенческая политика царизма в конце XIX в. // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 36.

игнорировало необходимость земельного обеспечения переселенцев, разрабатывало «ограничительное» законодательство, принимало административные меры против наплыва иногородних¹³.

В 1891 г. было издано «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск», сыгравшее значительную роль в деле ограничения прав иногородних¹⁴. Законодатели попытались законсервировать казачье землевладение. В соответствии с новыми правилами об общественном управлении в казачьих войсках иногородние не приглашались на станичные сходы, где обсуждались касающиеся их экономические вопросы. Постановления схода им лишь объявлялись. Кроме того, для иногородних увеличивалась посаженная плата.

Также вводились ограничения и в пользовании станичными пастбищами и сенокосами. Ограничивалось количество скота, которое вправе были пасти иногородние на общественных выгонах. Ограничения накладывались даже на посещение иногородними больниц, аптек, станичных и войсковых школ. Иногородние не могли приобретать недвижимое имущество, землю, ограничивались правом пользования рыбной ловли и в большинстве случаев занимались ремеслами, торговлей и работой по найму в хозяйствах зажиточных казаков и старшин.

Исследователь истории терского казачества Ф. Пономарев так описывает положение этого сословия: «Эти люди не могли обзавестись ни хозяйством, ни землей, ни семьей, так как казак не отдаст свою дочь за человека бедного, бесприютного и вовсе еще не известного, им остается быть работником и то, пока силы служат»¹⁵. Даже Кавказское начальство вынужденно именовало иногородних «безземельным и почти бесправным элементом»¹⁶. Таким образом, «иногородние являлись... какими-то отверженцами, ... лишенными если не всех, то некоторых важнейших прав, имущественных и общественных»¹⁷. Желая отстоять

¹³ *Беликов А.В.* Иногороднее население Кубани во второй половине XIX века. Автореф. дис. канд. ист. наук. Майкоп, 2002. URL: <http://www.dissertac.com/content/inogorodnee-naselenie-kubani-vo-vtoroi-polovinexix-veka> (дата обращения 22.05.2016).

¹⁴ *Шнайдер В.Г.* Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. URL: <http://www.deephistory.ru/dhs-693-5.html> (дата обращения 10.09.2016).

¹⁵ *Пономарев Ф.* Материалы к истории терских казаков // Терские ведомости. 1903. № 16.

¹⁶ *Великая Н.Н.* Казачье и иногороднее население Терека: парадигмы развития (вторая половина XIX – начало XX в.) // Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2008. С. 126.

¹⁷ *Гриценко Н.П.* Указ. соч. С. 86.

свои права, иногородние отправляли в местные и центральные органы власти жалобы, но зачастую постановления выносились не в их пользу.

К 1917 г. иногородние так и не получили права на свою социальную организацию, которая бы их защищала, либо равные права в самоуправлении. Все вопросы решала казачья община. Казаки вели себя на Тереке по-хозяйски и уступать свои позиции не собирались. Это вызывало недовольство иногородних. Последние хотели иметь в Прибережье те права, которые получили благодаря реформам 60–70-х гг. XIX в. Поэтому возникло противоречие между правовым положением крестьян в центре и на юге страны. В начале XX в. в Терской области, как и в других казачьих регионах, выступления крестьянской бедноты становились все более массовыми и организованными¹⁸.

Отношение казаков к этой социальной группе строилось на основе социального неравенства и полного превосходства одного сословия над другим. «Казаки относились к посторонним обывателям чрезвычайно гордо, надменно и недружелюбно. Такое отношение ... вытекает отчасти из сословных предрассудков, а отчасти из экономических причин»¹⁹. Атаман Пятигорского отдела Попов в рапорте начальнику Терской области, высказывая всю ненависть к крестьянам-переселенцам, предлагал «очистить» станицы от иногородних. Он писал, что «если внимательно присмотреться к влиянию иногороднего населения на казачество, то можно смело сказать, что это ржавчина на булате»²⁰. «Было время, – также писал атаман, – когда казаки охотно принимали к себе иногородних, видя в них даровых работников, так как много казачьей земли оставалось не использованной самими казаками и иногородние, арендуя свободную землю и обрабатывая ее, платили дань казакам хлебом и сеном, а последним оставалось только радоваться, что находились кормившие их работники»²¹. Но, по мнению атамана, нельзя не видеть и отрицательных сторон переселения: арендованные земли истощались и не восполняли потребностей увеличившегося числа казаков, которые к тому же «за спинами крестьян» приучились жить «без особога труда, не развивая энергию и трудоспособность земледельца»²².

¹⁸ *Великая Н.Н.* Казачье и иногороднее население Терека: парадигмы развития (вторая половина XIX – начало XX в.) // Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2008. С. 126.

¹⁹ Статистические материалы для изучения современного станичного быта Терского казачьего войска. Тифлис, 1877. С. 48.

²⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 5. Д. 294. Л. 2, 3 об., 5.

²¹ *Гриценко Н.П.* Указ. соч. С. 81, 82.

²² Там же. С. 82, 83.

Не случайно, что именно атаман Пятигорского отдела забил тревогу. В своем рапорте начальнику Терской области и Наказному атаману он писал, что в настоящее время (1909 г.) нет ни одной станицы, в которой не было бы иногородних.

В процессах социального расслоения и «оскудения казачьего духа» казаки пытались обвинить переселенцев. В «Голосе казачества» была высказана следующая оценка роли иногородних в этих процессах: « ... чуждый элемент уже гасит в казаках воинскую подвижность, любовь к коню, гордость костюмом, оружием, уважение к обычаям старины ... Коренной состав поддается ... натиску всякого сброда, а в хозяева земли, умытой казачьей кровью, пробиваются иногородние»²³.

Иногородние не были каким-либо образом организованы для того, чтобы бороться за свои права. Казачья же община, напротив, представляла собой единую, высокоорганизованную систему и выступала по отношению к переселенцам как целостный организм²⁴.

Вполне понятно почему пришлое население, отягощенное больше других повинностями и испытывающее враждебное отношение к себе, стало активным революционным элементом. И логично, что в годы Гражданской войны большевики выдвинули лозунг об уравнивании прав казаков и иногороднего населения²⁵.

Таким образом, мы можем констатировать, что правительственная политика в отношении иногородних в пореформенный период была противоречивой, не всегда последовательной и определялась геополитическими, военными, экономическими интересами государства. Стремясь сохранить в неизменном виде привилегии казачества, правительство Российской империи и администрация области пытались ограничить наплыв мигрантов в станицы, поставить их в зависимое положение от местных жителей. Основными землевладельцами по-прежнему оставались Терское войско и станичные общества. Они выдвигали иногородним свои условия, ущемлявшие их в юридических, экономических и социальных правах.

²³ Шнайдер В.Г. Указ. соч.

²⁴ Котов С.Н. Казаки и иногородние: сотрудничество и противостояние (по материалам Северного Кавказа) // Материалы конференции «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании». СПб., 2001. С. 150–151. URL: http://musey16.ucoz.ru/index/kazaki_i_inogorodnie/0-64#_edn4 (дата обращения 19.09.2016).

²⁵ Великая Н.Н. Модернизационные процессы второй половины XIX века и терское казачество // Модернизационные процессы в истории России XVIII–XX вв.: политика, экономика, культура. Армавир, 2003. С. 118–127. URL: http://www.cossackdom.com/articles/v/velikaya_modernizatsiya.html (дата обращения 19.10.2016).

**ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ ОКРУЖНОЙ СУД
И МИРОВЫЕ СУДЫ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Преобразования судебной системы в Терской области в 1870–1917 гг. были направлены на реализацию судебной реформы 1864 г. Эта реформа оказалась самой последовательной и прогрессивной из комплекса либеральных реформ 60–70-х годов XIX в., т.к. опиралась на исторический опыт и учитывала законодательный опыт европейских государств. В результате была создана российская модель судостроительства. 20 ноября 1864 г. Александр II утвердил Судебные уставы (Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Учреждения судебных постановлений)¹, принятые Государственным Советом. С этого времени они стали обязательными для применения во всех регионах России, однако их практическая реализация имела определенную специфику, зависящую от их административно-территориального устройства, этнической карты регионов и этнокультурной самобытности, проживавших в них народов.

Судебная реформа 1864 г. предполагала закрепление следующих принципов судебного процесса: отделение судебной власти от административной, независимость и несменяемость судей; создание адвокатуры, учреждение института присяжных заседателей, создание выборного мирового суда, учреждение института судебных следователей и т.п.² В Российской империи были созданы общие судебные учреждения и местная юстиция. К общим относились судебные палаты и окружные суды, а к местным – мировые суды и съезды мировых судей.

К этому времени в Терской области была сформирована многоуровневая судебная система. При этом власти в определенной мере пытались сохранить основные элементы традиционного судопроизводства

¹ Судебные уставы 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они обоснованы. СПб., 1867.

² *Александров А.И.* Уголовно-процессуальная политика в России (теоретический и историко-правовой анализ): Афтореф. дис. д. ю. н. СПб., 1999. С. 4.

местных народов и вырабатывали модели их функционирования в судах, создаваемых по российскому образцу. В письме Кавказского наместника начальнику Терской области от 8 мая 1870 г. № 126 отмечалось, что удобным считается «устанавливаемые Высочайшими указами 30-го декабря 1869 г. учреждения, правила и штаты по административной и судебной частям ввести в действие одновременно, с 1-го Января будущего 1871 г., в обеих Областях и в Черноморском Округе»³. В эту систему входили: Владикавказский окружной суд, мировые судьи и съезды мировых судей, горские словесные суды, станичные и слободские, аульные и участковые суды, а также – третейские (посреднические, медиаторские) суды.

В рамках реализации судебной реформы 1864 г. 1 января 1871 г. в Терской области начали работать Владикавказский Окружной суд с прокурорским надзором, судебные мировые и следственные участки, нотариальные архивы и конторы и т.п. Одновременно были прекращены полномочия Терского областного и Кизлярского уездного судов, Моздокской ратуши, должности Терского областного прокурора, Кизлярского и Моздокского стряпчих. В ходе преобразований было решено придерживаться принципов, по которым для коренного населения Терской области мелкие уголовные и гражданские дела подлежали рассмотрению в аульных и участковых судах, а серьезные – в горских словесных судах. Для остальных – в станичных и слободских, у мировых судей и во Владикавказском окружном суде.

Высшее звено судебной иерархии в Терской области составлял *Владикавказский окружной суд*. Его деятельность распространялась на всю территорию Терской области. Его разбирательству подлежали совершенные в области уголовные и гражданские дела, отнесенные судебными уставами 20-го ноября 1864 г. к ведению окружных судов.

В начале 70-х гг. XIX в. штатное расписание Владикавказского Окружного Суда в отличие от Екатеринодарского Окружного суда в Кубанской области не предусматривало денежных сумм для содержания кандидатов на «судебные должности»⁴. Однако, по мнению служащих департамента Главного управления Наместника Кавказского, избранные в установленном порядке и соответствующие требованиям ст. 407 Учреждения Судебных уставов и Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 26 июня 1867 г. кандидаты в судьи имели право на получение жалования за занимаемую должность. Все это

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Ед. хр. 10. Л. 1.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 2. Ед. хр. 295. Л. 1.

стало основанием для обширной переписки, в которой начальник Терской области ходатайствовал перед Кавказским наместником об увеличении штата Владикавказского Окружного суда⁵.

Кандидаты на должности судей Владикавказского Окружного суда играли в этой системе важную роль, поскольку в их обязанности вменялась защита прав содержащихся под арестом «подсудимых, обвиняемых в уголовных преступлениях или проступках»⁶. Это правило устанавливалось в ст. 566 Устава Уголовного суда (1864) и обязывало «председателя суда назначать таковым подсудимым в случае просьбы их, защитников из состоящих при суде присяжных, а за недостатком сих лиц, из кандидатов на судебные должности»⁷. Также существовало правило, согласно которому члены канцелярии окружного суда не могли быть назначены защитниками подсудимых. Поэтому при отсутствии на момент своего учреждения в составе Владикавказского окружного суда присяжных поверенных, роль защитников интересов подсудимых выполняли кандидаты на должности судей.

Кандидатов на судебские должности Владикавказского окружного суда могли также привлекать к участию в судебном процессе в качестве судебных следователей на время их отпуска или отсутствия по болезни⁸. Считалось, что в виду большого количества уголовных преступлений и значительного расстояния между различными административно-территориальными единицами Терской области на период временного отсутствия судебного следователя одного участка непродуктивно поручать исполнение его обязанностей другому. Предполагалось, что с назначением пяти кандидатов на судебные должности для усиления состава Владикавказского окружного суда, по примеру Кубанской области, можно в значительной мере решить накапливавшиеся проблемы.

До 1897 г. в состав Владикавказского окружного суда входило 8 штатных судей. С 1897 г. в связи с увеличением числа мировых участков в Терской области и введения дополнительной должности мирового судьи во Владикавказском округе число штатных сотрудников в окружном суде было сокращено до 7.

По уголовным делам, подсудным Владикавказскому окружному суду, до передачи дела в суд производилось предварительное следствие судебным следователем. Жалобы и заявления подавались в простой

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

письменной форме ближайшему полицейскому, начальнику или судебному следователю того следственного участка, в пределах которого совершилось правонарушение. Жалоба должна была содержать следующие позиции: «когда и где именно совершилось преступление, кто обвиняется или подозревается и по каким причинам; если потерпевший ищет при том вознаграждения за причиненный ему вред или убыток, то должен указать, в чем состоят убытки или вред и как велико требуемое им вознаграждение»⁹. В ходе предварительного расследования потерпевший имел право привлекать своих свидетелей и представлять доказательства в пользу поданного иска, лично присутствовать при всех следственных действиях и задавать, с разрешения следователя, вопросы обвиняемому и свидетелям. Стороны имели право подавать жалобы на следственные действия, нарушавшие их права. Такие жалобы подавались на имя прокурора Владикавказского окружного суда, а на действия следователя – окружному суду. По окончании следствия судебный следователь передавал его прокурору, о чем объявлялось сторонам.

В циркуляре наместника Кавказского от 25 ноября 1871 г. № 9393 сообщалось, что дела по растлениям и изнасилованиям женщин, ст. 1523–1530 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1866 г.) были изъяты из подсудности горских словесных судов и были переданы в компетенцию окружных судов¹⁰.

Гражданские иски подавались во Владикавказский окружной народный суд в письменной форме на русском языке. По каждому иску должно быть подано особое прошение¹¹. Прошение подавалось в суд истцом, его поверенным или по почте. Доверенность на его подачу могла быть отмечена на самом прошении. Исковое прошение должно было содержать следующие позиции: «1) означение суда, в который подается; 2) имя, отчество и фамилия или прозвище, звание и место жительства как истца, так и ответчика; 3) означение цены иска за исключением дел, оценке не подлежащих; 4) изложение обстоятельств дела, из коих иск проистекает; 5) указание доказательств и законов, на коих иск основан; 6) просительный пункт, заключающий в себе точное изложение требований истца или определительное указание того, чего истец ищет, о чем просит суд постановить решение»¹². По мере необходимости к исковому заявлению могли быть приложены

⁹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Ед. хр. 1477. Л. 23.

¹⁰ ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 2. Ед. хр. 1105. Л. 5.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

различные документы. Копии искового заявления и приложений предоставлялись в суд в количестве, соответствовавшем количеству ответчиков. В случае несоблюдения требований к форме исковые заявления могли быть отклонены без рассмотрения.

Истец и ответчик по гражданскому делу, обвинитель и человек, подавший иск о возмещении имущественного ущерба по уголовному делу, могли вместо личного участия делегировать в суд поверенных для отстаивания своих интересов. Поверенными считались только те, «кои, обладая требуемыми для сего качествами (ст. 246 уст. гражд. суд), уполномочены для ведения формальною доверенностью (если не принадлежат к числу формальных поверенных), написанной на гербовой 2-х рублевого достоинства бумаге и засвидетельствованной у нотариуса, а где его нет – у мирового судьи»¹³. Сельские общества уполномочивали своих поверенных мирскими (общественными) приговорами. Все сделанное поверенным в пределах данной ему доверенности было обязательным для исполнения давшего доверенность.

Заседания Владикавказского окружного суда происходили публично по всем категориям дел, за исключением тех, «по коим публичность заседания может быть предосудительна для религии, общественного порядка или нравственности»¹⁴. Кроме того, судебное заседание по гражданским делам могло происходить при «закрытых дверях» и в том случае, когда обе стороны заявят об этом, и суд признает их просьбу уважительной¹⁵.

Апелляции на постановления Владикавказского окружного суда рассматривались Тифлисской судебной палатой¹⁶. Тифлисская судебная палата была открыта на основании Циркуляра кавказского наместника от 19 февраля 1868 г. Она состояла из одного департамента, рассматривающего в апелляционном и ревизионном порядке гражданские и уголовные дела¹⁷. Тифлисская судебная палата являлась не только апелляционной инстанцией, но и органом судебного контроля за деятельностью судов Северного и Южного Кавказа. Это подтверждается анализом ее локальных нормативно-правовых актов в

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 23 об.

¹⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 277, 318.

¹⁷ *Шевченко С.Г.* Ставропольский окружной суд в системе судебной власти Российской империи: Автореф. дис. к.ю.н. Краснодар, 2010. С. 16.

отношении упорядочения деятельности подведомственных ей окружных судов. В Тифлисскую судебную палату поступали ежегодные отчеты окружных судов (в том числе и Владикавказского окружного суда). С.Г. Шевченко установил, что «с 1874 г. на основании высочайше утвержденного 17 декабря Мнения Государственного Совета «О направлении и производстве предварительных следствий по государственным преступлениям в округ Тифлисской судебной палаты», на Тифлисскую судебную палату были возложены полномочия производства предварительных следствий по государственным преступлениям, подведомственных особому Присутствию Правительствующего Сената, которые ежегодно возлагались по представлению кавказского наместника на одного из членов палаты»¹⁸. По завершении предварительного следствия наместник отправлял их в Министерство юстиции для дальнейшего рассмотрения и утверждения в особом Присутствии Сената¹⁹.

Преобразования, направленные на реализацию судебной реформы 1864 г., потребовали расширения штата Тифлисской судебной палаты, в силу большого объема дел, находящихся в ней на рассмотрении. Кроме того, «предположенное после реформы суда в Терской и Кубанской областях присоединение судебных учреждений их к Тифлисской судебной палате еще более расширяло круг ее ведения»²⁰.

Апелляционные отзывы на приговоры суда по уголовным делам могли быть поданы в двухнедельный срок со дня его объявления. Для гражданских дел в зависимости от порядка судопроизводства устанавливался месячный или четырехмесячный срок подачи апелляционных жалоб²¹. Срок обжалования начинал исчисляться со дня объявления решения в суде. Апелляционные отзывы и жалобы подавались во Владикавказский Окружной суд для передачи их в Тифлисскую судебную палату. Решения судебной палаты считались окончательными и могли быть обжалованы только в кассационном порядке.

28 октября 1871 г. во Владикавказе был создан мировой отдел Окружного суда. Отдел объединил 10 следственных участков²². Дела

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Эсадзе С.Э. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 2. Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907. С. 35.

²¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Ед. хр. 1477. Л. 24.

²² Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. Собраны под наблюдением и.о. обер-прокурора общего собрания кассационных департаментов Правительствующего Сената Н.М. Рейнке,

об уголовных правонарушениях, совершенных на подведомственных горским словесным судам территориях, передавались соответствующему судебному следователю. Он, в свою очередь, после проведения необходимых следственных мероприятий передавал дела для дальнейшего производства во Владикавказский Окружной суд. В том случае, если следственные материалы возвращались в горский словесный суд по подсудности, то «последний определял меры наказания, исходя из заключения следователя Владикавказского окружного суда»²³.

Приведем расписание участков судебных следователей ведомства Владикавказского окружного суда, утвержденное Кавказским наместником 1 декабря 1870 г.²⁴, позволяющее представить площадь обслуживаемого района.

№	Наименование участков	Постоянное местопребывание Судебного Следователя	Районы следственных участков
1	Первый Владикавказский следственный участок	гор. Владикавказ	гор. Владикавказ
2	Второй Владикавказский следственный участок	гор. Владикавказ	Часть Владикавказского округа, лежащая к югу от г. Владикавказа
3	Третий Владикавказский следственный участок	Укреп. Назрановское	Вся северная часть Владикавказского округа
4	Моздокский следственный участок	гор. Моздок	г. Моздок и прилегающая к нему северо-восточная часть Георгиевского округа до Павлодольской станицы и северная часть Грозненского округа по реке Терек

членом Московской судебной палаты Н.М. Агишевым и товарищем прокурора Тамбовского окружного Суда В.Д. Бушеном. СПб.: Сенатская типография, 1912. С. 163; Терский календарь на 1898 год. Владикавказ, 1997. С. 122–123.

²³ ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 242. Т. 1. Л. 48 об.; История многовекового содружества... С. 216.

²⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 119. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 24–24 об.

5	Георгиевский следственный участок	Гор. Георгиевск	Северо-западная часть Георгиевского округа по р. Золку и верховья р. Малки
6	Нальчикский следственный участок	Слобода Нальчик	Юго-восточная часть Георгиевского округа (лежащая к югу от верховьев реки Малки и к востоку от р. Золки) за исключением северо-восточной части округа, отчисленной к Моздокскому участку
7	Грозненский следственный участок	Гор. Грозный.	Часть Грозненского округа, лежащая к югу от Терека до слободы Воздвиженской и весь Веденский округ
8	Воздвиженский следственный участок	Слоб. Воздвиженская.	Южная часть Грозненского округа со включением Воздвиженской слободы и весь Аргунский округ
9	Хасав-Юртовский следственный участок	Слобода Хасав-Юрт	Весь Хасав-Юртовский округ и западная часть Кизлярского округа от Дубовской станции
10	Кизлярский следственный участок	Гор. Кизляр	Город Кизляр и северо-восточная часть Кизлярского округа до Дубовской станции

Анализ архивных материалов показал, что во Владикавказском окружном суде рассматривались в основном дела о подделке документов²⁵, оскорблении должностных лиц сельского правления²⁶, незаконном аресте старшиной односельчанина²⁷; умышленных убийствах²⁸, убийствах с целью ограбления²⁹, умыкания девушек с целью вступления в брак³⁰, фальшивомонетничество³¹ и т.п.³²

Общее количество дел, находившихся на рассмотрении Владикавказского окружного суда, представлено в следующем виде:

1896 г.		1897 г.	1898 г.	
Оставалось	Вступило	Вступило	Вступило	Осталось
826	3267	3285	3934	960*

* *Кобахидзе Е.И.* «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. С. 362.

Согласно данным И.В. Зозули, основанных на анализе статистических данных Министерства юстиции, во Владикавказском окружном суде в 1900 г. было зарегистрировано 3110 уголовных дел, в 1905 – соответственно 3973, в 1910 – 7781. Гражданских: 1900 – 1156, 1905 – 1647, 1910 – 2249³³, которые свидетельствуют, что при росте гражданских дел за десять лет начинающегося XX в. в два раза, преступность выросла в два с половиной раза. Этот рост мы связываем с резким ростом правонарушений в годы первой русской революции.

²⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 282; ЦГА РСО-Алания. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 300, 575.

²⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 284., 321, 323.

²⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 278.

²⁸ ЦГА РСО-Алания. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 188; 557.

²⁹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 570.

³⁰ ЦГА РСО-Алания. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 301. Л. 2 об.

³¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 595.

³² ЦГА РСО-Алания. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 581.

³³ *Зозуля И.В.* Место судебных приставов в системе судоустройства и судопроизводства Российской империи...

С созданием Владикавказского окружного суда в его структуру были введены должности судебных приставов. Это было направлено на реализацию судебных уставов 20 ноября 1864 г., которые предусматривали «вступление в действие при кассационных департаментах Правительствующего Сената, судебных палатах и окружных судах империи судебных приставов»³⁴. Согласно данным И.В. Зозули, в период с 1890 по 1910 гг. в Терской области было 4 штатных судебных пристава³⁵.

Заседания Владикавказского окружного суда по уголовному отделению могли проходить в тех населённых пунктах, в которых базировались следственные участки³⁶.

Важное звено судебной системы Терской области в последней трети XIX – начале XX в. занимали *мировые судьи и съезды мировых судей*. В ходе судебных преобразований конца 60-х – начала 70-х гг. XIX в. территория Терской области была поделена на 2 мировых округа (Владикавказский и Кизлярский), включавших по 4 мировых участка³⁷.

В 1871 г. структура и состав мировых участков Терской области были определены следующим образом:

³⁴ Учреждение судебных установлений (Ст. 297) // Реформы Александра II. М., 1998. С. 315–316; Зозуля И.В. Место судебных приставов в системе судостроительства и судопроизводства Российской империи...

³⁵ Там же.

³⁶ ЦГА РСО-Алания, ф. 113, оп. 1, д. 297; ед. хр. 300; ед. хр. 575;

³⁷ ЦГА РСО-Алания, ф. 12, оп. 3, ед. хр. 1477, л. 20 об.

Мировые участки	Постоянное местопробывание мирового судьи	Район мировых участков
<i>I. Владикавказский мировой округ</i>		
Первый мировой участок	гор. Владикавказ	Гор. Владикавказ
Второй мировой участок	гор. Владикавказ	Владикавказский округ за исключением гор. Владикавказа и северной части округа до Магомет-Юрговской части
Третий мировой участок	Станица Екатериноградская, впредь до устройства в другом более центральном пункте помещения для лиц, заключаемых под стражу	Юго-восточная часть Георгиевского округа, лежащая к югу от верховьев р. Малки и к востоку от р. Золки, за исключением отчисленного к четвертому участку Кизлярского мирового округа части Георгиевского округа, лежащей к северу от р. Терека и к востоку от стан. Павлодольской
Четвертый мировой участок	г. Георгиевск	Северо-Западная часть Георгиевского округа по р. Золка и верховья р. Малка
<i>II. Кизлярский мировой округ</i>		
Первый мировой участок	г. Кизляр	г. Кизляр и северо-восточная часть Кизлярского округа до ст. Дубовской
Второй мировой участок	Слобода Хасав-Юрт, впредь до устройства в другом более центральном пункте помещения для лиц, заключаемых под стражу	Весь Хасав-Юрговский округ и западная часть Кизлярского округа от с. Дубовской
Третий мировой участок	г. Грозный	Округа Веденский и Аргунский и Южная часть Грозненского округа по р. Терек
Четвертый мировой участок	г. Моздок	г. Моздок и прилегающая к нему северо-восточная часть Георгиевского округа до Павлодольской станицы и северная часть Грозненского округа по р. Терек

Мировым судам были подсудны все отнесенные к мировому разбирательству дела, возбуждаемые в отношении «негорского» населения Терской области. Дела с участием горцев разбирались в мировых судах в том случае, если они были одной из сторон процесса (истцом или ответчиком, обвинителем или обвиняемым), а другой – представители «негорского» населения области³⁸.

По *уголовным делам* мировым судам были подсудны правонарушения, перечисленные в «Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» от 20 ноября 1864 г. Исключение составляли случаи: «1) когда проступок, совершенный в местности, подведомой станичному или слободскому суду, подлежит разбирательству сего суда как по роду своему, так и по званию участвующих лиц; 2) когда потерпевший от проступка предъявляет вместе с жалобой на обвиняемого иск о превышающем 500 руб. вознаграждении за причиненный проступком вред или убыток; 3) когда наказание за проступок сопряжено по закону, с высылкою виновного из места жительства с запрещением производить торговлю или промысел, или же с закрытием торгового или промышленного заведения»³⁹.

По *гражданским делам* мировому судье подсудны: «1) иски по личным обязательствам и договорам и о движимости, ценою не свыше 500 руб.; 2) иски о вознаграждении за ущерб и убытки, когда количество оных не превышает 500 руб.; 3) иски о личных обидах и оскорблениях; 4) иски о восстановлении нарушенного владения недвижимым имуществом, когда со времени нарушения прошло не более 6 месяцев; 5) иски о праве участия частного, когда со времени нарушения прошло не более года»⁴⁰. Указанные гражданские споры не подлежали разбирательству мирового судьи в случаях: «1) когда иск, возникший в местности, подведомом станичному или слободскому суду, сему суду подсуден по роду своему и званию тяжущихся; и 2) когда иск сопряжен с интересами казенных управлений, за исключением исков о восстановлении нарушенного владения недвижимым имуществом»⁴¹. Кроме того, мировой судья по обоюдной просьбе сторон имел право принять к своему рассмотрению любой гражданский спор и иск за исключением тех, обеими сторонами в которых являлись представители горского населения Терской области. Решение мирового судьи в данном случае считалось окончательным и не подлежало апелляции.

³⁸ Там же. Л. 21.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

Иски о праве собственности на недвижимое имущество вне зависимости от их цены, а также иски, основанные на формальном акте о праве владения таким имуществом, не подлежали рассмотрению мировыми судьями, а относились к подсудности Владикавказского окружного суда.

Помимо мировых судей, заведующих мировыми участками, в Терской области действовали и *почетные мировые судьи*. Гражданские и уголовные дела, отнесенные к подсудности мировых судов, могли быть приняты к производству как участковым, так и почетным мировым судьей. Однако дела на рассмотрение почетным мировым судом могли быть переданы в случае обоюдного согласия сторон.

Жалобы и исковые заявления подавались в устной или простой письменной формах тому участковому или почетному мировому судье, на подведомственной территории которого совершен проступок или проживал ответчик. Предъявлялись определенные требования к формам жалоб и исковых заявлений. В жалобе должны были отражены следующие позиции: «1) имя, фамилия, звание или прозвище и место жительства лица потерпевшего или обвинителя, 2) преступное действие, время и место его совершения; 3) вред и убытки, понесенные обвинителем; 4) обвиняемое или подозреваемое лицо и место его жительства; 5) свидетели и иные доказательства, коими жалобы подтверждаются; 6) год, месяц и число подачи жалобы»⁴². В гражданском иске истец был обязан: «1) указать звание, имя, отчество, фамилию или прозвище и место жительства свое и свидетелей, если на таковых ссылается, так и ответчика; 2) указать доказательства, на которых основывает свой иск; 3) обозначить цену иска за исключением неподлежащих оценке; 4) объяснить, чего именно он просит или что отыскивает»⁴³.

Стороны и свидетели приглашались принять участие в судебном разбирательстве повестками, в которых указывались и последствия неявки. Если обвиняемый проживал в том же населенном пункте, где располагался мировой суд, он мог быть вызван для разбирательства устным распоряжением мирового судьи. Письменная повестка вручалась вызываемому лично. О ее получении вызываемый (или его доверитель) должен расписаться на втором экземпляре повестки. В случае отсутствия вызываемого повестка вручалась старшему члену его семьи или сельскому старшине, полицейскому, для доставления адресату.

Истец и ответчик по гражданским делам, обвинитель и потерпевший по уголовным делам (а по некоторым категориям дел и обвиняемый) имели право вместо себя делегировать представителя.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

Разбирательство участковыми мировыми судьями или почетными мировыми судьями проходило публично в устной форме. В закрытом заседании разбирались только те дела, по которым публичность могла нарушать нормы морали и нравственности, а также – некоторые уголовные дела, возбуждаемые по частным жалобам, или гражданские иски в тех случаях, если стороны по обоюдному согласию подавали заявление о негласном разбирательстве их иска, и мировой судья почитает их доводы обоснованными.

Приговоры и решения участкового и почетного мировых судей считались окончательными и не подлежали обжалованию в тех случаях: «1) когда приговор по делу уголовному определяет внушение, замечание или выговор, денежное взыскание не свыше 15 руб[лей] с одного лица, или арест не свыше 3-х дней и когда иск о вознаграждении за вред и убытки не превышает 30 руб[лей]; 2) когда решение в деле гражданском последовало по такому иску, цена которого не превышает 30 руб[лей]»⁴⁴. На остальные решения и приговоры участкового и почетного мировых судей могли быть поданы апелляционные жалобы или отзывы. Поэтому при объявлении таких приговоров и решений судьям вменялось в обязанность разъяснять участникам процесса порядок их обжалования.

Вышестоящей инстанций, принимающей к разбирательству эти жалобы, был *съезд мировых судей*. Съездом мировых судей считалось собрание почетных и участковых мировых судей одного из мировых округов Терской области. Правилами устанавливался порядок проведения разбирательств на съездах мировых судей. Например, съезд мировых судей Владикавказского мирового округа Терской области созывался ежемесячно и проводил заседания в первых числах каждого месяца по очереди во Владикавказе и Георгиевские. Съезд судей Кизлярского мирового округа созывался ежемесячно после 14 числа каждого месяца по заранее определенной очереди в Кизляре, Моздоке или Грозном⁴⁵. Если большинство тяжущихся проживало на одной территории, в целях облегчения процесса допускалось отступление от такой очереди. Об этом делалось специальное объявление в газете «Терские ведомости»⁴⁶. Кроме того, в определенных случаях предусматривались и внеочередные заседания съездов мировых судей.

Разбирательство на съезде производилось по тем же принципам, что и в мировых судах. По уголовным делам стороны в суд не вызывались.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 22 об.

Исключение составляли случаи, когда обвиняемому могла быть назначена мера наказания в виде тюремного заключения⁴⁷. По гражданским делам участие сторон в съезде было обязательным. Неявка одной стороны не являлась основанием для перенесения разбирательства на другой срок. Разбирательство могло быть перенесено лишь в случаях неявки всех участников процесса или их представителей.

Приговоры и решения съезда мировых судей считались окончательными и не подлежащими апелляции. Однако апелляционная жалоба могла быть подана, если после разбирательства были выявлены случаи явного нарушения действовавшего в тот период законодательства, форм и порядка судебного разбирательства, предметов ведения и подсудности. Апелляционные жалобы на решения съездов мировых судей могли подаваться в Правительствующий Сенат.

В 1876 г. на основании Высочайше утверждённого мнения Государственного совета «О некоторых изменениях в устройстве мировых судебных установлений на Кавказе и за Кавказом» был введен ряд новых принципов назначения мировых и мировых почетных судей в Терской области. В нем устанавливалось, что с этого времени участковые мировые судьи назначались на должности специальным распоряжением наместника Кавказского⁴⁸. Почетные мировые судьи назначались на должности также решением наместника Кавказского сроком на три года.

Таким образом, реализация судебной реформы 1864 г. в Терской области оказала определенное влияние на развитие системы судоустройства коренного населения региона. В результате в области были созданы специальные окружные и мировые суды и при сохранении основных традиционных форм отправления правосудия местных жителей.

⁴⁷ Там же. Л. 22 об.

⁴⁸ Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в.: сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 107.

НАЛЬЧИКСКИЙ ОКРУГ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ С.К. КЛИШБИЕВА

Заметный прогресс в социально-экономическом и культурном развитии Нальчикского округа связан с деятельностью возглавившего его в сентябре 1910 г. Султанбека Клишбиева. Как кабардинский дворянин, офицер царской армии, администратор старого режима после установления в Кабарде и Балкарии советской власти он был подвергнут репрессиям, а его имя в исторических исследованиях, художественной литературе и даже снятых по ее мотивам фильмах упоминалось лишь в негативном свете. В постсоветской историографии, освободившейся от идеологического прессинга, Клишбиев был реабилитирован. О. Опрышко в своих документальных повествованиях, в частности в работе «На изломе времен...»¹, по сути, снял с Клишбиева клеймо врага народа, угнетателя трудового крестьянства и объективно осветил всю его многогранную, плодотворную деятельность на должности начальника округа и, в целом, составил портрет этой личности, как оказалось достойной в своих поступках и поведении подражания.

Клишбиев родился 5 ноября 1867 г. в основанном его предками селении Клишбихабль. Окончив в Нальчике горскую школу он, как и многие его соплеменники, выбирает карьеру военного, являвшуюся в то время основным социальным лифтом в северокавказской туземной среде. Получив соответствующее образование Клишбиев занимал командные должности в подразделениях российской армии, где достойно проявил себя, удостоившись признания вышестоящего начальства.

В 1908 г. по состоянию здоровья Клишбиев в чине ротмистра оставляет военную службу. Однако Кавказская администрация сочла полезным использовать его организаторский опыт на гражданской службе. В 1908 г. он назначается на должность начальника Хасав-Юртовского округа, а в 1910 г. становится начальником своего родного Нальчикского округа, сменив на этом посту захворавшего барона П.Л. Тизенгаузена.

Назначение на столь высокий и ответственный пост представителя коренного населения являлось неординарным событием для

¹ *Опрышко О.Л.* На изломе времен... Нальчик, 1996.

Кабарды². После ее покорения кабардинцами управляли исключительно русские военные администраторы. И вот теперь, когда местное население уже более или менее адаптировалось к российской административно-правовой системе, высший пост в округе можно было доверить кабардинцу, благонадежность и лояльность которого была проявлена за годы службы в царской армии.

Целесообразность назначения Клишбиева начальником Нальчикского округа диктовалась, помимо прочего, тем обстоятельством, что он как кабардинец хорошо разбирался в тонкостях местных нравов, привычках, мировоззрении, менталитете, то есть мог найти более приемлемые и действенные приемы реализации в горской среде российских бюрократических установок, с чем труднее бы пришлось справиться русскому чиновнику (этими же мотивами руководствовался в период гражданской войны А. Деникин, назначив на должность правителя Кабарды кабардинца, князя Т. Бековича-Черкасского)³. Неслучайно, газета «Терские ведомости» отметила преимущества нахождения у власти в Нальчикском округе выходца из местной среды, что, в частности, позитивно отразилось на образовательной сфере. С назначением начальником «природного кабардинца, – писала газета, – положение учебного дела в сельских школах значительно улучшилось, старшины стали своевременно доставлять училищам все необходимое, а ученики стали посещать уроки в большем количестве»⁴.

Заступив на свою должность, Клишбиев сразу же взял курс на модернизацию всех сфер жизни коренного населения, поставив задачу преодолеть свойственное российской северокавказской окраине отставание от центральных губерний Империи, жизнь которых он мог наблюдать по долгу службы.

Одним из первых начинаний Клишбиева явились мероприятия направленные на снижение уровня криминогенной обстановки в Нальчикском округе. Население последнего страдало от действий преступных лиц, промышлявших, грабежами, кражей лошадей и крупнорогатого скота. Заметим, что эти негативные явления, характерные в то время не только для Кабарды и Балкарии, но и для соседних округов в своей основе заключали не только криминальные мотивы, но и социально-экономическую подоплеку, то есть были вызваны материальной неустроенностью, а также ограниченностью в правах горского населения.

² Адыгская (Черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 284.

³ ЦГА РСО-А. Ф. 8. Оп. 1. Д. 13. Л. 10.

⁴ Терские ведомости. 1913. 4 октября.

Для решения указанных проблем Клишбиев инициировал ряд мероприятий, суть которых он вынес на публичное обсуждение в рамках Съезда доверенных Кабарды и Пяти горских обществ. В итоге был сформирован Летучий отряд стражников из тридцати пяти человек. Эта конная мобильная вооруженная группа, составленная из порядочных, благонадежных людей, часть из которых проявила себя в русско-японской войне, в короткие сроки навела порядок в Нальчикском округе и свела к минимуму число краж и разбоев. Примечательно, что Клишбиев сам подбирал всадников для отряда стражников, то есть не отнесся формально к решению поставленной задачи, и лично был заинтересован в успехе ее реализации.

В фольклорных источниках сохранились также сведения о том, что Клишбиев, пытаясь добиться максимальной эффективности в искоренении преступности, обязывал известных в селениях воров самих следить за соблюдением спокойствия в их кварталах и нести ответственность в случае каких-либо инцидентов⁵.

Особое внимание в своей деятельности администрация Клишбиева уделяла мероприятиям в образовательной сфере Нальчикского округа, по сути, не имевшего сколько нибудь заметной прослойки коренной интеллигенции, специалистов в различных профессиональных областях, преподавательских кадров, что препятствовало трансформации аграрного сельского населения в какое-либо подобие социума европейского типа, на который ориентировались в целом в России.

Клишбиев приложил немало усилий для решения бюрократических, финансовых вопросов, связанных со строительством капитального здания для Реального училища, в которое была преобразована в 1909 г. Нальчикская горская школа. Кроме того, Клишбиев возглавил комиссию, занимавшуюся распределением пособий для малообеспеченных детей, желающих обучаться не только в этом заведении, но и в образовательных учреждениях по всей России⁶.

Заслуживают внимание также попытки Клишбиева открыть при посредничестве начальника Терской области Флейшера в Терском областном музее, располагавшемся во Владикавказе «Адыгейского отдела», где была бы представлена материальная культура населения Нальчикского округа прошлых эпох. Эта инициатива Клишбиева показывает его понимание важности сохранения исторического наследия для малочисленного, не задающегося в большинстве своем подобного рода вопросами, теряющего самобытность народа.

⁵ Архив КБИГИ. Фонд этнография. Оп. 2. Д. 12. П. 38.

⁶ *Опрышко О.Л.* Указ. соч. С. 29.

Съезд доверенных Кабарды и Пяти горских обществ обсудив данную инициативу Клишбиева постановил, что «это мероприятие весьма желательно, так как условия нашей жизни меняются с большой быстротой и скоро очень многие предметы нашего обихода могут совсем исчезнуть» и что «наглядное знакомство с прошлым вообще крайне важно». На реализацию этих мероприятий Съезд одобрил выделение из кабардинских общественных сумм 3000 рублей.

Уладив все бюрократические формальности, Клишбиев направил соответствующее обращение в областные инстанции после чего получил письмо от Флейшера следующего содержания: «Хранитель Музея доложил мне, что Вами сделано заявление о желании Кабардинского народа образовать при Терском областном музее специально Адыгейский отдел, с отпуском на означенную цель из средств кабардинского капитала суммы. При этом Вами было высказано пожелание, что бы витрины и зал были отделаны из лесных пород Кабарды, главным образом из тиса (или красная сосна) в стиле старокабардинском. Могут еще раз приветствовать культурное начинание кабардинцев, которым еще раз подчеркивается значение Адыге, идущих всегда впереди в ряду племен Северного Кавказа, не только в ратном деле, как в настоящий момент, но не отстающих от основного великорусского населения в культурной работе»⁷.

В условиях начавшейся Первой мировой войны открытие адыгейского отдела было отложено до лучших времен.

Заслуга Клишбиева состоит также в развитии инфраструктуры Нальчикского округа. Это, прежде всего, прокладка телефонных сетей, подведение к Нальчику ветки Владикавказской железной дороги, развитие курорта, благоустройство общественного пространства и т. д.

Заметным является вклад Клишбиева в улучшение хозяйственной сферы Нальчикского округа. Для пополнения окружного бюджета он решил интенсифицировать развитие наиболее прибыльной и традиционной отрасли хозяйства – коневодства. Для этого необходимо было навести порядок в правилах пользования Зольскими пастбищами, являвшихся основным местом выпаса табунов. Многие жители округа. Имевшие на этих пастбищах участки жители округа не использовались ими по прямому назначению и зачастую сдавали в субаренду или продавали их лицам из соседних округов, что негативно сказывалось на поступлении доходов в местный бюджет. Клишбиев же разделил Зольские пастбища между крупными коннозаводчиками, способными эффективно вести

⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1005 а. Л. 84.

хозяйства и, соответственно, исправно вносить налоги. Это мероприятие вызвало недовольство в кабардинском обществе, в частности, в среде мелких владельцев скота и лошадей, не получивших участки. Объясняя суть их недовольства Клишбиев отмечал: «Кабардино-горское население в отношении пастбищ искони делится на два непримиримых лагеря: один составляют коневоды и скотоводы, достаточно самостоятельные, чтобы вести собственное хозяйство, к другому относится остальное население. Становится ясным, что на этот раз возможности держать за гроши тысячи десятин и зарабатывать на народных землях распродажей этих земель приходит безвозвратный конец»⁸.

Недовольство населения новыми правилами вылилось в крупные волнения, грозящие перейти в вооруженное столкновение. Однако благодаря дипломатичности Клишбиева, его умению найти подходы к народной массе и областным властям трагедии удалось избежать.

Заданный С. Клишбиевым высокий темп преобразований был прерван революционными событиями 1917 г. Тем не менее, период его правления позитивно отразился на социально-экономическом и культурном развитии Нальчикского округа.

⁸ ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1005 а. Л. 84.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Кожев З.А.</i> Динамика этнокультурных процессов на Северо-Западном и Центральном Кавказе в XVI–XVIII вв.	9
<i>Мирзоев А.С.</i> Соционормативная культура черкесской феодальной аристократии и ее некоторые параллели в западной и восточной культурах	31
<i>Андреев А.А.</i> Последний путь Александра Бековича Черкасского в 1717 г.	49
<i>Алоев Т.Х.</i> Куруцы и хаджреты: к (не) контрапунктичности сюжетов	65
<i>Нагоева Р.Р.</i> Вторичное закрепощение в социальной истории кабардинцев во второй четверти XIX века	90
<i>Прасолов Д.Н.</i> Проблемы общественного развития в интеллектуальной культуре кабардинцев и балкарцев в XIX – начале XX в.	101
<i>Тхамокова И.Х.</i> Из истории формирования терского казачества в XIX в.	121
<i>Варивода Н.В.</i> Правовое положение иногородних Терской области в пореформенный период	136
<i>Абазов А.Х.</i> Владикавказский окружной суд и мировые суды Терской области в последней трети XIX – начале XX в.	143
<i>Жанситов О.А.</i> Нальчикский округ в период правления С.К. Клишбиева	158

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
В XVI – НАЧАЛЕ XX В.

Сборник научных статей

Макет и техническое редактирование *З.З. Сокуровой*

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 23.12.2016

Формат 60 x 84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Усл. печ. л. 9,5. Тираж 500 экз. (1-й завод 100). Заказ № 174

Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел.: 8 (8662) 42-46-97, 42-50-94
E-mail: kbigi@mail.ru